

ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

IVANOVO STATE POWER UNIVERSITY

СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOLOV'EVSKIE ISSLEDOVANIYA

SOLOVYOV STUDIES

Выпуск 4(68) 2020

Issue 4(68) 2020

Редакционная коллегия:

- М.В. Максимов* (гл. редактор), д-р филос. наук, г. Иваново, Россия
И.И. Евлампиев (зам. гл. редактора), д-р филос. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
И.А. Едошина (зам. гл. редактора), д-р культурологии, г. Кострома, Россия
С.Д. Титаренко (зам. гл. редактора), д-р филос. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
Л.М. Максимова (отв. секретарь редколлегии), канд. филос. наук, г. Иваново, Россия
Е.М. Амелина, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
И.В. Борисова, науч. сотр. г. Москва, Россия
Бурмистров К.Ю., канд. филос. наук, г. Москва, Россия
А.Г. Гачева, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
Н.Ю. Грякалова, д-р филос. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
К.В. Зенкин, д-р искусствоведения, г. Москва, Россия
Н.В. Котрелев, ст. науч. сотр., г. Москва, Россия
Н.Н. Летина, д-р культурологии, г. Ярославль, Россия
М.В. Медоваров, канд. ист. наук, г. Нижний Новгород, Россия
Б.В. Межуев, канд. филос. наук, г. Москва, Россия
В.И. Моисеев, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
С.Б. Роцинский, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
В.В. Сербиненко, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
Е.А. Тахо Годи, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
О.Л. Фетисенко, д-р филос. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
Д.Л. Шукуров, д-р филос. наук, г. Иваново, Россия
М.Ю. Эдельштейн, канд. филос. наук, г. Москва, Россия

Международная редакционная коллегия:

- Г.Е. Аляев*, д-р филос. наук, г. Полтава, Украина
Р. Гольдт, д-р филос. наук, г. Майнц, Германия
Н.И. Димитрова, д-р филос. наук, г. София, Болгария
П. Дэвидсон, д-р философии, г. Лондон, Великобритания
Э. Ван дер Зверде, д-р философии, г. Неймеген, Нидерланды
Я. Красицки, д-р филос. наук, г. Вроцлав, Польша
Б. Маршадьё, д-р славяноведения, г. Париж, Франция
Т. Немет, д-р филос. наук, г. Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
А. Отто, д-р филос. наук, г. Кальяри, Италия

Адрес редакции:

153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34, ИГЭУ,
Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия В.С. Соловьёва
Соловьёвский семинар
Тел. (4932), 26-97-70, 26-97-75; факс (4932) 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
<http://solovyov-studies.ispu.ru>

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим группам специальностей: 09.00.00 – философские науки; 10.01.00 – литературоведение; 24.00.00 – культурология.

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему РИНЦ согласно договору № 580-12/2012 ЛО от 13 декабря 2012 г. с ООО «Научная электронная библиотека». Журнал зарегистрирован в базе данных Ulrich's periodicals directory (США).

© М.В. Максимов, составление, 2020

© Авторы статей, 2020

© ФГБОУВО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Сидорин В.В. Вл.С. Соловьев и Н.И. Кареев: к творческой истории «Оправдания добра»	8
Черкасова Е.А. Несобранный цикл о поэзии как теургии в лирике В.С. Соловьева второй половины 1890-х годов	20
Доклады , прочитанные на заседаниях Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева 1907–1908 гг. / <i>Подготовка публикации и коммент. А.В. Волкова</i>	34

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Шалыгина О.В. А. Вольнский. Критические и догматические элементы в философии Канта (ч. XV–XVI)	47
Райнов Т.И. Очерки по истории русской философии 50–60-х годов. Части четвертая и пятая / <i>Подготовка к публикации С.С. Илизарова и В.А. Курянова</i>	62

К 150-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

И.И. ЛАПШИНА, Н.О. ЛОССКОГО, П.Б. СТРУВЕ

Ермичев А.А. И.И. Лапшин и Н.О. Лосский в журнале «Der russische Gedanke».....	75
Яковенко Б.В. Иван Иванович Лапшин / <i>Публ. и пер. с нем. А.А. Ермичева</i>	79
Яковенко Б.В. К 60-летию Николая Онуфриевича Лосского / <i>Публ. и пер. с нем. А.А. Ермичева</i>	80
Рецензии В. Янкелевича, Б. Яковенко, С. Гессена и Э. Хармса на четыре книги Н.О. Лосского / <i>Публ. и пер. с нем. А.А. Ермичева</i>	82
Рецензии Н.О. Лосского на книги Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и сборники «Пути реализма» и «О Достоевском» / <i>Публ. и пер. с нем. А.А. Ермичева</i>	88
Амелина Е.М. Государство и национальная культура в творчестве П.Б. Струве (К 150-летию со дня рождения)	94

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.А. ФЕТА

Кошелев В.А. «На Востоке есть у Бога заповедные места...»	108
Ипатов С.А. Об участии Вл.С. Соловьева в фетовском переводе «Энеиды» Вергилия	119

ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

Евлампиев И.И. «Преступление и наказание»: мистический роман о спасении мира через любовь Иисуса Христа и Софии	136
Филатов А.В. Два подхода к анализу пространственно-временной организации произведения (М.М. Бахтин и В.М. Жирмунский)	151
Захарова Е.М. Хронотоп литературно-критического высказывания (на материале книг И.И. Виноградова)	162
Переписка П.П. Перцова и Б.В. Никольского (1896 – 1900). Часть 3 / <i>Подготовка текста и комментарий О.Л. Фетисенко</i>	177

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Осенняя сессии Соловьевского семинара, посвященная 20-летию журнала «Соловьевские исследования» (Информационное письмо о научных мероприятиях Соловьевского Семинара в 2021 г.)	188
О ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ».....	195
О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ».....	197
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	197

Editorial Board:

- M.V. Maksimov* (Chief Editor), Doctor of Philosophy, Ivanovo, Russia
I.I. Evlampiev (Deputy Chief editor), Doctor of Philosophy, St. Petersburg, Russia,
I.A. Edoshina (Deputy Chief editor), Doctor of Cultural Studies, Kostroma, Russia
S.D. Titarenko (Deputy Chief editor), Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
L.M. Maksimova (responsible secretary), Candidate of Philosophy, Ivanovo, Russia,
E.M. Amelina, Doctor of Philosophy, Moscow, Russia,
I.V. Borisova, Research Scientist, Moscow, Russia,
K.U. Burmistrov, Candidate of Philosophy, Moscow, Russia,
A.U. Gacheva, Doctor of Philology, Moscow, Russia,
N.U. Gryakalova, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
K.V. Zenkin, Doctor of Art History, Moscow, Russia,
N.V. Kotrelev, Senior Research Scientist, Moscow, Russia,
N.N. Letina, Doctor of Cultural Studies, Yaroslavl, Russia,
M.V. Medovarov, Doctor of History, Nizhny Novgorod, Russia,
B.V. Mezhev, Candidate of Philosophy, Moscow, Russia,
V.I. Moiseev, Doctor of Philosophy, Moscow, Russia,
S.B. Rotsinskiy, Doctor of Philosophy, Moscow, Russia,
V.V. Serbinenko, Doctor of Philosophy, Moscow, Russia,
E.A. Takho-Godi, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
O.L. Fetisenko, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
D.L. Shukurov, Doctor of Philology, Ivanovo, Russia,
M.U. Edelstein, Candidate of Philology, Moscow, Russia.

International Editorial Board:

- G.E. Aliaiev*, Doctor of Philosophy, Poltava, Ukraine,
R. Goldt, Doctor of Philology, Mainz, Germany,
N.I. Dimitrova, Doctor of Philosophy, Sofia, Bulgaria,
P. Davidson, Doctor of Philosophy, London, United Kingdom
E. van der Zweerde, Doctor of Philosophy, Nijmegen, Netherlands,
Ya. Krasicki, Doctor of Philosophy, Wroclaw, Poland,
B. Marchadier, Doctor of Slavonic studies, Paris, France,
T. Nemeth, Doctor of Philosophy, New York, United States of America
A. Onno, Doctor of Philosophy, Cagliari, Italy

Address:

Interregional Research and Educational Center for Heritage Studies V.S. Solovyov – Solovyov Workshop
Ivanovo State Power Engineering University
34, Rabfakovskaya st., Ivanovo, Russian Federation, 153003
Tel. (4932), 26-97-70, 26-97-75; Fax (4932) 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru <http://solovyov-studies.ispu.ru>

The Journal is included in the List of Leading Reviewed Scientific Journals and Publications, which are approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for publishing the main scientific results of the dissertations on the candidate and doctoral degrees for the following groups of specialties: 09.00.00 – Philosophical Sciences; 10.01.00 – Literature Studies; 24.00.00 – Cultural Studies.

Information about published articles is sent to the Russian Science Citation Index by agreement with «Scientific Electronic Library» Ltd. No. № 580-12/2012 LO of 13.12.2012. The journal is included into the database of periodicals "Ulrich's periodicals directory" (USA).

© M.V. Maksimov, preparation, 2020

© Authors of Articles, 2020

© Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education «Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin», 2020

CONTENT

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

Sidorin V.V. VL. Solovyov and N.I. Kareev: the question of the creative history of the «Justification of the Moral Good».....	8
Cherkasova E.A. The uncompleted cycle about poetry as theurgy in Vl. Solovyov's lyrical poetry of the second half of the 1890s	20
Reports presented at the meetings of the Moscow religious-philosophical society in memory of Vladimir Solovyov 1907–1908 rr. / <i>Text origination and notes by A.V. Volkov</i>	34

HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY

Shalygina O.V. A. Volynsky. The article “Critical and dogmatic elements in Kant's philosophy” (the parts XV–XVI)	47
Rainov T.I. Sketches on the history of russian philosophy of the 50–60s. Parts four and five / <i>Prepared for publication by S.S. Ilizarov and V.A. Kupriyanov</i>	62

TO THE 150th ANNIVERSARY OF I.I. LAPSHIN, N.O. LOSSKY, P.B. STRUVE

Ermichev A.A. I.I. Lapshin and N.O. Lossky in the journal “Der Russische Gedanke”...	75
Yakovenko B.V. Ivan Ivanovich Lapshin / <i>Publ. and transl. from German by A.A. Ermichev</i>	79
Yakovenko B.V. To the 60th anniversary of Nikolay Onufrievich Lossky / <i>Publ. from German by A.A. Ermichev</i>	80
Reviews by V. Yankelevich, B. Yakovenko, S. Hessen and E. Harms on four books by N.O. Lossky / <i>Publ. and trans. from German by A. A. Ermichev</i>	82
Reviews by N.O. Lossky on the books of N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov and the collections “Ways of Realism” and “About Dostoevsky” / <i>Publ. and transl. from German by A.A. Ermichev</i>	88
Amelina E.M. State and national culture in P.B. Struve's writings (on the occasion of the 150th anniversary of his birth).....	94

TO THE 200th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A.A. FET

Koshelev V.A. “In the East God has sacred places...”	108
Ipatova S.A. On V.S. Solovyov's Participation in the Translation of Virgil's “Aeneid” by Fet	119

PHILOSOPHY AND PHILOLOGY

Evlampiev I.I. “Crime and Punishment”: A Mystical Novel about Saving the World through the Love of Jesus Christ and Sophia	136
---	-----

Filatov A.V. Two approaches to the analysis of spatial and temporal organizations of a literary work (M.M. Bakhtin and V.M. Zhirmunsky)	151
Zakharova E.M. Chronotope of literary-critical judgement (based on books of I.I. Vinogradov)	162
Correspondence of P.P. Pertsov and B.V. Nikolsky (1896–1900). <i>Part 3 / Text origination and notes by O.L. Fetisenko</i>	177

SCIENTIFIC LIFE

Autumn session of the Solovyov seminar dedicated to the 20th anniversary of the journal “Solovyov studies” (Information letter on the scientific events of the Solovyov Seminar in 2021)	188
ON “SOLOVYOV STUDIES” JOURNAL	195
ON SUBSCRIPTION TO “OLOVYOV STUDIES” JOURNAL.....	197
INFORMATION FOR AUTHORS.....	197

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

УДК 17:930(2)
ББК 87.3(2)522-685

Сидорин Владимир Витальевич

Институт философии Российской академии наук, научный сотрудник сектора истории русской философии, кандидат философских наук,
Россия, Москва, e-mail: vlavitsidorin@gmail.com

Вл.С. Соловьев и Н.И. Кареев: к творческой истории «Оправдания добра»

Анализируется контекст написания философского трактата Вл. Соловьева «Оправдание добра», что является необходимым условием добросовестной реконструкции творческой истории данного трактата, а значит, и должного анализа его концептуального и идейного содержания. Целью исследования является детальное восстановление интеллектуальной атмосферы, в которой создавалось данное произведение, что подразумевает обращение к философской деятельности менее именитых современников Вл. Соловьева, в том числе Н.И. Кареева, за творчеством которого Соловьев внимательно следил, отзываясь на него не только критически, но и с известной долей симпатии. Рассматривается известная дискуссия между двумя мыслителями по вопросам философии истории и теории исторического процесса. Позиция Соловьева в указанной дискуссии обозначена как содержащая зерно замысла, воплощенного в социально-философской и философско-исторической – частях «Оправдания добра». Кроме того, текстологический, концептуальный и сравнительный анализ текста трактата показывает, что научная деятельность Н.И. Кареева была немаловажным фактором того интеллектуального контекста, в котором родился, осуществлялся и корректировался замысел соловьевского трактата. Рассматриваются комментаторские по отношению к Н. Карееву (и Н. Михайловскому) примечания к тексту «Оправдания добра», вычеркнутые автором при подготовке к изданию 1899 года, ставшего, как известно, основой всех последующих переизданий. Показывается, что Вл. Соловьеву были симпатичны и до определенной степени близки не только попытки Кареева создать цельную философско-историческую концепцию и его идеи о высоком историческом призвании личности, но и общий пафос его теории, заключающийся в понимании нравственной деятельности как ключевого фактора исторических изменений, рассмотрение исторического процесса как сферы объективации моральных идеалов.

Ключевые слова: философский трактат Вл. Соловьева «Оправдание добра», субъективная социология, философия истории, теория исторического процесса, нравственная философия, историческая причинность, социальная философия, личность и общество, нравственный идеал

Sidorin Vladimir Vitalyevich

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
research fellow in the Department of History of Russian Philosophy, PhD (Philosophy),
Russia, Moscow, e-mail: vlavitsidorin@gmail.com

VL. Solovyov and N.I. Kareev: the question of the creative history of the “Justification of the Moral Good”

The following essay analyzes the context in which Vl. Solovyov wrote his philosophical treatise “Justification of the Moral Good”. Such an analysis is a necessary condition for a conscientious reconstruction of the treatise’s creative history and thus for a proper analysis of the concepts and ideas expressed therein. The aim of this study is a detailed restoration of the intellectual atmosphere in which Solovyov’s work was created. Such a project requires a turn to the philosophical activities of less eminent contemporaries of Solovyov, including N.I. Kareev, whose work Solovyov closely followed, responding to him not just critically, but also with a certain amount of sympathy. We also take up here a well-known discussion between the two concerning the philosophy of history and the theory of the historical process. Solovyov’s position in this discussion is shown as containing the kernel of a plan embodied in the parts of the “Justification” dealing with social philosophy and philosophy of history. In addition, a textual, conceptual, and comparative analysis of Solovyov’s treatise shows that Kareev’s scholarly activity was an important factor in the intellectual context in which the plan of the treatise arose, was realized, and corrected. The essay also examines the notes in the text of the Justification that are complementary to N. Kareev (and to N. Mikhailovsky) and that were deleted by the author in preparing the 1899 edition. As we know, this later edition became the basis of all subsequent editions and reprintings. We see that Solovyov was sympathetic and to a certain degree close not only to Kareev’s attempts to create an integral philosophical and historical standpoint, but also to his ideas about the high historical vocation of the individual. However, he was also sympathetic to the general pathos of Kareev’s theory, which consists in understanding moral activity as a key factor in historical change, taking the historical process as a sphere of the objectification of moral ideals.

Key words: Vl. Solovyov’s philosophical treatise “Justification of the Moral Good”, subjective sociology, philosophy of history, theory of historical process, moral philosophy, historical causality, social philosophy, personality and society, the moral ideal

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.008-019

В научно-исследовательской литературе о Вл. Соловьеве признание «Оправдания добра» одной из ключевых работ в наследии отечественного мыслителя стало – и справедливо – фактически общим местом. При этом, как правило, отмечается и существенная полемическая заряженность этого произведения, на страницах которого автор спорит как с современниками, так и с философами прошлого – особенно с И. Кантом, Дж. Миллем, А. Шопенгауэром, Л.Н. Толстым. Без учета и тщательного анализа подобного полемического контекста написания «Оправдания добра», безусловно, невозможна добросовестная реконструкция творческой истории этого трактата, а значит, и должный анализ его концептуального и идейного содержания. Вместе с тем немало важным для понимания этого – да и других – текста Соловьева является более

детальное восстановление интеллектуальной атмосферы, в которой создавалось произведение. Речь идет, в частности, о научной и публицистической деятельности менее именитых современников Соловьева – Л.М. Лопатина, Н.Я. Грота, Д.Н. Цертелева, Н.И. Кареева и др. Рассмотрение идей Соловьева в этом контексте открывает новые грани в наследии отечественного философа и вносит уточнения в наше понимание этого наследия. Значительным явлением философской жизни 1880–1890-х годов было философское творчество Н.И. Кареева, именно в эти годы приобретшего значительную известность и популярность не только в качестве историка, но и философа, что подтверждается и постоянными – на протяжении 1880–1890-х гг. – переизданиями его работ, посвященных философии истории, социальной философии, этике.

Тема взаимоотношений Вл. Соловьева и Н.И. Кареева уже становилась предметом, в том числе, и специальных исследований в соловьеведческой литературе¹. Но авторы помещали в центр своего внимания либо проблему личных отношений двух мыслителей, либо их полемику по вопросам методологии исторической науки и философии истории, в самом начале 1890-х годов². Однако текстологический, концептуальный и сравнительный анализ «Оправдания добра» показывает, что научная деятельность Н.И. Кареева в целом имела определенное значение в том интеллектуальном контексте, в котором родился, осуществлялся и корректировался замысел соловьевского трактата.

Сама эта дискуссия была, как представляется, совсем не рядовым фактом биографии Вл. Соловьева этого периода, характеризующегося возвращением к философским штудиям, и, возможно, стала своеобразным триггером появления творческого замысла, из которого вскоре и появился знаменитый этический трактат. Одной из главных для Кареева тем упомянутых статей была необходимость и условия разработки теории исторического процесса, которая, по его мнению, может и должна быть выстроена вне философских спекуляций, исключительно на научной основе. Именно это положение стало одной из основных мишеней соловьевской критики. Признавая, что пришла пора обобщения исторических знаний, Вл. Соловьев категорически не соглашается с тем, что эта задача может быть выполнена без разрешения ряда принципиальных философских вопросов: свободы воли, субъект-объектных отношений, взаимодействия личности и общества. При этом именно последняя проблема оказывается,

¹ См.: Буллер А. В.С. Соловьев и вопросы теории истории // Соловьёвские исследования. 2015. № 3 (47). С. 6–20 [1]; Малинов А.В. В.С. Соловьев и Н.И. Кареев (к истории взаимоотношений) // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / под ред. Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 108–121 [2]; Максимов М.В. Вл. Соловьев и Н.И. Кареев: нужна ли метафизика для философии истории? // Учен. зап. Ивановской гос. арх.-строит. акад. Вып. 6. Иваново, 1997. С. 62–65 [3].

² См., напр.: Кареев Н.И. Разработка теоретических вопросов исторической науки // Историческое обозрение: сб. Исторического общества при Императорском С.-Петербургском ун-те за 1890 г. Т. 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890. С. 3–34 [4]; Кареев Н.И. Философия, история и теория прогресса // Там же. С. 113–164 [5]; Соловьев Вл.С. Руководящие мысли «Исторического обозрения» // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 10. С. 75–86 [6].

по мнению Соловьева, глубоко философской по своему существу, поскольку требует рассмотрения вопроса об основаниях единства исторического процесса и его конечной цели и не разрешима средствами исторической науки, хотя имеет для нее первостепенное значение: «...именно отношение между “особняком” и совокупностью, между индивидуальным и общим, между частными элементами и целым, или, говоря конкретно, между отдельными людьми и всем народом или всем человечеством – это отношение, от которого зависит специфический характер причинности исторической в отличие ближайшим образом от простой психологической, – оно-то и составляет умозрительный вопрос, совершенно неразрешимый для историка, как такового» [6, с. 77]. В этом коротком пассаже можно увидеть зерно замысла, воплощенного Вл. Соловьевым в значительной – социально-философской – части «Оправдания добра», которое в этом отношении можно рассматривать как детальный ответ мыслителя на затронутый в полемике между друзьями юности вопрос о специфике исторической причинности. Стоит отметить, что реализация этого замысла началась фактически уже в 1892 году, когда в печати появляется статья Соловьева «Личная нравственность и общее дело», посвященная постепенной объективации нравственных требований в исторической действительности и социальной системе и вошедшая затем без существенных изменений в книжное издание «Оправдания добра»³.

Характерно, что Соловьев упрекал Кареева и в утверждении «небывалой бездны между миром человеческим и природным»: у последнего тем самым отнимается всякое идеальное и нравственное значение, а также в проведении несуществующей границы между субъектом и объектом⁴. При этом тема единства космического и исторического процессов станет одной из ключевых в «Оправдании добра», а проблема субъект-объективных отношений – «Теоретической философии» (1899). Конечно, обращение Вл. Соловьева к подобной проблематике в середине 1890-х годов было в первую очередь возвращением к философским темам юности, но дискуссия с Кареевым, возможно, стала одним из факторов, подтолкнувших мыслителя к возвращению на философскую стезю после перерыва 1880-х годов, связанного с увлечением публицистическим жанром и работами по церковной тематике. В таком случае маленькая рецензия, написанная Вл. Соловьевым для ноябрьской книжки «Вопросов филосо-

³ См.: Соловьев Вл. С. Личная нравственность и общее дело // Помощь голодающим: Научно-литературный сборник / под ред. Д. Анучина. М.: Изд. «Русских ведомостей», 1892. С. 556–564 [7]. Эта статья представляет собой главки II–III главы 12 «Отвлеченный субъективизм в нравственности» издания 1899 года, которое и стало основой всех последующих изданий (см. также републикацию статьи и преамбулу к комментарию: Соловьев Вл.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. Чтения о Богочеловечестве. Философская публицистика / сост., подгот. текста и примеч. Н.В. Котрелева и Е.Б. Рашковского. М.: Правда, 1989. С. 459–465, 699) [8].

⁴ См.: Соловьев Вл.С. Руководящие мысли «Исторического обозрения» // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 10. С. 83.

фии и психологии» в 1891 году, имеет для его творческой биографии несколько большее значение, чем это обычно предполагается.

Стоит упомянуть, что Вл. Соловьёв был хорошо знаком и с кареевской критикой «России и Европы» Н.И. Данилевского. В 1889 году вышла статья Кареева «Теория культурно-исторических типов», где тот выступил против проповедуемого Данилевским национализма в науке и попытался обосновать шаткость и противоречивость его построений, в которых единство исторического процесса и, соответственно, возможность «общей теории общества» была принесена в жертву «идее славянства»⁵. Вл. Соловьёв высоко оценил данную статью, полагая, что в ней дана критическая оценка, в сущности аналогичная его собственной⁶.

Знакомство Вл. Соловьёва с творчеством Н.И. Кареева не ограничивалось, однако, упомянутыми статьями последнего в «Историческом обозрении» и «Русской мысли» и было существенно шире. В первых двух редакциях «Оправдания добра» – журнальных статьях 1894–1896 годов и книжном издании 1897 года – есть два прямых комплиментарных отзыва о работах Н.И. Кареева. Первый из них заключается в крайне положительной оценке идеи о ключевом значении личности в истории. В главе 10 «Личность и общество» Вл. Соловьёв писал: «Окончательная единица человеческого общества есть личность и она всегда была деятельным началом исторического прогресса, т.е. перехода от узко ограниченных и скудных форм жизни к более обширным и содержательным общественным образованиям» [11, с. 242]. В журнальной редакции этой главы и в издании 1897 года к этому месту было сделано примечание, вычеркнутое философом при подготовке издания 1899 года: «Эта важная истина о значении личности в истории, отрицаемая некоторыми популярными теориями, составляет господствующую идею многих сочинений почтенного проф<ессора> Н.И. Кареева, которые с этой своей стороны должны быть признаны одним из симпатичных и утешительных явлений нашей современной литературы» [12, с. 21]⁷. О попытках Н.И. Кареева защитить личность как активного субъекта исторического процесса Соловьёв сочувственно отзывался еще в статье «Руководящие мысли “Исторического обозрения”». Этому вопросу была посвящена книга «Сущность исторического процесса и роль личности в истории», знакомство Соловьёва с которой, судя по данному отзыву, весьма вероятно. В этой работе Кареев сводил исторический процесс к сложному взаимодействию личной деятельности и «безличной эволюции над-органических явлений» (культурных форм), которая в свою очередь заключается в изменении «общественных состояний», совершающемся в конечном счете по воле личностей же, что и определяет их ключевое значение

⁵ См.: Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов // Русская мысль. 1889. Кн. 9. С. 1–32 [9].

⁶ Соловьёв Вл.С. Немецкий подлинник и русский список // Соловьёв Вл.С. Собрание сочинений / под ред. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. 2-е изд. Т. 5. СПб.: Просвещение, 1912. С. 324 [10].

⁷ Ср.: Соловьёв Вл. С. Оправдание добра. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1897. С. 271 [13].

для исторической эволюции⁸. Сам автор рассматривал эту работу, как продолжение «Основных вопросов философии истории» – книги, выдержавшей к концу XIX века три издания (1884, 1887, 1897 гг.). Здесь обосновывается неизбежность и необходимость качественной оценки исторической эмпирики с точки зрения идеалов, которые при условии достаточного критицизма свободны от односторонности и исключительности, в силу чего имеют общезначимую и общечеловеческую природу, что и позволяет говорить о «законном субъективизме» в оценке исторического процесса⁹. Вл. Соловьеву, вероятно, была в той или иной степени известна и эта работа: по крайней мере, его отклик на статьи последнего в «Историческом обозрении» демонстрирует достаточно глубокое знакомство с общей позицией Кареева. Кроме того, философ прямо пишет о «полном сочувствии», которого заслуживают *труды* профессора в деле философского понимания истории¹⁰. К теории прогресса Вл. Соловьев был настроен откровенно скептически, иронично указывая, что в рассуждениях Кареева о прогрессе «отразились умственные впечатления его первой юности, когда слово прогресс играло огромную роль и обозначало какую-то неопределенную, но весьма великолепную сущность, в роде истины, божества и т.п.»¹¹. Вместе с тем текст рецензии и ряд мест в «Оправдании добра» свидетельствуют о том, что при всем критицизме Соловьева ко многим аспектам концепции Кареева многое из воззрений последнего было ему симпатично. Думается, что при всех различиях между глубоко религиозной философией Соловьева и во многих аспектах позитивистски ориентированной теорией Кареева первому был близка не только сама попытка создания цельной философско-исторической концепции и идея высокого исторического призвания личности, но и общий пафос, заключающийся в понимании сферы моральных идеалов, нравственной деятельности личности как ключевого фактора исторических изменений, главного двигателя социальной эволюции.

Следует отметить, что Вл. Соловьев высоко оценивал и аналогичные идеи Н.К. Михайловского о значении личности для истории. В главе 11 «Историческое развитие лично-общественного сознания в его главных эпохах» в первых двух редакциях текста к рассуждениям философа о собирательной нравственности и роли «героической толпы» в ее развитии было сделано следующее примечание: «О страдательном, или отраженном, отношении особей к окружающей среде или к данному собирательному целому см. между прочим исследования Тарда, а также превосходную, к сожалению, неоконченную статью Н.К. Михайловского “Герои и толпа” (в собрании его сочинений)»

⁸ См.: Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1890. С. 610–611 [14].

⁹ См.: Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. 3-е изд. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1897. С. 176 [15].

¹⁰ Соловьев Вл.С. Руководящие мысли «Исторического обозрения» // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 10. С. 79.

¹¹ Там же. С. 85.

[16, с. 6–7; 13, с. 282]¹². Идеи о высоком историческом призвании личности, развиваемые представителями субъективной социологии, не могли не импонировать Вл. Соловьёву, отвечая его представлениям об истории как *богочеловеческом* процессе. Именно стремление «лучших людей» оказывалось ключевым фактором, обеспечивающим постепенное развитие все более широкой собирательной нравственности. Упоминание Ж.Г. Тарда, впрочем, свидетельствует, что работы Кареева и Михайловского не были единственным источником, из которого Соловьёв черпал подтверждения собственной позиции по вопросу о роли личности в истории.

Второй прямой комплиментарный отзыв Вл. Соловьёва о творчестве Н.И. Кареева относился к многочисленным статьям последнего, посвященным критике экономического материализма. Как раз в 1896 году – в конце которого в «Вестнике Европы» и появилась статья Вл. Соловьёва, посвященная экономической проблематике, – Кареев опубликовал «Старые и новые этюды об экономическом материализме» – собрание статей 1890-х годов, опубликованных ранее в разнообразных журналах («Историческое обозрение», «Русской богатство», «Юридический Вестник» и др.), а также в сборнике «Историко-философские и социологические этюды» (1895 г.). Собрание было дополнено автором рядом новых материалов. Текст «Оправдания добра» демонстрирует знакомство автора и с этим аспектом творческой деятельности Кареева. Рассматривая экономический вопрос с нравственной точки зрения, Вл. Соловьёв указывал, что плутократия и социализм совпадают в своем общем принципе, с его точки зрения глубоко ложном по существу, – в определении человека преимущественно как субъекта экономических отношений, в придании материальному интересу господствующего положения. При этом примечание, заканчивающее главу III главы 16 «Оправдание добра» («Экономический вопрос с нравственной точки зрения»), в предыдущих редакциях текста выглядело несколько иначе¹³. За констатацией упреков «в неверном представлении и несправедливой оценке социализма», последовавших еще после публикации в 1878 году 14 главы «Критики отвлеченных начал», следовал достаточно объ-

¹² Ср., напр.: Соловьёв Вл. С. Оправдание добра // Соловьёв Вл. С. Собрание сочинений / под ред. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. Т. 8. СПб.: Просвещение, 1914. С. 250. Жан Габриель Тард (1843–1904) – французский социолог, криминолог, один из основателей субъективно-психологического направления в западной социологии. По его мнению, одной из основ существования общества выступает деятельность индивидов в форме подражания (имитации), что способствует сохранению целостности общества. Однако развивается общество за счет «изобретений» (или «нововведений») – результата деятельности творческого меньшинства, которые, возникнув, приводят в действие механизм подражания. Идеи Ж.Г. Тарда были достаточно популярны в России в конце XIX века, оказав влияние и на концепции представителей российской «субъективной школы». Многие его книги переводились на русский язык сразу же после их публикации во Франции (см., напр.: Тард Ж. Законы подражания. СПб., 1892; Тард Ж. Преступления толпы / пер. с фр. яз. д-ра И.Ф. Иорданского. Казань, 1893).

¹³ Ср.: Соловьёв Вл. С. Оправдание добра // Собрание сочинений / под ред. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. Т. 8. СПб.: Просвещение, 1914. С. 372.

емный пассаж: «Распространение этого учения, несовместимого (логически) ни с каким нравственным идеалом, вооружило против него таких писателей, которых уже никак нельзя заподозрить в недостаточной преданности общественному прогрессу, – каковы у нас в России Н.К. Михайловский, проф Н.И. Кареев и В.А. Гольцев. Опровержение марксизма со стороны логической и политико-экономической см. особенно в статьях Л.З. Слонимского и К.Ф. Головина, сходящихся в оценке явления, несмотря на совершенно различные точки зрения» [17, с. 546–547]. В издании 1897 года указание на В.А. Гольцева уже отсутствовало (после «Н.И. Кареев» стояла точка), а добавление «сходящихся в оценке явления, несмотря на совершенно различные точки зрения» было вычеркнуто¹⁴. Таким образом, работы Кареева – как и иных упомянутых выше авторов – стали для Вл. Соловьева источником для уточнения собственных воззрений на экономическую проблематику¹⁵. Критика указанными авторами экономического материализма, видимо, в определенной степени подтверждала идеи самого Соловьева об отсутствии сугубо экономической необходимости, неких объективных экономических законов, которые были бы независимы от деятельности человека как нравственного существа, и вместе с тем убеждение философа в том, что существующее в экономической сфере положение вещей не отвечает достоинству личности и принципу, запрещающему рассматривать человека как средство, а не цель.

Вряд ли возможно со всей определенностью установить причины, побудившие Вл. Соловьева вычеркнуть при подготовке «Оправдания добра» ко второму книжному изданию комплиментарные отзывы о Карееве и Михайловском¹⁶. Возможно, это было вызвано желанием философа дистанцироваться от дискуссии между народниками и марксистами, которая к концу 1890-х годов во многом благодаря деятельности «легальных марксистов» приобрела больший, чем прежде, масштаб, вовлекая в собственный ход более широкие круги и новое поколение российских интеллектуалов. Не исключено, что, в том числе, и

¹⁴ См.: Соловьев Вл. С. Оправдание добра. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1897. С. 446.

¹⁵ Следует отметить, что еще одним важным источником этой части «Оправдания добра» послужила работа экономиста народнического толка и, по свидетельству Кареева, их с Соловьевым однокурсника по 1-й Московской гимназии А.А. Исаева (1851–1924), «Начала политической экономии» которого сочувственно цитируются на страницах трактата (см.: Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1990. С. 101 [18]). При этом в рамках данной статьи мы не рассматриваем вопрос о степени и характере влияния на аргументацию Вл. Соловьева в гл. XVI той критики марксизма и либеральной политэкономии, которая осуществлялась народническими кругами: данная проблема – как и более общий вопрос об источниках экономических и философско-экономических воззрений мыслителя – требует, на наш взгляд, отдельного обстоятельного исследования.

¹⁶ Скрупулезная текстологическая работа по сличению трех редакций «Оправдания добра» была проделана в Германии в 1970-е гг. Отмеченные выше правки см.: Webris В. Der russische Text der "Rechtfertigung des Guten" ("Opravdanie dobra" von Vladimir Solov'ev. Dünaburg, Lettland, 1973. S. 136, 138, 199 [19]). Нам также хотелось бы выразить признательность Г.Б. Кремневу за ознакомление с результатами заново проведенного им – с существенными уточнениями и дополнениями – текстологического исследования опубликованного Вл. Соловьевым текста.

это обстоятельство заставило Вл. Соловьева убрать указанные моменты из итогового варианта «Оправдания добра» в стремлении избежать интерпретации этих примечаний как поддержки одной из сторон. Правки могли быть и отражением внутренней творческой эволюции философа: вопросы экономической необходимости, проблемы связи нравственности и материальной сферы жизни и значения личности как ключевого субъекта исторического процесса приобретали сравнительно меньшее значение – и, возможно, пересматривались – в контексте усиления напряженных эсхатологических мотивов, характерного для мироощущения Вл. Соловьева в последние годы его жизни.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что Вл. Соловьев по крайней мере в конце 1880-х – первой половине 1890-х гг. внимательно следил за творческой деятельностью друга детства, относясь к ней не только критически, но и с откровенной симпатией. Это позволяет предположить, что философу были знакомы и другие произведения Кареева середины 1890-х годов, прямо соответствующие философской проблематике, занимающей его в эти годы: в указанное десятилетие Кареев опубликовал ряд работ, прямо отвечающих тематике соловьевского трактата и конкурирующих с ним за внимание просвещенной публики. В 1895 году появляются «Мысли об основах нравственности» – работа, также ставшая своеобразной приметой времени, о чем свидетельствуют последовавшие переиздания (2 изд. – 1896 г., 3 изд. – 1905 г.). Важнейшей задачей, которую решали оба мыслителя, было преодоление утилитаристских тенденций в этике, хотя оба автора различным образом формулировали и разрешали затронутые теоретические проблемы, имели отчасти разные читательские аудитории. Для Кареева основанием этого преодоления стали развиваемая под влиянием Канта этика долга, которую он пытался вместе с тем избавить от формализма и метафизичности, а также психологистические тенденции, проявляющиеся в попытке укоренить нравственные идеалы в психической жизни, – оба аспекта обнаруживают очевидное влияние Ф. Brentano, на которого Кареев чуть ли не первый в России обратил пристальное внимание и краткий, ознакомительный перевод работы которого «О происхождении нравственного познания» (1889 г.) включил в первое издание «Мыслей». Примечательно, что сам Кареев был хорошо знаком с печатаемыми статьями Соловьева – будущими главами «Оправдания добра», вышедшими к тому моменту. Первое издание «Мыслей» в качестве своеобразного приложения содержало список рекомендуемой для дальнейшего чтения литературы по этике: статьи Соловьева, содержание которых Кареев интерпретировал как обосновывающий автономию этики интуитивизм, не просто рекомендуются в нем среди двух десятков других наименований, но и, говоря о максимально коротком варианте списка, он включает в него именно их как лучшее сочинение по этике на русском языке¹⁷. В том же 1895 году была опубликована и работа «Мысли о сущности обще-

¹⁷ См.: Кареев Н.И. Мысли об основах нравственности. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1895. С. 156, 172–173 [20].

ственной деятельности» (второе издание вышло в 1901 г.), в которой была предпринята очередная для Кареева попытка интерпретировать социальное как объективацию этического: и то и другое оказывалось разными сферами (частной и публичной) реализации одних и тех же нравственных принципов, ключевыми из которых объявлялись альтруизм и невозможность понимания человека как средства, а не цели¹⁸. Кареевская интерпретация высшего блага – счастье всех и всеобщее благополучие была, очевидна, чужда нравственной философии Вл. Соловьева, однако трудно не заметить, как кажется, и определенных созвучий этих двух этических и социально-философских проектов 1890-х годов.

Таким образом, научная деятельность Н.И. Кареева, являвшаяся немаловажной характеристикой российского интеллектуального ландшафта последних двух десятилетий XIX века, представляет собой, как нам кажется, любопытный эпизод творческой истории «Оправдания добра», который может уточнить некоторые аспекты развиваемой Вл. Соловьевым в этом трактате нравственной философии, особенно в ее социально-философской и философско-исторической частях. При всем своем критицизме по отношению к прогрессистским воззрениям и позитивистским элементам историко-теоретической концепции Кареева Вл. Соловьев в целом положительно оценивал взгляды Кареева на личность как субъекта исторического процесса, экономический материализм и глубокую связь исторического и социального с нравственной сферой, находя в них, по-видимому, своеобразное подтверждение собственным интуициям и идеям.

Список литературы

1. Буллер А. В.С. Соловьев и вопросы теории истории // Соловьевские исследования. 2015. Вып. 3(47). С. 6–20.
2. Малинов А.В. В.С. Соловьев и Н.И. Кареев (к истории взаимоотношений) // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / под ред. Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 108–121.
3. Максимов М.В. Вл. Соловьев и Н.И. Кареев: нужна ли метафизика для философии истории? // Учен. зап. Ивановской гос. арх.-строит. акад. Вып. 6. Иваново, 1997. С. 62–65.
4. Кареев Н.И. Разработка теоретических вопросов исторической науки // Историческое обозрение: сб. Исторического общества при Императорском С.-Петербургском ун-те за 1890 г. Т. 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890. С. 3–34.
5. Кареев Н.И. Философия, история и теория прогресса // Историческое обозрение: сб. Исторического общества при Императорском С.-Петербургском ун-те за 1890 г. Т. 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890. С. 113–164.
6. Соловьев Вл.С. Руководящие мысли «Исторического обозрения» // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 10. С. 75–86.
7. Соловьев Вл. С. Личная нравственность и общее дело // Помощь голодающим: Научно-литературный сборник / под ред. Д. Анучина. М.: Изд. «Русских ведомостей», 1892. С. 556–564.
8. Соловьев Вл.С. Личная нравственность и общее дело // Соловьев Вл.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. Чтения о Богочеловечестве. Философская публицистика / сост., подгот. текста и прим. Н.В. Котрелева и Е.Б. Рашковского. М.: Правда, 1989. С. 459–465.

¹⁸ См.: Кареев Н.И. Мысли о сущности общественной деятельности. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1895 [21].

9. Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов // Русская мысль. 1889. Кн. 9. С. 1–32.
10. Соловьёв Вл.С. Немецкий подлинник и русский список // Соловьёв Вл.С. Собрание сочинений / под ред. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. 2-е изд. Т. 5. СПб.: Просвещение, 1912. С. 324–351.
11. Соловьёв Вл.С. Оправдание добра // Соловьёв Вл.С. Собрание сочинений / под ред. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. 2-е изд. Т. 8. СПб.: Просвещение, 1914. 722 с.
12. Соловьёв Вл.С. Личность и общество // Книжки недели. 1896. № 5. С. 5–28.
13. Соловьёв Вл.С. Оправдание добра. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1897. 681 с.
14. Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1890. 634 с.
15. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. 3-е изд. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1897. 456 с.
16. Соловьёв Вл. С. Личность и общество // Книжки недели. 1896. № 8. С. 5–38.
17. Соловьёв Вл. С. Экономический вопрос с нравственной точки зрения // Вестник Европы. 1896. № 12. С. 536–569.
18. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1990. 382 с.
19. Webris B. Der russische Text der «Rechtfertigung des Guten» («Оправдание добра» von Vladimir Solov'ev). Dünaburg: Lettland, 1973. 258 s.
20. Кареев Н.И. Мысли об основах нравственности. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1895. 177 с.
21. Кареев Н.И. Мысли о сущности общественной деятельности. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1895. 154 с.

References

1. Buller, A. V.S. Solov'ev i voprosy teorii istorii [V.S. Solov'yev and Problems of Theory of History], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2015, issue 3(47), pp. 6–20.
2. Malinov, A.V. V.S. Solov'ev i N.I. Kareev (k istorii vzaimootnosheniy) [Vl. S. Solov'ev and N.I. Kareev (To the Question of the History of Interactions)], in *Metodologiya istorii: N.I. Kareev, A.S. Lappo-Danilevskiy, D.M. Petrushevskiy, V.M. Khvostov* [Methodology of history: N.I. Kareev, A.S. Lappo-Danilevsky, D.M. Petrushevsky, V.M. Khvostov]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2019, pp. 108–121.
3. Maksimov, M.V. Vl. Solov'ev i N.I. Kareev: nuzhna li metafizika dlya filosofii istorii? [Vl. Solov'yev i N.I. Kareev: Does Philosophy of History Need a Metaphysics?], in *Uchenye zapiski Ivanovskoy gosudarstvennoy arkhitekturno-stroitel'noy akademii*, 1997, issue 6, pp. 62–65.
4. Kareev, N.I. Razrabotka teoreticheskikh voprosov istoricheskoy nauki [The Elaboration of the Theoretical Problems of the Historical Science], in *Istoricheskoe obozrenie: sbornik Istoricheskogo obshchestva pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete za 1890 g. T. 1* [Historical review: collection of the Historical society at the Imperial St. Petersburg University for 1890 Vol. 1]. Saint-Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1890, pp. 3–34.
5. Kareev, N.I. Filosofiya, istoriya i teoriya progressa [Philosophy of History and Progress Theory], in *Istoricheskoe obozrenie: sbornik Istoricheskogo obshchestva pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete za 1890 g. T. 1* [Historical review: collection of the Historical society at the Imperial St. Petersburg University for 1890. Vol. 1]. Saint-Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1890, pp. 113–164.
6. Solov'ev, Vl.S. Rukovodyashchie mysli «Istoricheskogo obozreniya» [Guiding Thoughts of «Historical Review»], in *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1891, book 10, pp. 75–86.
7. Solov'ev, Vl.S. Lichnaya нравственность i obshchee delo [Personal Morality and Common Cause], in *Pomoshch' golodayushchim: Nauchno-literaturnyy sbornik* [Aid to the Hungry: a Scientific and Literary Collection]. Moscow: Izdanie «Russkikh vedomostey», 1892, pp. 556–564.
8. Solov'ev, Vl.S. Lichnaya нравственность i obshchee delo [Personal Morality and Common Cause], in Solov'ev, Vl.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2. Chteniya o Bogochelovechestve. Filosofskaya pub-*

litsistika [Essays in 2 vol., vol 2. Readings on God-manhood. Philosophical Journalism]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 459–465.

9. Kareev, N.I. *Teoriya kul'turno-istoricheskikh tipov* [The Theory of Historical-cultural Types], in *Russkaya mysl'*, 1889, book 9, pp. 1–32.

10. Solov'ev, V.I.S. *Nemetskiy podlinnik i russkiy spisok* [A German Original and a Russian Copy], in Solov'ev, V.I.S. *Sobranie sochineniy. T. 5* [Works. Vol. 5]. Saint-Petersburg: Prosveshchenie, 1912, pp. 324–351.

11. Solov'ev, V.I.S. *Opravdanie dobra* [Justification of the Good], in *Sobranie sochineniy. T. 8* [Works. Vol. 8]. Saint-Petersburg: Prosveshchenie, 1914. 722 p.

12. Solov'ev, V.I.S. *Lichnost' i obshchestvo* [Personality and Society], in *Knizhki nedeli*, 1896, no. 5, pp. 5–28.

13. Solov'ev, V.I.S. *Opravdanie dobra* [Justification of the Good]. Saint-Petersburg: Tipografiya M. Stasyulevicha, 1897, XXXII. 681 p.

14. Kareev, N.I. *Sushchnost' istoricheskogo protsessa i rol' lichnosti v istorii* [The Essence of Historical Process and the Role of Personality in History]. Saint-Petersburg, 1890. 634 p.

15. Kareev, N.I. *Osnovnye voprosy filosofii istorii* [The Main Problems of Philosophy of History]. Saint-Petersburg: Tipografiya M. Stasyulevicha, 1897, XVI. 456 p.

16. Solov'ev, V.I.S. *Lichnost' i obshchestvo (Okonchanie)* [Personality and Society (The Second Part)], in *Knizhki nedeli*, 1896, no. 8, pp. 5–38.

17. Solov'ev, V.I.S. *Ekonomicheskiy vopros s npravstvennoy tochki zreniya* [The Economical Problem from Moral Point of View], in *Vestnik Evropy*, 1896, no. 12, pp. 536–569.

18. Kareev, N.I. *Prozhitoe i perezhitoe* [Lived and Gone Through]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1990. 382 p.

19. Webris, B. *Der russische Text der «Rechtfertigung des Guten» («Opravdanie dobra» von Vladimir Solov'ev)*. Dünaburg: Lettland, 1973. 258 p.

20. Kareev, N.I. *Mysli ob osnovakh npravstvennosti* [Some Thoughts about the Foundations of the Morality]. Saint-Petersburg: Tipografiya M. Stasyulevicha, 1895. 177 p.

21. Kareev, N.I. *Mysli o sushchnosti obshchestvennoy deyatel'nosti* [Some Thoughts about the Essence of Social Activity]. Saint-Petersburg: Tipografiya M. Stasyulevicha, 1895. 154 p.

УДК 82–1(47)
ББК 83.3(2)

Черкасова Екатерина Анатольевна

Тюменский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Россия, Тюмень,
e-mail: cherkasova85@gmail.com

Несобранный цикл о поэзии как теургии в лирике В.С. Соловьёва второй половины 1890-х годов

Рассматривается сюжетная и мотивная взаимосвязь десяти стихотворений В.С. Соловьёва второй половины 1890-х годов. Используется метод мотивного анализа, доказывающий включенность этих соловьёвских произведений в стиховое единство несобранного цикла. Отмечается, что стихотворения В.С. Соловьёва указанного периода связаны не только с эстетическими и философскими трудами самого В.С. Соловьёва, но и с лирическими произведениями поэтов-предшественников. Доказывается принадлежность десяти стихотворений к поэтическим традициям А.А. Фета, К.К. Случевского, А.Н. Майкова, В.А. Жуковского и Я.П. Полонского. Предлагается возможное название несобранного цикла – «Поэзия как теургия». Дается краткий обзор эстетических и философских идей Соловьёва, важных для характеристики сюжетной организации несобранного цикла. Определяется общая тема и сквозные мотивы десяти стихотворений, которые являются циклообразующими. Предлагается рассматривать лирический мистериальный сюжет как общий для всех стихотворений несобранного цикла. Пророческий мотив и образы-символы природы и поэта-пророка определяются как сквозные для данного цикла. Делается вывод о том, что В.С. Соловьёв создает ряд стихотворений, которые сюжетно и мотивно продолжают и дополняют друг друга, представляя тем самым несобранный цикл о поэзии как теургии. Структурно и содержательно данный цикл включается в контекст литературной эпохи, наследуя поэтическую традицию поэтов-классиков и создавая новую традицию, воспринятую поэтами-символистами.

Ключевые слова: поэзия В.С. Соловьёва, несобранный цикл, сквозной мотив, лирический сюжет, поэтическая традиция, пророческий мотив, мистериальный сюжет, образ поэта, поэтическое творчество, теургия

Cherkasova Ekaterina Anatolievna

Tyumen State University, PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the department of Russian and Foreign Literature,
Tyumen, Russia, e-mail: cherkasova85@gmail.com

The uncompleted cycle about poetry as theurgy in V.I. Solovyov's lyrical poetry of the second half of the 1890s

The author examines the inter-connections of subjects and motives in ten poems which Solovyov wrote in the second half of the 1890s. The method of motive analysis shows that those works bear the mark of a verse unity making an uncompleted cycle. It appears that Solovyov's poems during that period can be related not only to his aesthetic and philosophical works but also to the lyrical pieces

of earlier poets. Thus, it is shown that ten poems belong to the tradition of A.A. Fet, K.K. Sluchevsky, A.N. Maykov, V.A. Zhukovsky and Ya.P. Polonsky. It is suggested to call this uncompleted cycle "Poetry as theurgy". A brief review is proposed of the aesthetic and philosophical ideas which are important to understand the general theme canvass of the cycle. The common theme and cross-cutting motives of twelve poems forming that cycle are defined. It is suggested to consider that the lyrical mystery theme is common to all the poems of that cycle. It is shown that the prophetic motive and images/symbols of nature and of the poet as prophet can be traced throughout the whole of the cycle. The conclusion is that Solovyov has created a series of poems which, through their themes and motives, prolong and complete each other, thus offering an uncompleted cycle of poetry as theurgy. From the point of view of its structure and content, that cycle is typical of the literary epoch when it was composed, being a continuation of the classical tradition while at the same time creating a new tradition, that of the symbolists.

Key words: *V.S. Solovyov's poetry, uncollected cycle, through motive, lyrical plot, poetic tradition, profetic motives, mysteriological plot, image of the poet, poetic creativity, theurgy*

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.020-033

Проблема несобранного цикла и особенности его формирования не единожды становились объектом исследования. Стремление художников к циклизации исследователи относят к XIX веку, отмечая, что это «явление общелитературное»¹. Основания, по которым отдельные стихотворения могут быть объединены в цикл, описал ученый И.В. Фоменко. В частности, он отметил, что «циклообразующие связи могут возникать на любом уровне структуры – от темы и проблематики до фоники»². По отношению к авторскому замыслу, Фоменко условно делит их на «запрограммированные (заглавие, общий композиционный принцип, развитие темы и т.д.) и незапрограммированные, возникающие помимо авторской воли (пространственно-временные отношения, ключевые слова, фоника, полиметрия и т.п.)»³.

И если авторские лирические циклы – это прямое отражение воли автора при их составлении, то дополнительного изучения требуют читательские циклы. По этому поводу М.Н. Дарвин замечает: «Категория “читатель” в контексте художественного целого лирического цикла еще не получила своей должной разработки в современном цикловедении» [3, с. 55]. По мнению Е.В. Пепеляевой, «исследовательский» и «редакторский» циклы (как разновидности читательского цикла) «отражают стремление найти закономерности развития художественной системы лирика и представляют собой группировку стихотворений по признаку темы и проблемы (что чаще всего встречается) или структурному признаку (например, особенности композиции произведений)». При этом они не предполагают наличия авторских замыслов циклизации»⁴. Исследователь полагает, что понятие «несобранного» цикла «в боль-

¹ См.: Ляпина Л.Е. Жанровая специфика литературного цикла как проблема исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. Исследования и материалы. Петрозаводск, 1990. С. 29 [1].

² См.: Фоменко И.В. Поэтика лирического цикла: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. С. 22 [2].

³ Там же. С. 22.

⁴ См.: Пепеляева Е.В. Исследовательская циклизация лирики как теоретическая проблема // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 2 (18). С. 176 [4].

шей степени, чем исследовательского, отражает убежденность литературоведа в существовании у автора циклического художественного мышления, должным образом не оформленного»⁵.

В стихотворном наследии В.С. Соловьева наличествуют несколько поэтических циклов. Например, «Сафо» или «Пародии на русских символистов». Кроме того, стремление к упорядочиванию собственных лирических произведений присутствует и в структуре прижизненных сборников стихотворений. Так, десять стихотворений второй половины 1890-х годов обладают признаками цикла: «Памяти А.А. Фета» (16 января 1897 г.), «На смерть А.Н. Майкова» (9 марта 1897 г.), «А.А. Фету (Посвящение книги о русских поэтах)» (июль 1897 г.), «Родина русской поэзии. По поводу элегии “Сельское кладбище”» (12 октября 1897 г.), «Отзыв на “Песни из «Уголка»» (январь 1898 г.), «Песня моря» (апрель 1898 г.), «Ответ на “Плач Ярославны”» (19 июня 1898 г.), «На смерть Я.П. Полонского» (19 октября 1898 г.), «Белые колокольчики» (15 августа 1899 г.), «Вновь белые колокольчики» (8 июля 1900 г.). Считаем целесообразным рассматривать тексты в хронологической последовательности, показывающей развитие единого лирического мистериального сюжета выявленного несобранного цикла.

Возможная отнесенность того или иного стихотворного текста В.С. Соловьева к некоему циклу устанавливалась, прежде всего, по адресации определенному поэту, отраженной в заглавии, эпитафии или посвящении. Кроме того, в примечаниях к стихотворению «А.А. Фету» (июль 1897 г.) брат поэта М.С. Соловьев в четвертом издании стихотворений В.С. Соловьева отмечает: «Помещенное здесь стихотворение предназначалось как посвящение для одного из этих сборников – “Русская лирика в XIX столетии”» [5, с. 327]. Как известно, Владимир Соловьев не успел выпустить данную книгу. Он вел «подготовительные» работы к ней, о чем можно судить по выходу в свет ряда его критических трудов: «Поэзия Ф.И. Тютчева» (1895 г.), «Поэзия гр. А.К. Толстого» (1895 г.), «Поэзия Я.П. Полонского» (1896 г.), «Судьба Пушкина» (1897 г.), «Мицкевич» (1899 г.), «Особое чествование Пушкина» (1899 г.), «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» (1899 г.), «Лермонтов» (1898 г. – замысел, 1901 г. – первая публикация). Близость Соловьева-поэта к предшествующей поэтической традиции неоднократно отмечалась З.Г. Минц: «В стихотворениях последних лет жизни, как бы подводящих итог его творчеству, он открыто декларирует свою причастность именно к этой линии русской лирики» [6, с. 53]. Ученый подчеркивает особое отношение Соловьева к Фету и поколению авторитетов-классиков, «чей романтический пантеизм и пантеизм русских лириков середины XIX в. Соловьев ощущал как свою поэтическую родину»⁶.

⁵ См.: Пепеляева Е.В. Исследовательская циклизация лирики как теоретическая проблема. С. 176.

⁶ См.: Минц З.Г. Соловьев – поэт // Соловьев В.С. Стихотворение и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 53 [6].

По мнению Д.М. Магомедовой, поэзия Соловьева «оказалась своего рода мостом между поэтикой Фета, Полонского, Тютчева и поэзией “младших” символистов, создававших собственный язык символов, опираясь на “трансформирующий” метод своего учителя»⁷. Следующее поколение поэтов (в частности, А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов)⁸ продолжает и развивает традицию В.С. Соловьева: «У истоков “мистериального сюжета” в литературе XX века находится мистериальное творчество В. Соловьева. Он вынес в “проблемное поле” философско-художественного дискурса изображение космической жизни в целом, создал мистерию спасения, которая имеет отношение к конечным задачам преобразования бытия как завершению некоей вселенской акции, осуществляемой высшим Божественным замыслом (софийным началом) и одновременно усилениями человека вследствие его органического роста. <...> Мистериальный “канон”, “заданный” Соловьевым литературе XX века, был востребован как философией, так и литературой», – пишет О.А. Дашевская [9, с. 300–301]. Именно это, на наш взгляд, делает рассматриваемый несобранный цикл В.С. Соловьева переходной формой циклизации от классического к неклассическому типу. Л.Я. Гинзбург так характеризует этот этап, связывая его с поэзией Блока: «Лирическая циклизация обычно была однотемной, охватывала материал одного плана. Циклизация Блока многопланна и противоречива. Отдельные циклы перекрещиваются, образуя сложную структуру “романа в стихах”. Эта циклизация динамична, она нарастает, движется во времени, в своем движении образуя судьбу поэта» [10, с. 257]. С.Н. Бройтман, в свою очередь, отмечает особое влияние Соловьева на символистов: «Отправляясь от В. Соловьева и разделяя его положение о единстве источников художественного творчества и творчества жизни и примате творчества над познанием ..., символисты развивают идею теургии применительно к художественной практике» [11, с. 202].

Цели и задачи художественного творчества Соловьев формулирует в различных эстетических и философских работах, выделяя лирику как особый, высший род поэзии. Реализация этих идей осуществляется в поэтическом наследии философа. Лирический поэт становится частью мистерии, ведь именно в настоящей лирике «душа художника сливается с данным предметом или явлением в одно нераздельное состояние»: «это есть первый признак лирической поэзии, ее задушевность или по-немецки *Innerlichkeit*»⁹. Из этого следует единство формы и содержания, являющееся отличительной и главной особенностью «лирического произведения», ведь, по Соловьеву, в «истинно-

⁷ См.: Магомедова Д.М. Владимир Соловьев // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов) / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: ИМЛИ: Наследие, 2000. Кн. 1. С. 769 [7].

⁸ Подробнее об этом см.: Минц З.Г. Соловьев – поэт // Соловьев В.С. Стихотворение и шуточные пьесы. С. 53–56; Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. С. 489–512 [8].

⁹ См.: Соловьев В.С. О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского // Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. С. 210 [12].

лирическом стихотворении нет вовсе содержания, отдельного от формы, чего нельзя сказать о других родах поэзии»¹⁰.

Специалисты по теории лирических циклов М.Н. Дарвин и В.И. Тюпа отмечают: «Отдельное произведение в цикле способно как “собирать” смысл целого, так и “рассеивать” его. Поэтому отдельное произведение в цикле не совсем подобно части в самостоятельном литературном произведении»¹¹. Отдельное произведение даже вне цикла «сохраняет статус своей художественной самостоятельности», поэтому в «циклической художественной форме важна ... не столько подчиненность части целому, как в самостоятельном литературном произведении, сколько сама эта связь частей»¹². Применение мотивного анализа в данной работе отвечает специфике несобранного цикла, так как этот метод способен «вместить любой объем и любое разнообразие информации, поступающей в оборот мысли в процессе смысловой работы с данным сообщением, и в то же время остаться на почве этого сообщения как некоего языкового артефакта, который смыслообразующая мысль в каждый момент своего движения стремится охватить и ощутить как целое»¹³.

Художественный текст, открывающий несобранный цикл («Памяти А.А. Фета»), – первый в ряду стихотворений Соловьёва второй половины 1890-х годов, где звучит обращение к умершим поэтам. Последний («Вновь белые колокольчики») – был внесен в данный список в связи с тем, что он тематически и по смыслу связан с предшествующим стихотворением («Белые колокольчики», адресованные А.А. Фету). Из десяти текстов пять адресованы А.А. Фету («Памяти А.А. Фета», «А.А. Фету (Посвящение книги о русских поэтах)», «Песня моря», «Белые колокольчики», «Вновь белые колокольчики»), два текста адресованы К.К. Случевскому («Отзыв на “Песни из “Уголка”»», «Ответ на “Плач Ярославны”»), остальные – А.Н. Майкову («На смерть А.Н. Майкова»), В.А. Жуковскому («Родина русской поэзии»), Я.П. Полонскому («На смерть Я.П. Полонского»).

Уже в первом стихотворении («Памяти А.А. Фета») говорится о творческом бессмертии А.А. Фета, поэтическое наследие которого связано с некой тайной, постичь которую способен лирический субъект: «Не скрыл он в землю дар безумных песен», «Мне слышатся призывы / И скорбный стон с дрожащею мольбой...» [15, с. 115]. Художественное творчество, по мысли Соловьёва, фактически подтверждает «достоверность общечеловеческого опыта: действительность идей и умственного созерцания»¹⁴. В трудах Соловьёва утверждается

¹⁰ См.: Соловьёв В.С. О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского // Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. С. 210.

¹¹ См.: Дарвин М.Н., Тюпа В.И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск: Наука, 2001. С. 29–30 [13].

¹² Там же.

¹³ См.: Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 335 [14].

¹⁴ См.: Соловьёв В.С. Чтения о Богочеловечестве // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва в 9 т. Т. 3. СПб.: Общественная польза, 1901–1907. С. 61 [16].

приближение человека к Богу при помощи искусства и творчества, которые оказываются «проводниками» к наивысшей цели и которые, по мысли Соловьева, способны преобразить человека и человечество, изначально находящееся в хаосе¹⁵. В связи с этим лейтмотивным в несобранном цикле будет являться образ певца-пророка: «Не скрыл он в землю дар безумных песен; / Он все сказал, что дух ему велел» [15, с. 115]; «Званы еще многие в царство песнопений», «Вы увековечили все, что в ней сияло», «Чтобы звоном сладостным в царстве песнопений / Вызывать к грядущему то, что миновало» [17, с. 116]; «Чтоб отблеском бессмертных озарений / Вновь увенчать умолкнувших певцов» [18, с. 116]; «И песни строгие к укомной колыбели / Неслись из-за моря, с туманных островов» [19, с. 118]; «От кого это теплое южное море / Знает горькие песни холодных морей?..», «Эту песню одну знает южное море» [20, с. 123]. Конечность человеческой жизни будет в одном случае противопоставлена вечной жизни, заключенной в творчестве отдельных поэтов, в другом – являться необходимым условием перерождения.

От стихотворения к стихотворению разворачивается лирический мистериальный сюжет, который нельзя было бы проследить, если рассматривать произведения по отдельности, и который включает в себя тайную встречу, тайное свидание, преображение или переход.

Развертывание мифа о мистериальном преобразовании действительности посредством поэзии подкреплено и философскими высказываниями автора. Так, в книге «Россия и Вселенская церковь» (1888 г.) Соловьев отмечает, что мир изначально находится в хаосе, все его элементы разрознены, а «космический процесс, будучи, с одной стороны, мирной встречей, любовью и браком двух деятелей – небесного и земного, с другой стороны, представляет борьбу насмерть Божественного Слова и адского начала за власть над мировую душу. Отсюда следует, что дело творения, как процесс вдвойне сложный, может совершать свое движение лишь медленно и постепенно»¹⁶. Творение в данном контексте может трактоваться в том числе и как отдельное художественное произведение, а поэт – как субъект, способный совершать акт божественного творчества, ведь «в человеке мировая душа впервые внутренне соединяется с божественным Логосом в сознании, как чистой форме всеединства»¹⁷. Сравним со строками из стихотворения «А.А. Фету (Посвящение книги о русских поэтах)»: «И я хочу, средь царства заблуждений, / Войти с лучом в горнило вещей снов, / Чтоб отблеском бессмертных озарений / Вновь увенчать умолк-

¹⁵ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 9 т. Т. 3. С. 138.

¹⁶ См.: Соловьев В.С. Россия и вселенская церковь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://yakov.works/library/18_s/solovyov/11_278.html (Дата обращения – 23.03.2020) [21].

¹⁷ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 9 т. Т. 3. С. 138.

нувших певцов» [18, с. 116]. Лирический герой цикла, таким образом, оказывается непосредственным участником мистериального действия, подобно Прометею (имя которого означает «предвидящий»), несущему свет истины людям. В несобранном цикле с ясной точностью определяется роль искусства, а именно – сохранять, возрождать лучшее, вечное и прекрасное для будущего.

Слово в лирических текстах философа становится символом. Так, местоимение «она» в стихотворении «Родина русской поэзии» трактуется Соловьёвым в другом источнике многоаспектно: «под “она” можно тогда разуметь все, что угодно, – и поэзию, и красоту, и вечную истину, и мудрость»¹⁸. Данное замечание позволяет по-иному взглянуть на трактовку слова «она»: соотносённость этого местоимения с понятием «поэзия» обусловлено, в том числе, упоминанием лексем «песня», «пели» в тексте («И песни строгие к укромной колыбели»; «Но, прилетевши к ней, они так нежно пели» [19, с. 118]). В этом стихотворении подчеркнута наследование предшествующей традиции, а также существование Божественного замысла («Но, прилетевши к ней, они так нежно пели / Над вещей тишиной родительских гробов», «Тебе наваял Бог осеннюю порой» [19, с. 118]).

Лирический герой несобранного цикла обладает особым восприятием поэтического дара, он способен увидеть, прочувствовать в лирике других авторов то, что даже невыразимо словами. Так, в стихотворении, адресованном поэту второй половины XIX века К.К. Случевскому, обозначается особое качество поэзии и утверждается, что истинный поэт обладает уникальным знанием:

Дарит меня двойной отрадой
Твоих стихов вечерний свет:
И мысли ясною прохладой,
И тем, чему названья нет [23, с. 119].

Идея теургии, по словам С.Н. Бройтмана, «служит завершением основополагающей для школы теории символа», символ при этом «связан с “невыразимым” и “невывказанным”», а также с категорией мифа, который и есть, «по Вяч. Иванову, жаждущая воплощения теургическая действительность»¹⁹.

Взаимосвязь и взаимопроникновение природного с божественным также описаны Соловьёвым: «отдельные лучи и отблески божественного мира должны проникать и в нашу действительность и составлять все идеальное содержание, всю красоту и истину, которую мы в ней находим»²⁰. Роль человека (одно-

¹⁸ См.: Письма Владимира Сергеевича Соловьёва. Т. 2 / под ред. [и с предисл.] Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1909. С. 241 [22].

¹⁹ См.: Бройтман С.Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. С. 203.

²⁰ См.: Соловьёв В.С. Чтения о Богочеловечестве // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва в 9 т. Т. 3. С. 109.

временно принадлежащего к обоим мирам) заключается в том, что он «актом умственного созерцания может и должен касаться мира божественного и, находясь еще в мире борьбы и смутной тревоги, вступать в общение с ясными образами из царства славы и вечной красоты» [16, с. 109]. Таким образом, важной категорией в разворачивающемся лирическом сюжете оказывается «знание». В работе «Духовные основы жизни» Соловьев отмечает: «В знании, в художестве, в чистом законе душа созерцает идеальный космос и в этом созерцании ... исчезает власть материального хаотического начала над человеческою душою» [24, с. 327]. Такое мирозерцание требует от человека, чтобы «он ушел из этого мира, вынырнул из этого мутного потока на свет идеального солнца, чтобы он освободился от оков телесного бытия как из темницы или гроба»²¹. «Ночь» можно трактовать как земную жизнь, тьма которой должна быть рассеяна светом истинной поэзии:

Так пусть он блещет и зимою,
Когда ж блистать не станет вмошь,
Засветит вещь зарею, –
Зарей во всю немую ночь [23, с. 119].

При этом важно отметить, что осознание несовершенства земной жизни является частью свершения мистериального действия: «Что разрывом тягостным / Мучит каждый миг – / Все ты чувством благостным / В красоте постиг» [25, с. 132].

Образ-символ моря оказывается значимым компонентом лирического мистериального сюжета: «В воде материальная стихия впервые освобождается от своей косности и непроницаемой твердости. Этот текучий элемент есть связь неба и земли» [26, с. 46]. В стихотворении «Песня моря» ощущается боль утраты, которую испытывает лирический герой. Контрастность эпитетов («теплое южное» и «холодных») к финалу текста нивелируется, создавая ощущение всеобщей скорби: «Эту песню одну знает южное море, / Как и бурные волны холодных морей – / Про чужое, далекое, мертвое горе, / Что, как тень, неразлучно с душою моею» [20, с. 123].

В стихотворениях несобранного цикла природный образ-символ является одной из главных составляющих теургического акта: «Под цветами вашими плод земли сокрытый / Рос, и семя новое тайно созревало» [17, с. 116]; «И в сердце бьет невидимый прибор» [18, с. 117]. Особую трактовку они получают в стихотворении «Родина русской поэзии», где природа становится частью мистериального действия, принимая в свое лоно обновленную поэзию: «Там на закате дня, осеннею порою, / Она, волшебница, явилася на свет, / И принял лес ее

²¹ См.: Соловьев В.С. Духовные основы жизни // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 9 т. Т. 3. СПб.: Общественная польза, 1901–1907. С. 327 [24].

опавшею листвою» [19, с. 118]. В стихотворении «Песня моря» горечь утраты с первых строк постепенно нарастает. Далее природа участвует в раскрытии лирического мистериального сюжета: «Солнца блеск вселенского / И земная мгла...» [25, с. 132]; «Мы живем, твои белые думы, / У заветных тропинок души»; «Наше сердце цветет и вздыхает» [27, с. 135]; «В грозные, знойные / Летние дни – / Белые, стройные / Те же они»; «Зло пережитое / Тонет в крови, – / Выходит омытое / Солнце любви» [28, с. 137].

«Осень», время свершения мистериального действия, аллегорически воспринимается лирическим героем как момент подведения итогов, «качественного» преобразования. Это цикличность, заключенная в смерти и возрождении природы и в метафизическом возрождении всех участников мистериального действия. Так, в частности, словосочетание «вещая заря» по-особому раскрывает природный комплекс мотивов. В цикле отмечается «странность» происходящего, что вводит лексему «солнцеповорота» («Твой день от солнцеповорота / Не убывал, а только рос» [23, с. 119]) в символическое поле стиха: «твой день» в период важных перемен («солнцеповорот») настолько изменится, что зимой «засветит вещью зарею».

Лирический герой цикла принимает смерть, несущую с собой качественно новые изменения («все, изменяясь, изменило»), продолжение жизни, совершение преобразования, а также акт творчества, тесно связанный с традицией поэтов-предшественников и современников:

Всё, изменяясь, изменило,
Везде могильные кресты,
Но будят душу с прежней силой
Заветы творческой мечты [29, с. 123].

Он осознает глубокую, трагическую (так как связана с утратой), но вместе с тем важную связь с предшествующим поколением, которую никто и ничто не способно заменить, но и лишиться этой связи также никто не может. При этом именно поэт призван постичь и распространить знание о торжестве жизни над смертью, а также о победе «вечного» искусства над быстротечностью жизни. Важно, что этим особым знанием обладает поэт, способный преодолеть временные и жизненные законы: «Времен не слушаясь запрета, / Он в смерти жизнь хранит один» [29, с. 123].

Ощущая одиночество в связи со смертью близких людей, лирический герой стремится в «обитель примиренья»²². Божественное и духовное начала, «организующие» мистериальное действие, реализуются в стихотворениях, в том

²² См.: Соловьев В.С. Белые колокольчики // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 135 [27].

числе, посредством образа-символа «белый колокольчик» (стихотворения «Белые колокольчики» и «Вновь белые колокольчики»), который усиливает божественное и духовное начала мистериального действия. Отметим, образы-символы цветка будут позднее активно использоваться символистами²³.

Лирический герой достигает такой степени «просветления», при которой оказывается способным проникнуть в некий мир идей, космос, противопоставленный земному существованию:

Мы живем, твои белые думы,
У заветных тропинок души.
Бродишь ты по дороге утрюмой,
Мы недвижно сияем в тиши [27, с. 135].

Окончательное объединение «формы» и «содержания», единение поэта с вечной красотой, свершение акта теургии происходит в финальном стихотворении несобранного цикла. По мнению С.Н. Бройтмана, «теургия» – термин, заимствованный символистами у В.С. Соловьева. Это «центральная (наряду с символом) категория в эстетике русского символизма, обозначающая высшую форму творчества»²⁴. Жизнь («зло пережитое») оказывается позади, восход новой жизни – в настоящем моменте (глагол настоящего времени – «всходит»):

Зло пережитое
Тонет в крови, –
Всходит омытое
Солнце любви [28, с. 137].

Таким образом, мистериальное действие, подготавливаемое с первого стихотворения несобранного цикла, тайная встреча, к которой лирический герой готовился, глубоко воспринимая знание предшествующих поэтических поколений, свершается в финальных стихотворениях цикла. По Соловьеву, всякий истинный поэт должен «проникать “в отчизну пламени и слова”, чтобы оттуда брать первообразы своих созданий и вместе с тем то внутреннее просветление, которое называется вдохновением и посредством которого мы и в нашей природной действительности можем находить звуки и краски для воплощения идеальных типов»²⁵. В данной связи важным оказывается сам мистериальный переход, преображение, момент совершения внутреннего подвига. Сквозным в

²³ См.: Бройтман С.Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. С. 203.

²⁴ Там же. С. 201.

²⁵ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 9 т. Т. 3. С. 109.

несобранном цикле будет профетический мотив, отвечающий цели художника. Одну из задач нового искусства философ видит в следующем: «Художники и поэты опять должны стать жрецами и пророками, но уже в другом, еще более важном и возвышенном смысле» [30, с. 173–174]. В несобранном цикле профетический мотив реализуется, в том числе, за счет повтора слова «вещий»: «Вещие свидетели жизни пережитой» [17, с. 116]; «Войти с лучом в горнило вещей снов» [18, с. 116]; «Над вещей тишиной родительских гробов» [19, с. 118]; «Засветит вещью зарею» [23, с. 119]; «Заветы творческой мечты» [29, с. 123].

Развертывание лирического мистериального сюжета в десяти стихотворениях несобранного цикла происходит через осознание несовершенства существующего земного порядка, его темных сторон. Далее следует процесс преобразования (изменения в природе и сознании лирического героя), завершающийся достижением совершенного, идеального мира красоты. Лирический поэт, становясь творцом, в искусстве свершает акт мистериального преобразования видимого мира, несущего в себе (как часть целого) приметы и признаки высшей идеи. Связь поэтических поколений оказывается непрерывной: являясь наследником предшествующей поэтической традиции и одновременно духовным учителем для поэтов XX веков, Соловьев создает собственный поэтический миф. Творчество поэтов-предшественников и современников Соловьева оказывается включенным в единый лирический мистериальный сюжет несобранного цикла, что делает искусство «реальной силой», «просветляющей и перерождающей весь человеческий мир»²⁶. Соловьев утверждает теургический аспект поэтического творчества, идею преобразования действительности посредством поэзии, формируя особый лирический мистериальный сюжет в несобранном цикле стихотворений второй половины 1890-х годов.

Список литературы

1. Ляпина Л.Е. Жанровая специфика литературного цикла как проблема исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. Исследования и материалы. Петрозаводск, 1990. С. 23–30.
2. Фоменко И.В. Поэтика лирического цикла: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 32 с.
3. Дарвин М.Н. Художественная циклизация в постсимволистском сознании А. Белого // Постсимволизм как явление культуры: материалы Междунар. конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2003. С. 53–57.
4. Пепеляева Е.В. Исследовательская циклизация лирики как теоретическая проблема // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 2(18). С. 174–180.
5. Соловьев В.С. Стихотворения. М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнеревъ и К^о, 1915. 360 с.
6. Минц З.Г. Соловьев – поэт // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 5–56.

²⁶ См.: Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 9 т. Т. 3. СПб.: Общественная польза, 1901–1907. С. 173 [30].

7. Магомедова Д.М. Владимир Соловьев // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов) / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: ИМЛИ: Наследие, 2000. Кн. 1. С. 732–778.
8. Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. 743 с.
9. Дашевская О.А. Жизнестроительная концепция Д. Андреева в контексте культурфилософских идей и творчества русских писателей первой половины XX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 435 с.
10. Гинзбург Л.Я. О лирике. Л.: Сов. писатель, 1974. 408 с.
11. Бройтман С.Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. М.: РГГУ, 2008. 485 с.
12. Соловьев В.С. О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского // Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. С. 208–232.
13. Дарвин М.Н., Тюпа В.И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск: Наука, 2001. 293 с.
14. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
15. Соловьев В.С. Памяти А.А. Фета // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 115.
16. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 9 т. Т. 3. СПб.: Общественная польза, 1901–1907. С. 1–168.
17. Соловьев В.С. На смерть А.Н. Майкова // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 116.
18. Соловьев В.С. А.А. Фету (Посвящение книги о русских поэтах) // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 116–117.
19. Соловьев В.С. Родина русской поэзии. По поводу элегии «Сельское кладбище» // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 118.
20. Соловьев В.С. Песня моря // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 123.
21. Соловьев В.С. Россия и вселенская церковь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://yakov.works/library/18_s/solovyov/11_278.html (Дата обращения – 23.03.2020).
22. Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 1–4 / под ред. [и с предисл.] Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1908–1923. Т. 2. 1909. 241 с.
23. Соловьев В.С. Отзыв на «Песни из “Уголка”» // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 119.
24. Соловьев В.С. Духовные основы жизни // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 9 т. Т. 3. СПб.: Общественная польза, 1901–1907. С. 270–382.
25. Соловьев В.С. На смерть Я.П. Полонского // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 132.
26. Соловьев В.С. Красота в природе // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 9 т. Т. 6. СПб.: Общественная польза, 1901–1907. С. 30–68.
27. Соловьев В.С. Белые колокольчики // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 135.
28. Соловьев В.С. Вновь белые колокольчики // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 137.
29. Соловьев В.С. Ответ на «Плач Ярославны» // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 123–124.
30. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 9 т. Т. 3. СПб.: Общественная польза, 1901–1907. С. 169–205.

References

1. Lyapina, L.E. Zhanrovaya spetsifika literaturnogo tsikla kak problema istoricheskoy poetiki [Genre specifics of a literary cycle as problem of historical poetics], in *Problemy istoricheskoy poetiki*.

Issledovaniya i materialy [Problems of historical poetics. Researches and materials]. Petrozavodsk, 1990, pp. 23–30.

2. Fomenko, I.V. *Poetika liricheskogo tsikla*. Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk [Poetics of a lyrical cycle. Abstr. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 1990. 32 p.

3. Darvin, M.N. Khudozhestvennaya tsiklizatsiya v postsimvolistskom soznanii A. Belogo [Art cyclization in post-symbolist consciousness of A. Bely], in *Postsimvolizm kak yavlenie kul'tury: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii* [Post-symbolism as culture phenomenon. Materials of the International conference]. Moscow: Izdatel'stvo RGGU, 2003, pp. 53–57.

4. Pepelyaeva, E.V. Issledovatel'skaya tsiklizatsiya liriki kak teoreticheskaya problema [Research cyclization of lyrics as theoretical problem], in *Vestnik Permskogo universiteta*, 2012, issue 2(18), pp. 174–180.

5. Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Tipo-lit. tovarishchestva I.N. Kushnerev" i Ko, 1915. 360 p.

6. Mints, Z.G. Solov'ev – poet [Solovyov is a poet], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, pp. 5–56.

7. Magomedova, D.M. Vladimir Solov'ev [Vladimir Solovyov], in *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov). Kn. 1* [Russian literature of a turn of centuries (1890-e – beginning of the 1920th years). Book 1]. Moscow: IMLI: Nasledie, 2000, pp. 732–778.

8. Bychkov, V.V. *Russkaya teurgicheskaya estetika* [Russian theurgic aesthetics]. Moscow: Ladomir, 2007. 743 p.

9. Dashevskaya, O.A. *Zhiznestroitel'naya kontseptsiya D. Andreeva v kontekste kul'turfilosofskikh idey i tvorchestva russkikh pisateley pervoy poloviny XX veka* [Life-building concept of D. Andreev in the context of cultural philosophical ideas and creativity of Russian writers of the first half of the XX century]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2006. 435 p.

10. Ginzburg, L.Ya. *O lirike* [About the lyrics]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1974. 408 p.

11. Broymtan, S.N. *Poetika russkoy klassicheskoy i neklassicheskoy liriki* [Poetics of Russian classical and non-classical lyrics]. Moscow: RGGU, 2008. 485 p.

12. Solov'ev, V.S. O liricheskoy poezii. Po povodu poslednikh stikhotvoreniy Feta i Polonskogo [About lyrical poetry. Concerning Fet and Polonsky's last poems], in *Stikhotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika* [Poems. Esthetics. Literary criticism]. Moscow: Kniga, 1990, pp. 208–232.

13. Darvin, M.N., Tyupa, V.I. *Tsiklizatsiya v tvorchestve Pushkina: Opyt izucheniya poetiki konvergentnogo soznaniya* [Cyclization in Pushkin's creativity: Experience of studying of poetics of convergent consciousness]. Novosibirsk: Nauka, 2001. 293 p.

14. Gasparov, B.M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 352 s.

15. Solov'ev, V.S. Pamyati A.A. Feta [A.A. Fet's memories], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, p. 115.

16. Solov'ev, V.S. Chteniya o Bogochelovechestve [Readings about Godmanhood], in *Sobranie sochineniy Vladimira Sergeevicha Solov'eva v 9 t., t. 3* [Collected works of Vladimir Sergeevich Solovyov in 9 vol., vol. 3]. Saint-Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 1901–1907, pp. 1–168.

17. Solov'ev, V.S. Na smert' A.N. Maykova [On the death of A.N. Maykov], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, p. 116.

18. Solov'ev, V.S. A.A. Fetu (Posvyashchenie knigi o russkikh poetakh) [To A.A. Fet (Dedication of the book about the Russian poets)], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, pp. 116–117.

19. Solov'ev, V.S. Rodina russkoy poezii. Po povodu elegii «Sel'skoe kladbishche» [Homeland of the Russian poetry. Concerning the elegy “Rural Cemetery”], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, p. 118.

20. Solov'ev, V.S. Pesnya morya [Song of the sea], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, p. 123.

21. Solov'ev, V.S. *Rossiya i vselenskaya tserkov'* [Russia and the Ecumenical Church]. Available at: <http://poesias.ru/proza/vereshaginvasilij/vereshagin1013.shtml> (Data obrashcheniya – 23.03.2020).

22. *Pis'ma Vladimira Sergeevicha Solov'eva, t. 1–4* [V.S. Solovyov's Letters, vol. 1–4]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1908–1923, vol. 2, 1909, 241 p.

23. Solov'ev, V.S. Otzyv na «Pesni iz “Ugolka”» [Response on “A song from ‘Corner’ ”], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, p. 119.

24. Solov'ev, V.S. Dukhovnye osnovy zhizni [Spiritual foundations of life], in *Sobranie sochineniy Vladimira Sergeevicha Solov'eva v 9 t., t. 3* [Collected works of Vladimir Sergeevich Solovyov in 9 vol., vol. 3]. Saint-Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 1901–1907, pp. 270–382.

25. Solov'ev, V.S. Na smert' Ya.P. Polonskogo [On the death of Ya.P. Polonsky], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, p. 132.

26. Solov'ev, V.S. Krasota v prirode [Beauty in nature], in *Sobranie sochineniy Vladimira Sergeevicha Solov'eva v 9 t., t. 3* [Collected works of Vladimir Sergeevich Solovyov in 9 vol., vol. 3]. Saint-Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 1901–1907, pp. 30–68.

27. Solov'ev, V.S. Belye kolokol'chiki [White bluebells], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, p. 135.

28. Solov'ev, V.S. Vnov' belye kolokol'chiki [Again white bluebells], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, p. 137.

29. Solov'ev, V.S. Otvet na «Plach Yaroslavny» [Response to “Yaroslavna's Crying”], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, pp. 123–124.

30. Solov'ev, V.S. Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo [Three speeches in memory of Dostoevsky], in *Sobranie sochineniy Vladimira Sergeevicha Solov'eva v 9 t., t. 3* [Collected works of Vladimir Sergeevich Solovyov in 9 vol., vol. 3]. Saint-Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 1901–1907, pp. 169–205.

УДК 122/129(2)
ББК 87.3(2)5

Волков Александр Викторович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
аспирант кафедры Истории русской философии философского факультета,
Москва, Россия, e-mail: talvolkov@gmail.com

Доклады, прочитанные на заседаниях Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва 1907–1908 гг.

Подготовка публикации и комментарии А.В. Волкова

Представлен перечень заседаний Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва¹ сезона 1907–1908 гг. Анализируются доклады и лекции В.Ф. Эрна, В.П. Свенцицкого, Е.Н. Трубецкого, А. Белого, В.И. Иванова и других членов и гостей МРФО. Представлены расхождения в датировках заседаний у различных исследователей МРФО. Указываются все известные публикации рассматриваемых докладов и лекций МРФО. Прослеживается наличие упоминаний о данном заседании у других исследователей, а также указываются упоминания в архивных материалах и эпистолярном наследии круга деятелей МРФО.

Ключевые слова: *Московское религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьёва, Русское религиозно-философское возрождение, символизм*

Volkov Aleksandr Viktorovich

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Post-graduate student
of the Department of the History of Russian Philosophy of the Philosophical Faculty,
Russia, Moscow, e-mail: talvolkov@gmail.com

Reports presented at the meetings of the Moscow religious-philosophical society in memory of Vladimir Solovyov 1907–1908 гг.

Text origination and notes by A.V. Volkov

We present here a list of meetings of the Moscow Religious and Philosophical Society in Memory of Vladimir Solovyov (hereinafter: MRPS) held during the 1907–1908 season. We analyze the reports and lectures of V.F. Ern, V.P. Svetsitsky, E.N. Trubetsky, A. Bely, V.I. Ivanov, and other members and guests of the MRPS. The following essay also presents the discrepancies in the meeting dates of different researchers of the MRPS. A list of all known publications of the reports and lectures presented at the MRPS is also given. In addition, we trace references to meetings of the MRPS by other investigators as well as references in archival material and surviving letters by members of the MRPS.

© Волков А.В., 2020,

Соловьёвские исследования, 2020, вып. 4, с. 34.

¹ Далее МРФО.

Key words: *Moscow Religious and Philosophical Society in Memory of Vladimir Solovyov, Russian religious and philosophical revival, symbolism*

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.034-046

Представленный список докладов и лекций, прочитанных на заседаниях Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева (далее МРФО) составлен на основании списков, подготовленных Ю. Шеррер, А.В. Соболевым, К. Буркхарди и О.Т. Ермишиным², комментариев В.И. Кейдана, М.А. Колерова, С.В. Черткова³, а также большого количества архивных материалов.

Список докладов и лекций первых сезонов МРФО опубликован ранее⁴.

Рассматриваемый период деятельности МРФО характеризуется спадом социальной проблематики в связи с угасанием революционных настроений в среде интеллигенции. На первое место выходят религиозные темы: осмысление христианства в религиозно-философских кругах Москвы и Санкт-Петербурга, критика Нового религиозного сознания, христианская философия и историософия. Впервые на заседаниях МРФО звучат доклады, посвящённые проблемам искусства, символизма и теургической эстетики.

На данный момент мы не имеем сохранившихся стенограмм заседаний, а тексты многих докладов не были опубликованы. Многие опубликованные доклады были, вероятно всего, прочитаны в более сокращённом виде и отдельно редактировались для публикации.

² См.: Scherrer J. Die Peterburger religiös-philosophischer Vereinigungen: Die Entwicklung des religiösen Selbstverständnisses ihrer Intelligencia-Mitglieder (1901–1917). Berlin, 1973. P. 439–442; Соболев А.В. К истории Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва // Историко-философский ежегодник'1992. М.: Наука, 1994. С. 102–114; Burchardi K. Die Moskauer «Religiös-Philosophische Vladimir-Solov'ev-Gesellschaft» (1905–1918). Wiesbaden: Harrassowitz, 1998. P. 349–382; Ермишин О.Т. Московское религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьёва: Хроника русской духовной жизни // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 210–267.

³ См.: Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / под ред. В.И. Кейдан. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 752 с.; Колеров М.А. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2017. 368 с.; Колеров М.А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб.: Алетейя, 1996. 375 с.; Нашедшие Град. История Христианского братства борьбы в письмах и документах / сост., предисл., коммент. С.В. Чертков. М.: Кучково поле; Спасское дело, 2017. 472 с.

⁴ См.: Волков А.В. Доклады, прочитанные на заседаниях Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва (1905–1907 гг.) // Соловьёвские исследования. 2020. № 1 (65). С. 91–122.

ПЕРЕЧЕНЬ ЗАСЕДАНИЙ МРФО

Второй сезон МРФО: осень 1907 – весна 1908 гг.

23. Ф.Ф. Зелинский. Характер античной религии в сравнении с христианством

Дата: 26.IX.1907 (*К. Буркхарди*)⁵.

Присутствует в списках Ю. Шеррер, К. Буркхарди, А.В. Соболева.

Публикации и рукописи: Зелинский Ф. Характер античной религии в сравнении с христианством // Русская мысль. 1908. № 2. С. 80–95.

Зелинский Ф.Ф. Характер античной религии в сравнении с христианством // Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей: в 4 т. Т.2: Древний мир и мы. М., 1995. С. 342–363.

Упоминания: Из письма В.П. Свенцицкого А.С. Глинке от 13.09.1907: «Ваш доклад хорошо бы устроить 10 окт<ября>. Это будет второе заседание, первое состоится 26-го, читает Зелинский “Характер античной религии по сравнению с христианством”»⁶.

24. В.Ф. Эрн. Откровение в грозе и буре Морозова

Закрытое заседание.

Примечание в тексте: «Реферат, читанный на закрытом заседании Рел<игиозно>-Фил<ософского>. Общ<ест>ва памяти Вл. Соловьёва 7 октября 1907 г.»⁷.

Дата: 7.X.1907 (*А.В. Соболев, К. Буркхарди, С.В. Чертков*), X.1906 (*К. Буркхарди*)⁸.

Присутствует в списках А.В. Соболева, К. Буркхарди, комментариях С.В. Черткова⁹.

Публикации и рукописи: Эрн В.Ф. [Рец. на:] Морозов Н.А. Откровение в грозе и буре: [История возникновения Апокалипсиса // Изд. ред. жур. «Былое». СПб., 1907] // Богословский вестник. 1907. Т. 3, № 10. С. 282–311.

Эрн, В.Ф. Откровение в грозе и буре. Разбор книги Н. Морозова. Сергиев Посад: тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1907. 32 с¹⁰.

⁵ Здесь и далее в качестве примечаний к датам в скобках указан источник или исследователь, указывающий данную датировку (в случае разночтений).

⁶ Нашедшие Град. 363.

⁷ Эрн В.Ф. [Рец. на:] Морозов Н.А. Откровение в грозе и буре: [История возникновения Апокалипсиса / Изд. ред. жур. «Былое». СПб., 1907] // Богословский вестник 1907. Т. 3, № 10. С. 282.

⁸ К. Буркхарди указывает, что тот же доклад с названием «Филологизирующий астроном» Эрн прочел в МРФО в октябре 1906 г. (см.: Burchardi K. Die Moskauer P. 355).

⁹ Нашедшие Град. С. 331.

¹⁰ В библиографическом приложении к Вопросам религии: «В. Эрн. Откровение в грозе и буре. Разбор книги Н. Морозова. Ц. 20 к. Основная мысль книги Н. Морозова сводится к тому, что Апокалипсис написан не в I-м веке, а в IV-м и не ап. Иоанном, а Иоанном Златоустом. Более чем триста страниц посвящаются “астрономическому” обоснованию этой парадоксальной мысли. В книге много интересного и замечательного. Ни на минуту нельзя забывать, что писал ее мученик, сидев-

Эрн В.Ф. Филологизирующий астроном // Эрн В.Ф. Борьба за логос. М., 1911. С. 261–294.

Эрн В.Ф. Филологизирующий астроном // Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда. 1991. С. 220–244.

Упоминания: В одной из повесток дня МРФО: «В воскресенье, 7 Окт. в помещении Общ^ества (Остоженка 1-ый Зачатьевский пер. д. № 6, кв. 1) состоится закрытое заседание Рел^игиозно-Фил^ософского Общ^ества. В.Ф. Эрн прочтет реферат “Откровение в грозе и буре Морозова”»¹¹.

25. А.С. Глинка (Волжский). Жизнь Достоевского и ее религиозный смысл
Публичное заседание.

Дата: 15.X.1907.

Присутствует в списке К. Буркхарди, комментариях С.В. Черткова¹².

Публикации и рукописи: Волжский. Жизнь Ф.М. Достоевского и ее религиозный смысл // Вопросы религии. 1908. Вып. 2. С. 123–192¹³.

ший долгие годы в Шлиссельбургской и Петропавловской крепостях. Но вопреки мнению невежественных рецензентов многих газет, признавших утверждения Н. Морозова за непрекаемую и бесспорную истину, приходится сказать, что в научном отношении книга Н. Морозова – только недоразумение. Это обстоятельно показывается в брошюре В. Эрн. Для того, чтобы установить, что Апокалипсис написан в 395 году, Н. Морозову приходится сделать 2 утверждения: 1. С острова Патмоса за все первые 8 веков христианской эры одновременное пребывания Сатурна в Скорпионе и Юпитера в Стрельце можно было наблюдать только в 395 году. С этим положением, основанным на астрономических вычислениях, нет основания не соглашаться. Спрашивается: какое же отношение к Апокалипсису имеет этот безразличный астрономический факт? Почему он ставится во главу угла при установлении даты написания Апокалипсиса? На это отвечает второе утверждение Н. Морозова, только вскользь им делаемое. Именно: 2. В 6-й главе Апокалипсиса, в стихе 2-м и 6-м, говорится об одновременном пребывании Сатурна в Скорпионе и Юпитера в Стрельце. Но раскройте Апокалипсис и вы узнаете, что ничего подобного в нем не говорится. В указанных Н. Морозовым стихах говорится о коне бледном и коне белом, и какое отношение имеют эти кони к Сатурну и Юпитеру – известно одному Богу. Если первое утверждение основано на астрономических вычислениях, то второе представляет собой дикий и ни на чем не основанный филологически произвол. И вся книга Н. Морозова, являющаяся выводом из этих двух утверждений, получает, таким образом, характер смелой фантазии, изложенной в астрономических терминах и лишенной какой бы то ни было научной серьезности и доказательности. Против даты Н. Морозова свидетельствует целый ряд писателей II, III и начала IV века: Иустин, Мелитон, Ириней, Климент Александрийский, Тертуллиан, Ориген, Евсевий Памфил. Наивное убеждение Н. Морозова (и сочувствующих ему рецензентов), что он оперирует в своей книге только астрономическими данными, позволяет к свидетельствам этих писателей относиться свысока. Но мало-мальски критический анализ должен перед всяким читателем показать всю иллюзорность убеждения Н. Морозова в астрономическом характере своих рассуждений и всю несомненность того, что они целиком базируются на вышеуказанном филологическом произволе. Но тогда свидетельства писателей II и III веков о том, что в их время Апокалипсис был уже написан, становятся решающими. Против филологического произвола Н. Морозова возвышает голос вся филология, вся историческая критика, единодушно принимавшая места, встречающиеся у древних писателей и говорившие об Апокалипсисе, подлинными» (см.: Векилов Г., Ельчанинов А. Библиография // Вопросы религии. 1908. Вып. 2. С. 390–391).

¹¹ ОР РГБ Ф.746 (Архив М.О. Гершензона), п. 38, ед. хр. 56, л. 5. Дата почтового отправления на конверте: 29.9.07.

¹² Нашедшие Град. С. 361.

«Жизнь Ф.М. Достоевского и его религиозный смысл». РГАЛИ Ф. 142 (Глинка Александр Сергеевич (псевд. Волжский; 1878–1940) – историк литературы, критик), Оп. 1., ед. хр. 382. [Гранки, 36 л.]

Упоминания: В одной из повесток дня МРФО: «В понедельник, 15 Окт. в помещении Польск. библ. (Мясницкая, Милютинский пер.) состоится XII публичное заседание. А.С. Волжский прочтет реферат “Жизнь Достоевского и ее религиозный смысл”»¹⁴.

26. Н. Ф. Езерский. Религиозные вопросы в современном обществе

Закрытое заседание.

Дата: 4.XI.1907.

Присутствует в списке К. Буркхарди.

Публикации и рукописи: отсутствуют.

Упоминания: В одной из повесток дня МРФО: «В воскресенье, 4 ноября, в помещении Общест^вва (Остоженка, I Зачат. пер. №6, кв. 1) состоится закрытое заседание.

- 1) Н.Ф. Езерский прочтет реферат на тему: “Религиозные вопросы в современном обществе”
- 2) Выборы ревизионной комиссии.
- 3) Заявление группы членов об образовании специальной секции, посвященной изучению религии Востока»¹⁵.

27. В.П. Свенцицкий. Смысл любви

Публичное заседание.

Дата: 8.XI.1907.

Присутствует в списках К. Буркхарди, в комментариях С.В. Черткова¹⁶.

Публикации и рукописи: отсутствуют.

Упоминания: В одной из повесток дня МРФО: «В четверг, 8 ноября в помещении Польской Библиотеки (Мясницкая, Милютин. пер.) состоится XIV публичное заседание Общест^вва. В.П. Свенцицкий прочтет реферат на тему: “Смысл любви”»¹⁷.

¹³ Публикация не указана в оглавлении сборника. В библиографическом приложении к Вопросам религии: «Волжский. Ф.М. Достоевский (Жизнь и проповедь). Ц. 25 к. М. 1906 г. Изд. Ефимова. Книга эта имеет два несомненных достоинства: во-первых, написана она глубоким знатоком и поклонником Достоевского, так сказать “специалистом” и учеником, и, во-вторых, что вытекает из первого, личность и творчество Достоевского оценивается здесь с религиозной точки зрения. Содержание книги достаточно определяется ее подзаголовком. Язык автора прост и ясен».

¹⁴ ОР РГБ Ф.746 (Архив М.О. Гершензона), п. 38, ед. хр. 56, л. 5. Дата почтового отправления на конверте: 29.9.07.

¹⁵ ОР РГБ Ф.746 (Архив М.О. Гершензона), п. 38, ед. хр. 56, л. 6. Дата почтового отправления на конверте: 29.10.07.

¹⁶ Нашешие Град. С. 388.

¹⁷ ОР РГБ Ф.746 (Архив М.О. Гершензона), п. 38, ед. хр. 56, л. 6. Дата почтового отправления на конверте: 29.10.07.

Из письма В.Ф. Эрн А.С. Глинке от 12.12.1907: «Заседание с рефератом Валентина вовсе не было очень тяжелым. Он себя очень взнуздal. Реферат вышел сухим и скучным, но зато минимально лживым»¹⁸.

28. В.Ф. Эрн. Христианство и мир (критика отношения Д.С. Мережковского к христианству)

Публичное заседание.

Дата: 25.XI.1907.

Присутствует в списке О.Т. Ермишина.

Публикации и рукописи: В. Эрн. Христианство и мир (ответ Д.С. Мережковскому) // Живая жизнь. 1907. № 1. С. 15–46¹⁹.

Упоминания: В одной из повесток дня МРФО: «В воскресенье, 25 ноября²⁰, в помещении Счетоводных курсов Ф. Езерского (Тверская-Ямская, 18) состоится XV публичное заседание. В. Ф. Эрн прочтет реферат на тему “Христианство и мир” (критика отношения Д. С. Мережковского к христианству)»²¹.

29. С.Я. Лурье²². О книге Бердяева: «Новое религиозное сознание и общественность»

Закрытое заседание

Дата: 2.XII.1907.

Присутствует в списке К. Буркхарди.

¹⁸ Нашедшие Град. С. 388.

¹⁹ Из письма В.Ф. Эрн А.В. Ельчанинову от 25.04.1907: «... Пожалуйста, не забудь мне написать как имя, отчество и настоящая фамилия Аскольдова, а также адрес его. Мне нужно ему кое-что написать. Отвечать И. Осипову, Мережковскому, Розанову и Философову я буду сразу, может быть, в отдельной брошюре». Примечание Кейдана: «В. Эрн. Христианство и мир (ответ Д. Мережковскому) // Живая Жизнь. № 1. С. 15. Ответ на эту публикацию: Д. Мережковский. Ответ на вопрос // Век. 20.05.1907. № 19. С. 272–273 (см.: Взыскующие града. С. 141). А.И. Олексенко, В.П. Флоренский, П.В. Флоренский и Т.А. Шутова в комментариях к письму Д.С. Мережковского О.А. Флоренской от 17.10.1907 указывают: «Мережковский Д. Последний Святой // Русская мысль. 1907. № 8/9. Август–сентябрь. В этом очерке Д.С. Мережковский рассматривает проблему плоти и христианского аскетизма, излагает положения церкви “Третьего Завета”. На этот очерк В. Эрн откликнулся статьей “Христианство и мир (ответ Д. Мережковскому)” (Живая жизнь. 1907. № 1), где излагает позиции сторонников “исторической церкви” на представления о добре “в пределах церковной ограды”» (см.: Переписка Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, Д.В. Философова и О.А. Флоренской // Наше Наследие. 2006. № 79–80).

²⁰ В этот же день состоялось общее собрание МРФО: «Были заслушаны доклад ревизионной комиссии и отчет о деятельности общества. За истекший год состоялось 15 публичных заседаний и 7 закрытых, было прочтено 16 публичных лекций. Число членов возросло с 50 до 350. Перед выборами проф. С. Н. Булгаков сказал, что он снимает свою кандидатуру в председателя общества по личным мотивам, не предполагая прекращать в обществе своего постоянного участия. Затем были произведены выборы. Председателем избран Г.А. Рачинский, членами совета: проф. С.Н. Булгаков, Д.Д. Галанин, Н.Ф. Езерский, С.А. Котляревский, В.П. Свенцицкий, проф. кн. Е.Н. Трубецкой, В.Ф. Эрн» (Цит. по: Нашедшие Град. С. 382).

²¹ Нашедшие Град. С. 381–382.

²² В повестке дня МРФО в архиве М.О. Гершензона указано «Г. Лурье», но имеется в виду Соломон Яковлевич Лурье (1891–1964).

Публикации и рукописи: Лурье С. Н. Бердяев. Новое религиозное сознание и общественность // Критическое обозрение. 1908. Вып. 1(4). С. 36–38 [краткий обзор].

Лурье С. Религиозная мистика и философия (Н. Бердяев: «Новое религиозное сознание и общественность» СПб., 1907 г.) // Русская мысль. 1908. № 4. С. 41–56.

Упоминания: В одной из повесток дня МРФО: «В воскресенье 2-го декабря состоится в помещении Счетоводных Курсов Ф. Езерского (Тверская Ямская д. 18) закрытое заседание Религиозно-Философского Общества памяти Вл. Соловьева. Г. Лурье прочтет реферат на тему: “О книге Н. Бердяева: Новое религиозное сознание и общественность”»²³.

30. Е.Н. Трубецкой. Социальная утопия Платона

Публичное заседание.

Дата: 9.XII.1907.

Присутствует в списке К. Буркхарди.

Публикации и рукописи: Трубецкой Е. Социальная утопия Платона // Вопросы философии и психологии. 1908. № 1 (91). С. 1–44. № 2 (92). С. 119–185.

Упоминания: В одной из повесток дня МРФО: «В воскресенье 9-го декабря состоится в помещении Счетоводных Курсов Ф. Езерского состоится публичное заседание Религиозно-Философского Общества памяти Вл. Соловьева. Кн. Е.Н. Трубецкой прочтет реферат на тему: “Социальная утопия Платона”»²⁴.

31. П.А. Флоренский. Абсолютный скептицизм и его разрешение

Закрытое заседание.

Дата: 16.XII.1907 (*Повестка дня*) или 17. XII. 1907 (*С.В. Чертков*).

Присутствует в списке К. Буркхарди, в комментариях М.А. Колерова²⁵, С.В. Черткова²⁶.

²³ ОР РГБ Ф.746 (Архив М.О. Гершензона), п. 38, ед. хр. 56, л. 7. Дата почтового отправления на конверте: 30.11.07.

²⁴ ОР РГБ Ф.746 (Архив М.О. Гершензона), п. 38, ед. хр. 56, л. 7. Дата почтового отправления на конверте: 30.11.07.

²⁵ Примечание М.А. Колерова: «Хорошо известны выступления в этом РФО единомышленников Флоренского и одновременно одних из главных создателей РФО В.Ф. Эрн и В.П. Свенцицкого в названные и иные годы, но выступление Флоренского известно только одно: доклад “Абсолютный скептицизм и его разрешение” в закрытом заседании РФО 16 декабря 1907 г. в помещении Счетоводных курсов Ф. Езерского (Москва, ул. Тверская-Ямская, д. 18). Программу см. НИОР РГБ. Ф. 25. К. 38. Ед. хр. 56. Это значит, что Флоренский полагал, что именно он продиктовал Эрну и Свенцицкому основное содержание их выступлений в РФО. (М.К.)» (см.: Колеров М.А. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М.: Издание книжного магазина «Диолковский», 2017. С. 70).

²⁶ Примечание Черткова: «На закрытом заседании МРФО 17 декабря 1907 г. Флоренский сделал доклад «Абсолютный скептицизм и его разрешение» (НИОР РГБ. Ф. 746. К. 38. Ед. хр. 56)» (см.: Нашедшие Град. С. 368).

Публикации и рукописи: Возможно, Флоренский П.А. «К почести высшего звания» (Черты характера архим. Серапиона Машкина) // Вопросы религии. М., 1906. Вып. 1. С. 143–173²⁷.

Упоминания: В одной из повесток дня МРФО: «В воскресенье 16-го декабря в помещении Счетоводных Курсов Ф. Езерского состоится закрытое заседание Религиозно-Философского Общества памяти Вл. Соловьева. П.А. Флоренский прочтет реферат на тему “Абсолютный скептицизм и его разрешение”»²⁸.

Из письма В.Ф. Эрна П.А. Флоренскому от 16.10.1907: «Мы с Вами было стали говорить о прочтении Вами реферата в закрытом заседании Общества. Не могли бы Вы прочесть несколько писем из тех, которые печатаете в “Вопросах религии”? И притом не особенно откладывая, так 30 или 31 октября. Если сможете, то ответьте скорее, ибо нам нужно знать заранее. А хотелось бы очень. Очень хочется послушать Вашу тихую речь, полную внутреннего огня. В области теоретической мысли, в области созерцания Вы неотразимо сильны. Здесь у Вас всегда учишься. Здесь Ваши слова волнуют. Павлуша дорогой, прочтите реферат!»²⁹.

32. А. Белый. Символизм

Ю. Шеррер, А.В. Соболев указывают название «О новом искусстве символизма»; К. Буркхарди указывает оба доклада³⁰.

Дата: 1907.

Присутствует в списке Ю. Шеррер, А.В. Соболева, К. Буркхарди.

Публикации и рукописи: отсутствуют.

Упоминания: В архиве А. Белого: «Список рефератов и лекций, читанных мною с 1902 года по 1918-ый <...> 1907 г. Лекция: “Символизм” Моск<овское>. рел<игозно> фил<ософское>. О<бщест>во. Москва»³¹.

33. В.П. Свенцицкий. Мировое значение аскетического христианства

Публичное заседание.

14.02.1907. В.П. Свенцицкий выступил с этим докладом в ПРФО³².

²⁷ Сопоставляя просьбу Эрна Флоренскому в письме от 16.10.1907 и текст, опубликованный в «Вопросах религии», можно сказать, что одна из главных его тем соответствует теме доклада: «Абсолютный скепсис, не щадящий никакой данности, даже данности логических законов, должен предварять философию. Но он разрешим лишь в мистическом созерцании Пресв. Троицы» (Вопросы религии. Вып. 1. С. 151).

²⁸ ОР РГБ Ф.746 (Архив М.О. Гершензона), п. 38, ед. хр. 56, л. 7. Дата почтового отправления на конверте: 30.11.07.

²⁹ Нашедшие Град. С. 368.

³⁰ При этом в упоминаниях доклада «О новом искусстве символизма» Буркхарди ошибочно ссылается на книгу А. Белого «Между двух революций»: «Лекции начались тотчас же по возвращении из Парижа; сперва я повторил свою парижскую лекцию: в открытом заседании Московского религиозно-философского общества» (см.: А. Белый. Между двух революций. Л.: Изд-во Писателей в Ленинграде, 1934. С. 267). В Париже А. Белый читал лекцию «Социал-демократия и религия».

³¹ ОР РГБ Ф. 25 (Архив А. Белого), п. 31, ед. хр. 8, л. 1.

Дата: 29.I.1908.

Присутствует в списках Ю. Шеррер, А.В. Соболева, К. Буркхарди, О.Т. Ермишина, комментариях М.А. Колерова³³, С.В. Черткова³⁴.

Публикации и рукописи: Свенцицкий Вал. Мировое значение аскетического христианства // Русская мысль. 1908. № 5. С.89–103³⁵.

Свенцицкий В.П. Мировое значение аскетического христианства // Свенцицкий В.П. Собрание сочинений. Т. 2. Письма ко всем: обращения к народу 1905–1908 / сост., послесл., коммент. С.В. Черткова. М.: Дарь, 2010. С. 487–508.

Упоминания: В одной из повесток дня МРФО³⁶: «Во Вторник 29 января <1908 г.>, в помещении Польской библиотеки (Мясницкая, Милютинский пер.), состоится XVI публичное заседание Общества. В.П. Свенцицкий прочтет реферат на тему: “Мировое значение аскетического христианства”»³⁷.

В журнале Живая жизнь: «29-го января начало снова после рождественских каникул функционировать Религиозно-Философское Общество: В.П. Свенцицкий прочел реферат на тему “Мировое значение аскетического христианства”»³⁸.

34. Ю.Н. Карпинская. Современное религиозное движение в католичестве и православии

Закрытое заседание.

Дата: 10.II.1908.

Присутствует в списке К. Буркхарди, О.Т. Ермишина, комментариях С.В. Черткова³⁹.

³² См.: Нашедшие Град. С. 391, 398; Свенцицкий В.П. Собрание сочинений. Т. 2. С. 650.

³³ М.А. Колеров пишет об участии В. Свенцицкого в МРФО в 1907 г. с отсылкой на данные агентурного расследования дела Свенцицкого: «“В 1907 году, – докладывала агентура, – Свенцицкий оказался совершенно дискредитированным в глазах названного общества (товарищем председателя его был Булгаков), так как выяснилось, что, с одной стороны, совершена им растрата общественных денег, а с другой стороны – открылись любовные похождения его, несоответствующие роли проповедника, вызвавшие против него преследование со стороны родственников оскорбленных девиц, под угрозами каковых лиц Свенцицкий вынужден был скрыться из Москвы, проживая долгое время инкогнито где-то под Петербургом”³³. Впрочем, осенью 1907-го он вновь появился в заседаниях РФО, а в январе выступал с докладом о “Мировом значении аскетического христианства”» (см.: Колеров М.А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб.: Алетейя, 1996. С. 269).

³⁴ См.: Свенцицкий В.П. Собрание сочинений. Т. 2. С. 722–730.

³⁵ Статья Свенцицкого размещена под единым заголовком «Проблема аскетизма» вместе со статьей В.В. Розанова «О христианском аскетизме».

³⁶ Повестки дня заседаний МРФО опубликованы О.Т. Ермишиным из архива о. Павла Флоренского.

³⁷ ОР РГБ Ф. 25 (Архив А. Белого), п. 29, ед. хр. 18, л. 5. Дата почтового отправления на конверте: 26.I.08; Аналогичная повестка дня имеется в архиве о. Павла Флоренского и опубликована О.Т. Ермишиным (см.: Ермишин О.Т. Московское религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьёва: Хроника русской духовной жизни // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 214–215).

³⁸ Религ. Филос. Общество памяти Вл. Соловьёва в Москве // Живая жизнь. 1908. № 2. С. 53.

Публикации и рукописи: отсутствуют.

Упоминания: В одной из повесток дня МРФО: «В Воскресенье 10 февраля в помещении счетоводных курсов Езерского (Тверская-Ямская, 14) состоится закрытое заседание. Ю.Н. Карпинская прочтет реферат “Современное религиозное движение в католичестве и православии”»⁴⁰.

35. В.Ф. Эрн. Идея катастрофического прогресса

Публичное заседание.

Примечание в тексте: «Доклад, читанный в Рел<игиозно>-Фил<ософском> обществе памяти Вл. Соловьева»⁴¹.

3.02.1908 Эрн выступал с этим докладом в ПРФО⁴².

Дата: 23.III.1908 (*О.Т. Ермишин*) или 23.III.1907 (*К. Буркхарди ошибочно*).

Присутствует в списках Ю. Шеррер, А.В. Соболева, К. Буркхарди, О.Т. Ермишина, комментариях В.И. Кейдана⁴³, С.В. Черткова⁴⁴.

Публикации и рукописи: Эрн В.Ф. Идея катастрофического прогресса // Русская мысль. 1909. № 10. С. 142–159.

Эрн В.Ф. Идея катастрофического прогресса // Эрн В.Ф. Борьба за логос. М., 1911. С. 234–260.

Эрн В.Ф. Идея катастрофического прогресса // Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 198–219.

³⁹ Примечание Черткова: «Ф.Е. Мельников описал прения по докладу баптистки и участницы секты пашковцев Юлии Николаевны Карпинской, автора книги “Борьба с улицей” (М., 1906) и воспоминаний “Из семейной хроники” (1897), полагавшей, что официальная Церковь для верующих не нужна, догматы и обряды вредны и только заслоняют сущность христианского учения: “Свенцицкий горячо протестовал против той упрощенности веры, которую рекомендует докладчица. Эта упрощенность на руку только ленивым. Они не хотят осмыслить свою веру, не хотят понять ее сознательно. Ведь если и говорит Христос, что нужно поклоняться Богу “духом и истиною”, то нужно же сначала эту истину понять, осмыслить, а это и ведет к принятию божественных догматов, без которых не может быть понят Сам Христос. Догмат – это сложный процесс религиозного сознания. Путем этого процесса мы воспринимаем Христову правду, переживаем в себе Христа. С не меньшей горячностью С. Н. Булгаков доказывал необходимость церковного богословия и обрядов. В том же смысле говорил и В. Эрн” (Церковь. 1908. № 8. С. 243–244)» (см.: Нашедшие Град. С. 395).

⁴⁰ ОР РГБ Ф. 25 (Архив А. Белого), п. 29, ед. хр. 18, л. 5. Дата почтового отправления на конверте: 26.1.08; Ермишин О.Т. Московское религиозно-философское общество. С. 224.

⁴¹ Эрн В.Ф. Идея катастрофического прогресса // Русская мысль. 1909. № 10. С. 142.

⁴² См.: Ермишин О.В. Прения по докладу В.Ф. Эрна «Идея катастрофического прогресса» на 6-м собрании С[анкт]-П[етер]б[ургского] Релегиозно-философского общества 3 февраля 1908 г. // Вопросы Философии. 2005. № 7. С. 94–106.

⁴³ Примечание Кейдана: «Эрн В. “Идея катастрофического прогресса”, доклад в МРФО, опубли.: Русская мысль. 1909. т. 2. отд. 2. С. 142–159; отклик: Русская Мысль. 1907. № 10» (см.: Взыскующие града. С. 143).

⁴⁴ Чертков атрибутирует дату приглашения на заседание МРФО, отправленного на имя П.А. Флоренского 12.03.1908 (см.: Нашедшие Град. С. 403).

Упоминания⁴⁵: В одной из повесток дня МРФО: «В воскресенье 23 марта состоится XVIII открытое заседание в помещении Счетоводных Курсов Ф.В. Езерского (Тверская-Ямская, 18) нач. в 7 1/2 ч. вечера.

В.Ф. Эрн прочтет реферат: “Идея катастрофического прогресса”»⁴⁶.

Из письма В.Ф. Эрна А.В. Ельчанинову от 10.05.1907: «3-го мая было заседание с моим рефератом “О прогрессе”. Прения были удручающие»⁴⁷.

В материалах к биографии: «Идея катастрофического прогресса. Доклад, читанный в Рел<игиозно>-Фил<ософском> Обществе памяти Вл. Соловьёва в марте 1907. Напечатано в Р.М. – 1909. X.»⁴⁸.

36. В.И. Иванов. Символизм и религиозное творчество

Публичное заседание.

Дата: 30.III.1908.

Присутствует в списках А.В. Соболева, К. Буркхарди, О.Т. Ермишина, **комментариях** С.В. Черткова⁴⁹.

Публикации и рукописи: В. Иванов. Две стихии в современном символизме // Золотое руно. 1908. № 3–4. С. 86–94, № 5. С. 44–50.⁵⁰

Упоминания: В одной из повесток дня МРФО: «В воскресенье, 30-го марта <1908 г.>, в помещении Счетоводных Курсов Ф.В. Езерского (Тверская-Ямская, 18) состоится XVIII публичное заседание Об<щест>ва. Вячеслав Иванов прочтет лекцию: “Символизм и религиозное творчество”»⁵¹.

Из письма В.Ф. Эрна П.А. Флоренскому от 27.03.1908: «Я бы очень просил Вас приехать в воскресенье (30-го) на реферат Вяч. Иванова. Во-первых, весьма хотелось создать для Вяч. Ивановича хорошие прения»⁵².

Из ракурса к дневнику А. Белого: «1908...Апрель. Москва...1) Оппонирование Иванову на его лекции в Рел<игиозно>-Фил<ософском> О<бщест>ве»⁵³.

⁴⁵ Буркхарди также дает отсылку к примечаниям книги о. Павла Флоренского «Столп и утверждение Истины» (М.: Путь, 1914. С. 684). В данном примечании дается указание только на публикацию текста Эрна из книги Борьба за Логос, как на одну из работ, наиболее продвинутых в области формального исследования идеи прерывности.

⁴⁶ ОР РГБ Ф. 25 (Архив А. Белого), п. 29, ед. хр. 18, л. 21. Дата почтового отправления на конверте не указана; Ермишин О.Т. Московское религиозно-философское общество. С. 224. С.В. Чертков указывает, что данная повестка была направлена П.А. Флоренскому 12.03.1908.

⁴⁷ Взыскующие града. С. 142.

⁴⁸ РГАЛИ Ф.1458 (Фонд Архипова Евгения Яковлевича), оп.1, ед.хр.22, тетрадь 2.19–20. Материалы по библиографии Вл. Фр. Эрна. 1882–1917.

⁴⁹ См.: Нашедшие Град. С. 406.

⁵⁰ Возможно, в основу доклада легла 1 глава статьи «Символизм и религиозное творчество».

⁵¹ ОР РГБ Ф. 25 (Архив А. Белого), п. 29, ед. хр. 18, л. 22. Дата почтового отправления на конверте: 26.3.08; Ермишин О.Т. Московское религиозно-философское общество. С. 225.

⁵² Нашедшие Град. С. 406.

⁵³ Литературное наследство. Т. 105. Андрей Белый. С. 378; РГАЛИ Ф. 53., Оп. 1, Ед. хр. 100, л. 43об.

37. Г. Коген. Название неизвестно.

Дата: II–III.1908.

Присутствует в списке К. Буркхарди, в комментариях Ю. Шеррер⁵⁴.

Публикации и рукописи: отсутствуют.

Упоминания: В стихотворении А. Белого:

Внемлю речам, объятый тьмой
Философических собраний,
Неутоленный и немой,
В октябрьском, мертвенном тумане.

И вижу – ряд ученых лбов
Сидит, склонясь на стол зеленый:
Устами прах взметая слов,
Пылит ученого ученый.

Професср марбургский Коген,
Творец сухих методологий!
Им отравил меня NN,
Мой друг и мой наставник строгий.

Зову любовь мою; а он
Стучится в дверь смиренный, кроткий;
Едва атласный желтый лен
Едва раздвоенной бородки

Закрутит остро злым перстом;
И как рога завьются туры,
Власы на мертвенным челом.
И холодны глаза – лазури.

Он пальцем призрачным грозит,
Приблизится, как черный инок, –
Заговорит, заморозит
Потоком слов, сквозных пылинок.

Он, как паук, в тенетах слов.
Усадит за столом зеленым.
И снова ряд почтенных лбов.
С ученым спорит вновь ученый⁵⁵.

⁵⁴ Scherrer J. Die Peterburger religiös-philosophischer Vereinigungen. P. 53. Anm. 92 und P. 363/364, Anm. 18 (см.: Burchardi K. Die Moskauer P. 353).

⁵⁵ Андрей Белый. Философия // Золотое руно. 1908. № 3–4. С. 46–47 (см.: Burchardi K. Die Moskauer P. 353).

38. А. Белый. Религия и Символизм*Публичное заседание.***Дата:** IV.1908 или 1909 (*К. Буркхарди*).**Присутствует в списке К. Буркхарди.****Публикации и рукописи:** Белый А. Эмблематика смысла // Белый А. Символизм. М., 1910. С. 49–143.

Белый А. Эмблематика смысла // Белый А. Символизм и миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 25–90.

Белый А. Эмблематика смысла // Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 54–142.

Белый А. Эмблематика смысла // Белый А. Собрание сочинений. Символизм. Книга статей / под общ. ред. В.М. Пискунова. М.: Культурная революция; Республика, 2010. С. 57–119.

Упоминания: В примечании А. Белого к статье Эмблематика смысла: «Статья печатается впервые. Небольшая часть ее (в неразработанном виде) была прочтен в публичной лекции в “Религиозно-философском ообществе” в Москве под заглавием “Религия и символизм”. Впоследствии статья была развита и переработана»⁵⁶.В материалах к биографии А. Белого: «1908...Апрель. Этот месяц припоминается, как особенно тяжелый; читаю реферат в Московском религиозно-философском Обществе на тему “Эмблематика Смысла” (забыл точное заглавие)»⁵⁷.

Сравнение сезонов 1906–1907 гг. и 1907–1908 гг., с одной стороны, показывает, что снизилась интенсивность заседаний – изначально планировалось еженедельное чтение докладов, с другой стороны, открывает лакуны в исследовании данного периода.

Представленный период можно назвать переходным, так как следующий сезон связан с кризисными явлениями в МРФО: исключением из Общества активнейшего деятеля первого периода В.П. Свенцицкого; изменением характера и тематики докладов.

В данный период открываются новые для МРФО темы. Особенно ярко представлены доклады на тему символизма. Для представителей младосимволизма МРФО было площадкой для апробации текстов, представляющих их главные философские концепции теургической эстетики⁵⁸.

⁵⁶ Белый А. Комментарии. Эмблематика смысла // Белый А. Символизм. М.: Мусaget, 1910. С. 483–484.

⁵⁷ Литературное наследство. Т. 105. Андрей Белый: Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов. М.: Наука, 2016. С. 121.

⁵⁸ См.: Барабаш Р.И. Творчество А. Белого и Вяч. Иванова в аспекте русской теургической эстетики: дис. ... канд. фил. наук. М., 2014. С. 108; Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. С. 9.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 111:701
ББК 87.8(2:4)

Шалыгина Ольга Владимировна

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, доктор филологических наук, доцент культурологии, старший научный сотрудник отдела русской литературы конца XIX-начала XX века, Россия, г. Москва, e-mail: shalygina@imli.ru

А. Вольтский. Критические и догматические элементы в философии Канта (части XV–XVI)¹

Публикуются XV–XVI части статьи А. Вольтского «Критические и догматические элементы в философии Канта», посвященные анализу таких категорий кантовской эстетики, как «красивое» и «высокое». А. Вольтский выделяет особое значение проблемы единства трансцендентальной эстетики и трансцендентальной логики Канта, а также единства критических и догматических оснований его философии. Эта статья в полном объеме включена в «Книгу великого гнева», на кантовских категориях «красивого» и «высокого» выстраивается картина развития русской литературы на рубеже веков, а в 1920-е годы теория русского балета.

Ключевые слова: русская философия, история русской литературной критики, русский идеализм конца XIX – начала XX века, философия Канта в России, Аким Вольтский

Shalygina Olga Vladimirovna

Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, PhD (Philology), Associate Professor of Cultural Studies, Senior researcher of the Department of Russian Literature of the late XIX-early XX century, Moscow, Russia, e-mail: shalygina@imli

A. Volynsky. Critical and Dogmatic elements in Kant's philosophy (parts XV–XVI)

We present here sections XV–XVI of A. Volynsky's article "Critical and Dogmatic Elements in Kant's Philosophy", which are devoted to an analysis of such categories of Kant's aesthetics as "the beautiful" and "the sublime." Volynsky emphasizes the special significance of the problem of the unity of Kant's transcendental aesthetics and transcendental logic, as well as the unity of the critical and dogmatic foundations of his philosophy. This article is included in full in Volynsky's A Book of Great Anger, which constructs on the basis of Kant's categories of "the beautiful" and "the sublime" a picture of the development of Russian literature at the turn of the century, as well as a theory of the Russian ballet of the 1920s.

© Шалыгина О.А., 2020

Соловьевские исследования, 2020, вып. 4, с. 47.

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им.А.М.Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект №17-18-01432-П) / This scientific investigation was carried in Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences out with financial support of Russian Science Foundation (RSF, the project № 17-18-01432).

Key words: *Russian philosophy, history of Russian literary criticism, Russian idealism of the late XIX – early XX century, Kant's philosophy in Russia, Akim Volynsky*

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.047-061

Аким Львович Волынский (Хаим Лейбович Флексер) – незаслуженно забытый и неочененный философ-идеалист, распространивший кантианскую критику на широкую область искусства (литература, живопись, балет), давший анализ общественных и литературных тенденций, ознаменовавших кризисный период в духовном развитии русского общества конца XIX – начала XX века. В знаменитом цикле статей «Русские критики» он оформляет свои требования к литературной критике, полагая, что «при анализе каких-либо типичных образцов общественной мысли критика должна точно определять, что в них есть живого, истинного, вечного и что является преходящим элементом, который всецело принадлежит данной эпохе и вместе с нею вытиснется новыми умственными силами и течениями» [1, с. II]. Критика, по его мнению, должна быть не публицистической, а философской: «Настоящая литературная критика должна быть компетентна как в оценке поэтических идей, всегда имеющих отвлеченную природу, так и в раскрытии творческого процесса, который является взаимодействием сознательных и бессознательных сил художника» [1, с. II].

Статья «Критические и догматические элементы в философии Канта» представляет особый интерес для истории философии и развития идей Канта в России, она была написана Волынским по поводу книжных новинок 1888–1889 годов (лекции Канта по психологии с введением Карла Дю Преля «Мистическое мировоззрение Канта»², работы Канта «Переход от метафизических начальных основ естествознания к физике» с предисловием Альбрехта Краузе³) и опубликована в №№ 7, 9–12 журнала «Северный вестник» за 1889 год. В ней Волынский выходит за привычные рамки обзора книжных новинок, подробно разбирает базовые категории кантовской философской системы и объясняет их значение русскоязычному читателю. Работа Волынского имела большой резонанс в кругах становящейся в ту пору оригинальной русской философии. Одним из первых на публикацию откликнулся Н. Грот, редактор журнала «Вопросы философии и психологии». «Вашему сотрудничеству в журнале особенно рады, – писал он Волынскому от 5 января 1890 г., – так как много сказано о Вас. А.А. Козлов очень рекламировал мне вашу заметку о Канте»⁴. Особый интерес

² См.: Kant, Immanuel, and Karl Ludwig August Friedrich Maximilian Alfred Du Prel. Vorlesungen über Psychologie: Mit einer Einleitung: Kants mystische Weltanschauung. Leipzig: E. Günter, 1889. 96 p.

³ См.: Kant, Immanuel, and Albrecht Krause. Das nachgelassene Werk Immanuel Kant's: vom Uebergange von den metaphysischen Anfangsgründen zur Physik. Frankfurt a.M.: Schauenburg, 1888. 213 p.

⁴ Грот Н. Письмо Волынскому от 5 января 1890 г. // РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 453. Л. 4.

для истории русской литературной критики и эстетики представляет раздел статьи Вольтинского, посвященный анализу таких категорий кантовской эстетики, как «красивое» и «высокое». Этими категориями он пользуется сам как литературный критик и редактор «Северного вестника».

Критическая философия Канта, по мнению А. Вольтинского, является «образцом возвышеннейшего, научно-метафизического мышления»⁵, в скрытой глубине которого «свобода, Бог, бессмертье, на открытой поверхности – мир чувственных представлений и рассудочных понятий...»⁶. Говоря о Канте, он, прежде всего, формулирует основания собственного мышления. Трансцендентальная эстетика и трансцендентальная логика Канта – это, по мысли Вольтинского, «бессмертное изваяние настоящей, живой мудрости»⁷. В этих двух отделах, по его мнению, сосредоточена «вся критическая философия, в своих главнейших, существеннейших положениях, вся теория трансцендентального идеализма и эмпирическая реализма»⁸.

Вольтинский выделяет в кантовском учении единство критических и догматических оснований его философии: «Кто принял кантовское учение о пространстве и времени, тот не может отвергнуть и учение о свободе, об умопостигаемом характере, окруженное густою тенью непознаваемого» [2: 12, с. 63]. На этом прочном фундаменте он Вольтинский строит здание современного ему философского идеализма. Неслучайно статью он включает в состав труда, подводящего итог его многолетней литературно-критической деятельности, в «Книгу великого гнева» (1904 г.). К уже готовой к печати книге приверстывается статья «Что есть идеализм?». На кантовских категориях «красивого» и «высокого» он выстраивает новую картину развития русской литературы на рубеже веков и проводит тщательный анализ болезней «современной души», отразившихся в декадентстве. На изменение взглядов модернистского критика значительно повлияло его путешествие на Афон в 1902 году. «Изображение мира в его идеальных подобию, созерцание мира в свете его божественной сущности»⁹, как метафизический принцип византийской иконографии, представляется ему теперь тем самым новым путем художественного творчества, на котором творчество может раскрыться шире и глубже и который он искал на протяжении почти двадцати лет своей литературно-критической деятельности.

⁵ См.: Вольтинский А.Л. Критические и догматические элементы философии Канта // Северный вестник. 1889. № 11. С. 61 [2].

⁶ Там же. № 12. С. 63.

⁷ См.: Вольтинский А.Л. Критические и догматические элементы философии Канта // Северный вестник. 1889. № 7. С. 77.

⁸ Там же.

⁹ См.: Вольтинский А. Книга великого гнева. Критические статьи. Заметки. СПб.: Тип. «Труд», 1904. С. XXXV [3].

Но наиболее полно философская задача будет исполнена им в «Книге ликований», где под покровом «Азбуки балета» Волынский сделает шаг в теоретическом рассмотрении связи априорных категорий времени и пространства¹⁰. Избрав материалом балет как пластическое искусство, Волынский создаст моторную эстетику на основании трансцендентальной эстетики Канта, опишет язык и законы классического балета как технику взлета человеческого духа, отраженную в движениях его тела.

К публикации отобраны части XV–XVI названной статьи А. Волынского, в которых автор рассматривает работу И. Канта «Критика суждений», посвященную анализу основных категорий кантовской эстетики («красивое» и «высокое»), а также подводит краткий итог рассмотрения критических и догматических оснований всей кантовской философской системы.

Постраничные сноски представляют собой ссылки А. Волынского с сохранением стиля цитирования, орфографии и авторской пунктуации. В конце-вые сноски вынесены наши комментарии.

А. Волынский

КРИТИЧЕСКИЕ И ДОГМАТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ФИЛОСОФИИ КАНТА¹

(подготовка текста *О.В. Шалыгина*)

XV.

Из всего до сих пор сказанного ясно видно, что вся кантовская философия построена на двух началах: на теоретическом разуме и практической вере. «Критика чистого разума» открыла два великих принципа: принцип научного познания и принцип свободы. Она дала основные положения для двух важнейших отделов философии: для метафизики природы и метафизики нравов. В «Критике практического разума» установлено было преимущество (примат) практического разума над теоретическим: вот почему вся кантовская мораль, с начала до конца, залита ярким догматическим светом. «Grundlegung zur Metaphysik des Sitten»ⁱⁱ, «Metaphysische Anfangsgründe der Tugendlehre»ⁱⁱⁱ, и «Religion innerhalb der reinen Vernunft»^{iv} удивительные образцы философского мышления, направленного в сторону умопостигаемого. Раз признавши первен-

¹⁰ Подробнее в нашей статье см.: Шалыгина О.В. Время и пространство в моторной эстетике А. Волынского // Соловьёвские исследования. 2019. № 4. С. 100–113.

ство свободы, Кант не убоился никаких возможных отсюда выводов. Метафизика нравов идет в разрез со всем обычным строем наших понятий. Без глубокого психологического анализа нельзя постичь её оригинальных достоинств, необычайной красоты её философского построения и всей глубины её вдохновенного захвата. Как система, метафизика нравов продумана, можно сказать, от первой до последней буквы. Но эта система все-таки не была бы вполне законченной, если бы Кант не написал еще своей «Kritik der Urtheilskraft»^v, сочинения, посвященного вопросам эстетики и телеологии. «Критика силы суждения» появилась впервые в 1790 году, но ей предшествовали некоторые работы, в которых обсуждались уже главнейшие предметы этого трактата. Таковы: «Наблюдения над чувством красивого и высокого»^{vi} (1766), «О различных расах людей»^{vii} (1775), «Определение понятия человеческих рас»^{viii} (1785), «Об употреблении телеологических принципов в философии»^{ix} (1788)¹¹. Но в «Kritik der Urtheilskraft» все частные вопросы, поочередно занимавшие философа, получили окончательную обработку, в полном соответствии с критико-догматическими элементами кантовского мирозерцания. Три отдела кантовской системы захватывают, можно сказать, все интересы человека. Метафизика природы (как мы увидим ниже) имеет дело с эмпирически реальным миром, метафизика нравов – с тем, что должно быть, с идеальными поступками, «Критика силы суждения» с *рефлексивными* понятиями, с воображением, с эмоциями красивого и высокого. Человек не только познает и действует, но и восторгается красивым или высоким и мыслит о целесообразном устройстве органического мира. «Kritik der Urtheilskraft» – соединительная ступень между философией природы и философией нравов, между законом *механической* причинности и законом свободы, законом *моральной* причинности. Если свобода первенствует над природою, то, следовательно, весь мир механических законов – не больше, как частный случай этой свободы и критика, посредствующая между подчиняющим разумом и подчиненным рассудком, не может быть ничем иным, как именно *критикою силы суждения*. «Urtheilskraft^x вообще, говорит Кант, есть способность мыслить частное, как заключающееся в общем. Если это общее дано, сила суждения, которая подчиняет ему частное, будет *определяющею*. Если же дано только частное, к которому общее должно быть отыскано, то сила суждения будет *рефлексирующею*»¹². Определяющая сила суждения не вносит ничего нового в общий состав априорных законов, предписываемых рассудком. Её задача только *подчинительная*. Вот частное – отыщите витрину, в которой ему подобает занять определенное место. Витрина дана наперед и

¹¹ Philosoph. Bibl. B. 57.

¹² Phil. Bibl. B. 9. Kritik der Urtheilskraft, Von der Urth., als einem apriori gesetzgebenden Vermögen, IV, 16.

вам предстоит исполнить небольшую логическую работу. Рефлексирующая сила суждения, восходящая от частного к всеобщему, имеет гораздо более трудную задачу. Она должна отыскать принцип, дающий единство многообразию эмпирических данных. Она должна сама *сотворить* этот принцип, ибо только априорное, трансцендентальное может вдохнуть систему и план в материалы эмпирического восприятия. И этот принцип *der Urtheilskraft* – есть начало целесообразности, естественная целесообразность, в силу которой природа представляется так, как будто бы все разнообразие её эмпирических законов было проникнуто определенным разумным началом¹³. С помощью объясняющих понятий мы познаем внешние механические законы, с помощью рефлексивного понятия целесообразности мы ничего не познаем, а только созерцаем внутреннюю, *специфическую* закономерность явлений. Естественная целесообразность есть принцип спецификации природы. Она руководит не познанием предметов, а суждением о них. Она трансцендентальный принцип *der Urtheilskraft*, принцип воображения, рефлексии, но отнюдь не принцип теоретического познания¹⁴. И эта естественная целесообразность относится либо к *форме* бытия, либо к самому *бытию* предметов. В первом случае принцип целесообразности становится принципом эстетическим, во-втором – телеологическим. Таким образом, вся «Критика силы суждения» логическим образом разбивается на две части: на *Kritik der ästhetischen Urtheilskraft*^{xi} и *Kritik der teleologischen Urtheilskraft*^{xii}. Кантовская эстетика знает только два предмета: прекрасное и высокое. Спокойная красота и драматические движения высокого – таково неизменное содержание всех различных видов поэтического творчества. На изображении красивого и высокого основаны величайшие художественные эффекты. Гомеровские поэмы производят чарующее впечатление именно тем, что в них красота сплелась с высоким, великолепные, прозрачные описания природы чередуются с рельефными картинами человеческого горя, с картинами высокой дружбы и героического страдания. Красота есть принцип гармонии, безмятежного созерцания, высокое есть принцип драматического волнения чувств, борьбы различных душевных сил, принцип дисгармонии между душевными *способностями* и душевными *идеалами*. В анализе красивого и высокого Кант с удивительным мастерством обнаруживает те скрытые пружины, которыми литература производит свои эстетические действия. Это целый кодекс правил, связанных с общим мирозерцанием философа и в то же время обличающих в Канте меткий глаз и поистине замечательную остроту художественного понимания. Кантовская теория красоты один из самых бле-

¹³ Ibid. 18.

¹⁴ Ibid. V, Das Princip der formalen Zweckmässigkeit der Natur ist ein transcendentales Princip der Urtheilskraft. 24.

стоящих аргументов в пользу *критической* философии. Трансцендентальная эстетика здесь вновь говорит одно из самых мощных своих слов – с широким творческим размахом, блистая лучшими своими *критическими* элементами.

Нужно различать физические и нравственные удовольствия от эстетических. Различного рода наслаждения приятны, нравственно добрые поступки внушают нам чувство самоуважения – в обоих случаях субъективная эмоция вызывается определенным объектом или действием. Все чувственные удовольствия материальны, ибо они невозможны без соответствующих *ощущений*. Физические удовольствия основаны на непосредственном восприятии органов чувств: наслаждаться – значить ощущать, потреблять, в узком и широком смысле слова. То же надо сказать и об удовольствиях нравственных. Они возможны только как результат известных *поступков*. Мыслить себя героем добродетели не значит будить в себе приятные, нравственные эмоции. Без практического *действия*, без дела нет высоких нравственных настроений. Иначе говоря: физические и нравственные удовольствия суть удовольствия с *интересом*, так сказать, *пристрастные* удовольствия. Говоря о чувственно или нравственно приятном мне предмете, я заинтересован в *бытии* его, в действительном его существовании, ибо одно *представление* его бессильно дать мне желаемое физическое или нравственное чувство¹⁵.

Не таковы удовольствия эстетические. Первое условие чисто эстетического наслаждения – свобода, отсутствие всякого интереса. Чувство *красивого*, прекрасного основано на простом созерцании, на *представлении* предмета. Для эстетической эмоции ощущений не нужно – она не материальна, а *формальна*. Приятным мы называем то, что улаживает, добрым – то, что внушает уважение, прекрасным – то, что нравится. Приятное имеет дело со склонностями человека, доброе с волей, прекрасное с чувством. Темперамент, практический разум и вкус – вот орудия удовольствий трех различных родов. Темперамент и практический разум – источники чувственных и нравственных удовольствий, вкус – источник удовольствий эстетических, свободных, незаинтересованных, игривых. Чтобы восторгаться красивым, надо обладать хорошим вкусом, т. е. способностью судить о предмете или известном представлении на основании одного удовольствия, или неудовольствия и без всякого интереса: только таким абсолютно незаинтересованным вкусом кладется грань между тем, что красиво, и тем, что некрасиво¹⁶.

¹⁵ Ibid. § 3. Das Wohlgefallen am Angen. ist mit Interesse verbunden, 44; § 4. Das Wohlgefallen am Güten ist mit Interesse verbunden, 46.

¹⁶ Ibid. § 5. Geschmack ist das Beurtheilungsvermögen eines Gegenstandes oder einer Vorstellungsart durch ein Wohlgefallen, oder Missfallen ohne alles Interesse. Der Gegenstand eines solchen Wohlgefallens heisst schön. 50.

Итак, эстетическое наслаждение есть наслаждение формой, представлением и, притом, совершенно свободное, незаинтересованное наслаждение. Этим объясняется, почему эстетическое суждение, не будучи суждением логическим, имеет тем не менее характер всеобщности. Удовольствие заинтересованное может быть только частным: у каждого человека свои интересы. Удовольствие эстетическое, основанное на одной только игре свободных сил, неприкосновенное ни к какому интересу, *eo ipso*^{xiii} не может быть частным: где не задеты интересы, там господствует солидарность. Эстетические суждения – единственный пример суждений, универсальность которых покоится не на определенных логических понятиях, а только на всеобщем чувстве. Кант говорит: *красиво то, что нравится всем без помощи понятия*¹⁷. Без помощи понятия – вот почему эстетические удовольствия следует отличать от удовольствий интеллектуальных, вот почему эстетически прекрасное имеет только субъективную, а не объективную целесообразность¹⁸.

И, наконец, в эстетически прекрасном (свободном от всякого интереса, всеобщем и субъективно целесообразном) должна быть еще черта необходимости. *«Прекрасно то, что без понятия познается, как предмет необходимого удовольствия»*¹⁹. Это вытекает из трех предыдущих признаков.

Остается решить, чем именно создается эстетическое чувство. Эстетическое суждение – суждение особого рода. В обыкновенных логических операциях суждение составляется из слияния чувственного представления с рассудочным понятием. В эстетическом суждении такого слияния не бывает; в нем представление только *сопоставляется* с рассудком. Гармония воображения и рассудка вызывает в нас эстетическое чувство удовольствия, дисгармония – чувство неудовольствия. Без гармонии фантазии и рассудка красота не существует. Эстетически прекрасное имеет только *эмпирическую* реальность. Оно есть произведение человеческого духа, выражение нашего собственного душевного состояния²⁰. Нечувствительность к красоте есть недостаток. Кто не умеет *свободно* восхищаться красивым ландшафтом, кто чужд удовольствиям живописных форм, тот и сам лишен элемента красоты. Способность к эстетическому наслаждению красивым, совершенно бескорыстному и свободному, знаменует душевную гармонию. Красота – одна из благороднейших задач искусства. Но одною красотою критика эстетической силы суждения, конечно, не исчерпывается. *Высокое* есть другой элемент эстетического творчества, не менее важный, хотя и переходящий несколько в область нравственных эффектов.

¹⁷ Ibid. § 9; 61.

¹⁸ Vom Ydeale der Schönheit § 17; 82.

¹⁹ Die Nothwendigkeit der allg. Beistimmung, § 22; 87.

²⁰ Untersuchung der Frage § 9; 58–61.

В анализе красоты Кант держался исключительно на почве *критических* начал. Красота есть гармония воображения и рассудка, способности *представлений* и способности *понятий* – двух способностей, с которыми имеет дело вся критическая теория познания. В аналитике высокого критицизм расступается перед догматизмом: истинно высокое возможно только в сфере нравственных идеалов, на попрание свободы. Высокое есть предмет эстетического удовольствия – ergo^{xiv}, наслаждение высоким должно быть свободно от всякого интереса, всеобще и необходимо. Без этих трех признаков высокое не принадлежало бы к числу эстетических объектов. Отличие высокого от красивого в четвертом признаке. Наслаждение красотой по существу своему безмятежно, тихо и сосредоточено на одной только форме предмета. Красота выражается всегда в определенных очертаниях: что не ограничено ясными линиями и отчетливыми красками, то лишено обаяния эстетической прелести. Наслаждение высоким тревожно. Высокое либо бесконечно велико, либо бесконечно могущественно и, потому, вполне определенных форм иметь не может.

Психология высокого следующая. Пусть воображению задана непосильная задача: охватить необъятное пространство. Представляющая сила человека ограничена: она объемлет только то, что замкнуто в определенные формы и имеет, так сказать, вполне отчетливую физиономию. Необъятное пространство поэтому не может быть предметом чувственного представления. Необъятное, безграничное требует таких усилий воображения, на которые человек неспособен. Но необъятное, бесконечное может быть предметом *мышления*. Рассудок мыслит то, что не поддается никакому представлению. Отсюда дисгармония между воображением и рассудком, между чувственным началом и началом интеллектуальным, духовным. А где дисгармония, там и чувство неудовольствия. Но на этом дело не останавливается. Вследствие чего явилось чувство неудовольствия? Вследствие того, что воображение оказалось ниже, слабее рассудка. Воображение работает в определенных границах, ему положены известные пределы, у которых оно останавливается в бессилии. Для рассудка нет пределов – он мыслит с одинаковою легкостью и бесконечно малое и бесконечно великое, и бесконечно сильное, и бесконечно слабое, ничтожное. Бессилие чувственного воображения есть торжество духовного элемента. Боль воображения замирает в ярком свете рассудка, неисчерпаемо сильного, могучего. Вот каким образом в человеке рождается чувство высокого. *Высоко* не безграничное пространство, а *сознание* превосходства разума над чувственностью, умопостигаемого характера над эмпирическим, свободной воли над пленными силами воображения. «Высоко то, говорит Кант, одна мысль о чем доказывает существо-

вание духовной способности, превосходящей всякий масштаб чувства»²¹. Из неудовольствия, возбуждаемого дисгармонией воображения и рассудка, рождается чувство высокого, сознание бесконечного величия моральной основы человека. Мятежное волнение духа, начавшееся страданием, разрешается в конце плавными, мощными звуками великолепной оратории. Но тут-то и ясно, что эстетическое чувство высокого переходит в сферу нравственного чувства. Эстетически красивое – есть создание только критическое, эстетически высокое без догматического элемента было бы невозможно. Над красотой собрано все сияние критического идеализма, над высоким, возвышенным загадочно трепещет ореол чего-то мистического, непознаваемого, трансцендентного...

Такова в кратких словах критика эстетической силы суждения. Скажем несколько слов о второй части «Kritik der Urtheilskraft», о критике телеологической силы суждения.

Мы уже знаем, что принцип естественной целесообразности может иметь либо субъективное, либо объективное значение. Чтобы суждение было телеологическим, естественная целесообразность должна относиться к самому бытию предмета, т. е. должна быть объективной. В первых параграфах своей «Критики телеологической силы суждения» Кант заботливо выделяет то, что только по ошибке может быть отнесено к суждениям, основанным на принципе целесообразности. Математические фигуры, без сомнения, целесообразны, но на них настоящее телеологическое суждение построено быть не может. Почему? Потому что бытие математических фигур условно, формально, а не *естественно*, действительно, *материально*²². Телеологическое суждение основывается только на *объективно материальной*, внутренней целесообразности. Именно – *внутренней*. Внешняя целесообразность вещей – относительна, условна, а телеологические суждения покоятся на всеобщем и необходимом принципе рефлексии, на таких предметах, которые в себе самих заключают причину и действие своего бытия²³. Одним словом: в кругозор телеологических суждений входят не действующие, механические причины (*causae efficientes*^{xv}), а только причины конечные (*causae finales*^{xvi}), идеальные. Телеологическая рефлексия направлена на живые организмы природы. Механическими законами нельзя объяснить *всей* человеческой жизни – вот мысль «Критики телеологической силы суждения», мысль, которой, как мы уже знаем, Кант сумел дать яркое выражение еще в 1755 году, в своей «Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels»^{xvii}. Принцип внутренней целесообразности – руководящая

²¹ Namenerklärung des Erhabenen, § 25, 100. Erhalten ist, was auch nur denken zu können ein Vermögen des Gemüth's beweist, das jeden Maasstab der Sinne übertrifft.

²² Kritik der teleolog. Urth., Erste Abtheilung, § 62, 233–239.

²³ Ibid. § 63. Von der relativen Zweckmässigkeit der Natur, 239–243.

идея при обсуждении органической природы, при обсуждении *жизни*. Необъяснимое механическим путем подводится под принцип целесообразности, имеющий *идеальную* природу. Кант поступает здесь так же, как и при антиномиях чистого разума. Философ не может сказать: жизненная сила – свойство материи, – это было бы изменой флагу критицизма в пользу греческого гилозоизма²⁴. Но философ не может также утверждать с уверенностью, что жизненная сила *вне* материи – и это было бы произвольной уступкой догматизму. Чтобы быть неуязвимым, он должен сказать: жизненная сила, органическая природа есть предмет телеологической рефлексии, не познаваемое, а только идейное, *руководительное начало*²⁵. Телеологический принцип – принцип *критический*, принцип размышления о предметах, возникновение которых не может быть объяснено одними только *механическими* производителями. Нелепо надеяться, говорит Кант, что когда-нибудь может явиться новый Ньютон, который объяснит нам рождение малейшей травки с помощью одних действующих сил природы²⁶. Это решительно невозможно. Знаменитая «Philosophie zoologique»^{xviii} Ламарка не опровергает Канта. То, что составляет самое типическое явление в живых организациях, бытие *психическое, нравственное*, не может быть разложено механическим путем...

«Kritik der teleologischen Urtheilskraft» заканчивается размышлениями догматического свойства. Какова последняя цель всей природы вообще? Какова последняя цель творения? Ответ приуготовлен всей кантовской метафизикой нравов. Практический разум первенствует над теоретическим – значит, моральная свобода, моральный человек (*homo noumenon*^{xix}) и есть последняя цель всего сущего. Ибо о человеке моральном, – говорит Кант, – уже нельзя спрашивать, для чего (*quem in finem*^{xx}) он существует²⁷. Выше моральной цели нет никакой другой цели. Бесконечная лестница друг над другом возвышающихся целей заканчивается моральной волей, настоящим венцом могущества и славы...

XVI.

Если свобода есть всеобщая цель природы, то понятно, в чем должна заключаться цель человеческого рода, в его постепенном и последовательном развитии. Задача человеческой истории – вскрытие нравственной свободы, окончательная победа воли над чувственностью, разума над природою. Эту

²⁴ Гилозоизм – учение о живой материи: ὕλη – материя, ζῷος – живой.

²⁵ § 65, Dinge, als Naturzwecke, sind organisirte Wesen, 246 –230.

²⁶ Ibid. § 75, Der Begriff einer objectiven Zweckmässigkeit der Natur ist ein *kritisches* Princip für die reflektirende Urtheilskraft, 278.

²⁷ § 84. Von der Endzwecke des Daseins einer Welt, 319–321.

мысль Кант защищал в нескольких статьях, посвященных философии истории, борясь при этом преимущественно с материалистическими взглядами своего времени. Моральное понимание истории само собою вытекает из таких сочинений, как «Критика практического разума» и «Религия в пределах чистого разума». Если нравственная воля есть основа всего *феномального*^{xxi}, если умопостигаемый порядок мира – реальный субстрат всего сущего, то человек не может стремиться ни к чему иному, как к наибольшей нравственной свободе. Задача истории – задача нравственная. Развитие на поприще различных форм культуры и политики, в последнем своем основании, есть развитие нравственное, духовное²⁸.

На этом мы заканчиваем обозрение кантовской морали в широком смысле слова. Вся метафизика нравов исчерпана. Её преимущественно догматическая природа обнаружена, её связь с главными теориями критического идеализма выступает с достаточной выпуклостью. Между мистицизмом разобранных нами «Чтений о психологии»^{xxii} и учением о нравственной свободе легла трансцендентальная эстетика с её открытым выходом в мир нуменальный, в мир свободы и правды.

Мистицизм, трансцендентальная эстетика и учение о свободе – три ярких момента в кантовской философии, не противоречащих друг другу, а друг друга как бы подготовляющих. Говорим *не противоречащих* только в узком смысле: не противоречащих один другому *в пределах* кантовской системы. От трансцендентальной эстетики один шаг к мистицизму и свободе. И кто принял кантовское учение о пространстве и времени, тот не может отвергнуть и учение о свободе, об умопостигаемом характере, окруженное густою тенью непознаваемого. Трансцендентальная эстетика – центр кантовской философии, около которого описаны два концентрических круга. Теория критического идеализма – монумент, стоящий на двойном основании: в скрытой глубине – свобода, Бог, бессмертье, на открытой поверхности – мир чувственных представлений и рассудочных понятий... Мы не пишем критического этюда о Канте: нас интересует пока только психическая сторона дела. И вот нам кажется, что во всей *метафизике нравов* отразились превосходно те душевные эмоции, которые волновали одного из величайших гениев человечества. Кант велик своей замечательной теорией познания, но его *величие* – в учении о нравственной свободе, об умопостигаемом характере, в учении об искуплении – одним словом, в его догматике. Представьте себе человека, одаренного всеми органами восприятия и рассудком, но лишённого эмоциональных способностей. Такой человек не мог бы существовать. Эмоция – субъективный момент в нашем бытии, это

²⁸ Phil. Bibl. B. 37. Idee zu einer allg. Gesch. (1784), Recension von Herders Ideen (1785), Muthmasslicher Anfang der Menschengesch. (1786).

огонь, на котором поставлен котел жизни. Нет эмоций, потухло пламя, жизнь неизбежно должна прекратиться. Бесчувственность, индифферентизм – медленная, но верная отравка. Теперь представьте себе человека, у которого субъективный момент жизни всегда окрашен мрачным цветом. Движения рассудка, все отправления органов восприятия – всё возбуждает в нем одно только чувство неудовольствия. Такой человек тоже не может долго существовать. Пессимизм – философский синоним смерти. Индифферентизм и пессимизм – оба разрушают человеческую жизнь, один – замораживая дух человека, другой – нагоняя на него беспросветную тьму. И мы едва ли ошибемся, если скажем, что настоящее величие не свойственно ни индифферентизму, ни пессимизму. Величие на стороне здорового философского оптимизма. Кантовская мораль полна величия, ибо вся она проникнута живыми, радостными эмоциями, ибо вся она вылилась из души человека, полного веры, пафоса, огненного восторга. Борьба с *радикальным* злом во имя нравственного добра имеет смысл только при убеждении, что добро возможно, что свобода – не химера, а реальная правда. Мрачные краски, которыми изобилует «Религия в пределах чистого разума», обозначают только, что путь к правде тернист, но вовсе не пятнают самой правды – чистой, светлой, сияющей. Кантовская философия – произведение человека с неисчерпаемой душевной бодростью. В ней слышен призыв к жизни, к деятельной работе, к высоким подвигам. В ней нравственная свобода, право, добродетель прославлены в выражениях, сияющих святою простотою и огромною, бескорыстною любовью к людям, к правде. Мир – есть храм с бесконечным небесным сводом. В этом храме так много чудесного, так много чарующего! В этом храме так много таинственного, непонятного! Кто разгадал, что есть смерть, что – рождение? Кто объяснил, что есть мысль человеческая! Великая философия не могла не вместить в себе по возможности всей картины жизни, всего дивного храма мироздания. И кантовская философия именно великая философия, как бы замечательный артистически снимок с живой природы. В ней знание рядом с верой, отчетливое, ясное рядом с таинственным и загадочным, твердая земля, увенчанная бесконечным и недостижимым небом...

Кантовская философия замечательна еще вот в каком отношении. В ней три отдельных части: теория познания, метафизика и этика, и в каждой из этих частей Кант сумел сказать свое собственное, оригинальное слово. *Критическая* теория познания – переворот, разрешивший недоумения английского сенсуализма и немецкого спиритуализма, метафизика – оригинальнейшее учение о феноменах и нумена^{xxiii}, этика – совершенно новое учение о свободе, о категорическом императиве. Такое обилие творчества до Канта обнаруживали очень немногие.

Список литературы

1. Волинский А. ...Русские критики: Лит. очерки / А.Л. Волинский. СПб.: Тип. М. Меркушева (б. Н. Лебедева), 1896. [4], IV, IV, 827 с.
2. Волинский А.Л. Критические и догматические элементы философии Канта // Северный вестник. 1889. № 7. С. 67–87; № 9. С. 61–83; № 10. С. 89–109; № 11. С. 51–72; № 12. С. 55–78.
3. Волинский А. ...«Книга великого гнева»: Крит. ст. Заметки. Полемика. СПб.: Тип. «Труд», 1904. VIII, LXXVIII, [2]. 524 с.

References

1. Volynskiy A. ...*Russkie kritiki: Literaturnye ocherki* [Russian critics: Literary essays]. Saint-Petersburg: Tipografiya M. Merkusheva (b. N. Lebedeva), 1896. 827 p.
2. Volynskiy A.L. *Severnoy vestnik*, 1889, No. 7, pp. 67–87; No. 9, pp. 61–83; No. 10, pp. 89–109; No. 11, pp. 51–72; No. 12, pp. 55–78.
3. Volynskiy, A. *Kniga velikogo gneva. Kriticheskie stat'i. Zametki* [The book of the great wrath. Critical article. Notes]. Saint-Petersburg: Tipografiya «Trud», 1904. 524 p.

Примечания.

ⁱ См.: [2: 12, с. 55–64].

ⁱⁱ «Grundlegung zur Metaphysik des Sitten» – книга И. Канта «Основы метафизики нравственности»: Kant, Immanuel. *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*. Riga: Hartknoch, 1785. 128 S. (на нем. яз.)

ⁱⁱⁱ «Metaphysische Anfangsgründe der Tugendlehre» – книга И. Канта «Метафизические основные начала учения о добродетели»: Kant, Immanuel. *Metaphysische Anfangsgründe der Tugendlehre*. Königsberg: Bey Nicolovius, 1797. X, 190 S. (на нем. яз.)

^{iv} «Religion innerhalb der reinen Vernunft» – книга И. Канта «Религия в пределах только разума» Kant, Immanuel. *Die Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft*. 2-te verm. Aufl. Königsberg: Bey Nicolovius, 1794. XXV, 314 S. (на нем. яз.)

^v «Kritik der Urtheilskraft» – книга И. Канта «Критика способности суждения», посвящённая эстетике и телеологии: Kant, Immanuel. *Metaphysische Anfangsgründe der Tugendlehre*. Königsberg: Bey Nicolovius, 1797. X, 190 S. (на нем. яз.)

^{vi} Трактат И. Канта «Наблюдения над чувством красивого и высокого» (1766): Kant, Immanuel. *Beobachtungen über das Gefühl des Schönen und Erhabenen*. Königsberg: Kanter, 1766. 110 S. (на нем. яз.)

^{vii} Трактат И. Канта «О различных расах людей» (1775): Kant, Immanuel. *Von den verschiedenen Racen der Menschen zur Ankündigung der Vorlesungen der physischen Geographie im Sommerhalbjahre*. Königsberg, 1775. 12 S. (на нем. яз.)

^{viii} Статья в журнале И. Канта «Определение понятия человеческих рас» (1785): Kant, Immanuel. *Bestimmung des Begriffs einer Menschenrace* // *Berlinische Monatsschrift [Zeitschrift]*. 06 (November) 1785, S. 390–417. (на нем. яз.)

^{ix} Статья И. Канта в журнале «Об употреблении телеологических принципов в философии» (1788): Kant, Immanuel. *Über den Gebrauch teleologischer Prinzipien in der Philosophie* // *Wieland's deutscher Merkur [Zeitschrift]*, Januar und Februar 1788, S. 36- 52 u. 123–136. (на нем. яз.)

^x *Urtheilskraft (Urteilskraft)* (нем.) – рассудок

^{xi} *Kritik der ästhetischen Urtheilskraft* (нем.) – Критика эстетического суждения

^{xii} *Kritik der teleologischen Urtheilskraft* (нем.) – Критика телеологического суждения

^{xiii} *eo ipso* (лат) – тем самым, в силу этого

^{xiv} *ergo* (лат) – следовательно, итак

^{xv} *causae efficientes* (лат.) – производящая причина, действующая причина

^{xvi} *causae finales* (лат.) – целевая (конечная) причина

^{xvii} «Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels» – книга И. Канта «Универсальная естественная история и теория неба или попытка объяснить конституционное и механическое происхождение Вселенной на основе ньютоновских принципов», анонимно опубликованная 1755 году: *Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels oder Versuch von der Verfassung und dem mechanischen Ursprunge des ganzen Weltgebäudes nach Newtonischen Grundsätzen abgehandelt*. Königsberg und Leipzig: Petersen, 1755. 200 s. (на нем. яз.)

^{xviii} «Philosophie zoologique» – книга Ламарка «Философия зоологии» (1809) Lamarck, Jean Baptiste Pierre Antoine de Monet de. *Philosophie zoologique, ou, Exposition des considérations relative à l'histoire naturelle des animaux*. Paris: Chez Dentu [et] L'Auteur, 1809. (на фр. яз.)

^{xix} *homo noumenon*, от греч. «человек» и «ноумен» (умопостигаемая сущность) – понятие кантовской «Критики телеологического суждения», где человек рассматривается как обитатель двух миров (царств). С одной стороны, человек есть «существо, одарённое чувствами» и в этом смысле принадлежащее к одному из видов животных (*homo phaenomenon*), с другой, человек есть «существо, одарённое разумом», то есть субъект морали (*homo noumenon*)

^{xx} *quem ad finem* (лат.) – до скончания веков; до бесконечности

^{xxi} Феномальный – от «феномен» (*phaenomenon* – греч.), находящийся в мире феноменов

^{xxii} «Чтения о психологии» – издание лекций Канта с предисловием Дю Преля : Kant, Immanuel, and Karl Ludwig August Friedrich Maximilian Alfred Du Prel. *Vorlesungen über Psychologie: Mit einer Einleitung: Kants mystische Weltanschauung*. Leipzig: E. Günter, 1889. 96 p.

^{xxiii} Термин И. Канта «нумен» – то же, что ноумен (*noumenon* – греч.), умопостигаемая сущность, «вещь в себе»

УДК 1(091)+165.9
ББК 87.3(2)63+87.25

Илизаров Симон Семенович

Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом историографии и источниковедения истории науки и техники, Россия, Москва, e-mail: sinsja@mail.ru

Куприянов Виктор Александрович

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальных и когнитивных проблем науки, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Очерки по истории русской философии 50–60-х годов¹

Тимофей Иванович Райнов

Части четвертая и пятая*

Подготовка к публикации С.С. Илизарова и В.А. Куприянова

Ilizarov Simon Semenovich

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS, Advanced PhD (History), Professor, Chief Research Scientist, Head of the Department of historiography and Source study of the history of science and technology, Russia, Moscow, e-mail: sinsja@mail.ru

Kupriyanov Victor Aleksandrovich

St. Petersburg branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS, PhD (Philosophy), Research Scientist of the sector of social and cognitive problems of science, Russia, St. Petersburg, e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Sketches on the history of russian philosophy of the 50–60s.

Timofey Ivanovich Rainoff

Parts four and five

Prepared for publication by S.S. Ilizarov and V.A. Kupriyanov

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.062-074

© Илизаров С.С., Куприянов В.А., 2020

Соловьёвские исследования, 2020, вып. 4, с. 62.

¹ Публикация осуществлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00366 и проект № 20-011-00071).

* Части первая и вторая опубликованы в: Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 2(66). С. 59–68. Часть третья – Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 3(67). С. 39–47.

4. Философствование «по поводу»

Мера человеческих сил вообще невелика, а если эти силы должны работать в нескольких различных направлениях, напряжение их в каждом из последних тем слабее, чем больше таких направлений и чем они различнее. При этом волей-неволей приходится выбирать и выработать в каждом направлении способы труда, соответствующие слабому напряжению деятельной энергии. Таких способов, конечно, много, и они разнообразятся смотря по направлению работы и ее обстановке. К их числу, без сомнения, принадлежит та форма труда, при которой работающий пристраивается к делу, уже начатому и ведущемуся, и, принимая его, как остов, вносит в него частичные дополнения и поправки, как раз в меру своих слабых сил. Такой тип деятельности составляет нормальный удел членов слабо дифференцированного общества. Разрываясь между несколькими общественно-трудовыми функциями, они естественно предпочитают работать не у фундамента, а по поводу и около здания, уже введенного. В целом всегда найдутся недостатки, доступные критике и нуждающиеся в исправлении. Кроме того, сторонний человек, неучастник в построении целого, не зная его плана – готов подчинять его своим точкам зрения и намерениям, часто отличным от плана и противоречащим ему. Тут для любителей деятельности «по поводу» открывается богатейшая возможность критиковать, чинить, портить и штопать ненравящиеся им детали целого.

Наши мыслители 50–60 гг. находились как раз в положении таких «любителей», вольных и невольных. Широта и разносторонность их занятий неизбежно обрекали их этой участи. В частности, и в философии им приходилось ограничиваться мышлением «по поводу» учений и теорий, уже давно существующих, пытаясь только их дополнить, исправить или разукрасить. Время от времени случалось, впрочем, напр., с славянофилами, что вдруг кто-нибудь вознамерится разрушить в один миг все философские храмы и в три дня воздвигнуть на их месте новый, но дальше намерений дело обыкновенно не шло и неизменно кончалось возвращением к философствованию «по поводу». Эта практика осложнялась тем обстоятельством, что «поводов» для такого философствования было много, и если не все, то некоторые из них казались нашим мыслителям равно привлекательными и, во всяком случае, стоящими внимания. История философии от Фалеса до Фейербаха представляла в их глазах не мало подобных случаев. Стремясь использовать все ценные мотивы предшествующей философии, мыслители 50–60 гг. должны были выработать в себе склонность к синтезированию различных ее направлений. Эта роль «наследника всех своих родных», подводящего итог достижениям прошлого, кружила головы некоторым из них, и они преисполнялись горделивой надежды и веры в

то, что русской философии, начиная именно с них, уготована мессианская задача примирения всех философских разногласий и обретения окончательной, все разрешающей истины.

Людей, мыслящих не по поводу, а прямо от себя, размышляющих не о философских книгах, а прямо о философских предметах – в философии 50–60-х годов почти нет. В этом отношении «отцы» и «дети» сходились вполне. Вот Новицкий, излагающий свои взгляды «по поводу» истории древних философских учений, о которых он писал четыре тома исторических, растворив в этих томах несколько десятков страниц своих систематических взглядов. Вот Гогоцкий, развивающий свои воззрения посредством критики философии Канта, а позже – в алфавитном порядке философского словаря, где «по поводу» существующих взглядов находят себе место и его собственные мысли. Вот Карпов, мировоззрение которого выросло на почве изучения, перевода и комментирования творений Платона, и Юркевич, метафизика которого изложена по поводу «разума по учению Платона и опыта по учению Канта» (заглавие одного из главных сочинений Юркевича, 1866 года), а психологические взгляды увидели свет «по поводу» же одной статьи Чернышевского, разбираемой Юркевичем. Таков и Киреевский, доказывающий «необходимость и возможность новых начал для философии» посредством изложения и критики предшествующей западноевропейской философии и культуры. Так же поступает Хомяков, развивающий свою метафизику по поводу посмертных отрывков Киреевского и посредством критики Канта и Гегеля, опять таки по поводу распространения в России материализма и опять с помощью его критики. А «новые философы» – философствующие «дети» 50–60-х годов? Очень верно заметил о них тогда же Антонович, один из «детей», что «различаясь от старых философов по содержанию философствования, новые совершенно сходны с ними по форме; процесс образования и развития их убеждений тот же, что и у старых философов. Большой самостоятельности у них тоже не видно; они не выработали собственных взглядов, а получили их готовыми, только не из бесконечных рук абсолюта, как старые, а из обыкновенных философских сочинений простых смертных людей; да и с полученным они не умели справиться и не усвоили его хорошенько. Отрицание абсолютного... было настоящей бедою для наших новых философов; не признавая абсолютного, а потом и никакого значения ни за одним из философских принципов, они не принимают ни одного из них, и не придерживаются ни одной философской системы, или, лучше сказать, придерживаются всех понемножку»². Эта характеристика проницательного современника нуждается только в двух оговорках. Во-первых, она распространяется не на одного Лавро-

² См.: Антонович М. А. Два типа современных философов // Современник. 1861. Т. LXXXVI. Отд. 2. С. 364–5.

ва, который, по словам Антоновича, будто бы «только и есть один новый философ», а на всех молодых представителей философии 50–60-х гг., в том числе и на самого Антоновича. Во-вторых, в части своей, содержащей оценку мышления новых философов по существу, а не по отношению к его психологии, она грешит слишком пессимистическим преувеличением. Имея же в виду только психологию мышления, нельзя не признать Антоновича вполне правым. Действительно, напр., Лавров, о котором только и говорит Антонович, мыслил обыкновенно «по поводу». Поводом был сперва «гегелизм», при изложении и критике которого Лавров высказывал и свои взгляды. Потом им сделались некоторые новейшие сочинения по антропологии, из объединения и критики которых произошла основная для философии Лаврова статья его «Что такое антропология». Таково же происхождение и большинства других философских сочинений этого писателя. Между прочим, одна книжка Лаврова послужила поводом для выхода в свет статьи Чернышевского «Антропологический принцип в философии», а о своей философской диссертации Чернышевский сам писал в позднейшем предисловии к ее 3-му изданию, что она представляет развитие взглядов Фейербаха в приложении к эстетике. Страхов тоже развивал философию Фейербаха, а несколько раньше – Гегеля, и многие свои взгляды вырабатывал и излагал в статьях и рецензиях «по поводу» новых сочинений философского содержания. Потебня высказывал свои осторожные философские идеи, исходя из воззрений Гегеля и Гумбольдта, за которыми он во многом следовал. Троицкий вырабатывал свои взгляды, излагая и критикуя немецких и английских психологов, Владиславлева-Плотина и материалистов. Антонович, Добролюбов и Писарев поступали всегда подобным же образом, пользуясь выходом в свет текущей литературы, чтобы по ее «поводу» высказать и свои мнения.

«Поводов» у каждого мыслителя было не мало, и это побуждало их соединять, синтезировать точки зрения, вытекавшие из нескольких «поводов». Иногда эта синтетическая работа происходила на виду, а иногда мы должны считаться уже с ее готовым результатом и от него – заключать об ее характере на пути к результату. Явный характер носит синтезирование, напр., у Лаврова, который старается, на манер Гегеля, но далеко не столь успешно, включить различные учения в свою систему, представляя их, как ступени диалектически развивающейся мысли. Таким образом он пытается примирить в своей статье «Что такое антропология» материализм, спиритуализм и критицизм. Так поступают: Страхов, сочетая в своем «Мире», как целом» материализм Фейербаха, идеализм Гегеля и критицизм Канта; Юркевич, объединяя Платона и Канта; славянофилы Киреевский и Хомяков, синтезируя Канта-Гегелевскую философию с православным богословием; Новицкий, связывая последнее с некоторыми идеалистическими веяниями послекантовской философии; Гогоцкий, объ-

единая критицизм Канта и идеализм Гегеля в окраске православной мысли; Троицкий, вырабатывая из взглядов различных английских эмпиристов одно целое. Менее очевиден, но очень вероятен синтетический путь мышления у других мыслителей 50–60-х годов. Например, Чернышевский, бывший в общем последователем Фейербаха, в молодости увлекался Гегелем, следы влияния которого сохранились в его статье «Антропологический принцип в философии», где, с другой стороны, видны и отражения грубого материализма в духе Бюхнера и Молешотта. Владиславлев, следовавший главным образом за Лотце, не был чужд и влияния Канта, главный труд которого и был переведен им на русский язык.

От синтетической манеры мышления – до идеи, что таким образом мы всего ближе подходим к истине, которую и суждено нам открыть раз и навсегда, – оставался только шаг, который и сделали некоторые мыслители 50–60-х годов. Такой философский мессианизм сочетался у них с мессианизмом националистическим. Пример – славянофилы.

Обсуждая достоинство новейших завоеваний философской мысли в Германии, Киреевский писал в заключении: «я думаю, что философия Немецкая, в совокупности с тем развитием, которое она получила в последней системе Шеллинга, может служить у нас самой удобной ступенью мышления от заимствованных систем к любомудрию самостоятельному, соответствующему основным началам древне-Русской образованности и могущему подчинить раздвоенную образованность Запада цельному сознанию верующего разума»³, в нем же вся истина. Эту веру разделял и Хомяков. Расположен был к ней и Новицкий, сочувственно цитировавший мессианское пророчество Киреевского⁴. Недалеко было то время, когда и Страхов проникся теми же надеждами, вдохновлявшими его в долголетней «борьбе с Западом». И даже такие люди, как Лавров (а позже – Михайловский) не были чужды романтике философского мессианизма. Как раз на исходе 60-х годов он указывал на то, что «основы новой проповеди», именно – «наука и жизнь в их философском единстве, личность и общественность в единстве свободного взаимодействия, истина естественная и справедливость общественная в единстве человеческого убеждения, история и идеал в единстве человеческой деятельности», – могут прививаться прежде всего в России, и «русские могут быть начинателями этого движения»⁵.

³ См.: Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский И. В. Полное собрание сочинений в 2 т. Т. 1. 1911. С. 264.

⁴ См.: Новицкий О.М. Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований. Ч. I. Религия и философия древнего Востока. Киев: Университетская Типография, 1860. С. 1. С. 26 и примечание.

⁵ См.: Лавров П.Л. Философия истории славян. Статья вторая и последняя // Отечественные записки. 1870. Т. СХСІ. № 7. Отд. 1. С. 125–6 (цитируется по брошюре: Витязев П. (Седенко Ф.И.)

Господствующая в 50–60-х годах манера философствования «по поводу» – с течением времени, с развитием нашей философии, мало по малу вытеснялась из всеобщего философского обихода, уступая место более самостоятельному мышлению, причувшемуся входить прямо **in medias res** – в существо дела. Это стало возможным, главным образом, вследствие вымирания в России типа «широких натур» в философии. Суженная в своих проявлениях, мысль могла сосредоточиваться с большею силою на вопросах философии. Более высокое напряжение, которого она достигала таким образом, научало наших мыслителей думать не о книгах по поводу предметов, а о самых предметах по поводу и без повода книг. Впрочем, и по сие время это умение далеко не стоит у нас на высоте. В этом, как и во многих других отношениях, мы еще проходим курс предварительного обучения.

5. Западные влияния

Чем разбросаннее проявления мысли, тем труднее быть самостоятельным в каждом из них. И тем больший соблазн представляют разные влияния, усвоение которых, полностью или частично, заменяет труд самостоятельного мышления. Без сомнения, «влияния» неизбежны и необходимы при всякой организации труда. Но в одних случаях они служат возбудителями мысли, в других же, напротив, содействуют ее малой производительности. Как раз такова роль влияний в обстановке слабо дифференцированного труда. Уже в силу разнообразия его проявлений, сосредоточенных в одном лице, каждое из них не может быть очень продуктивным. Тут-то и являются посторонние влияния, преобразующие процесс самостоятельного размышления в более легкий и доступный процесс заимствования. Доля самостоятельности, большая или меньшая, сохраняется у мысли и в этом случае. Но она, вообще, очень невелика.

Вследствие своей слабой общественно-трудовой дифференциации, наша философская среда 50–60-х годов являлась благодарнейшей почвой для восприятия сильных философских влияний. Преобладающая их часть была, конечно, западного происхождения, да и другая часть, складывавшаяся из античных, патриотических и восточно-философских влияний, доходила до нас в западном освещении и переработке.

Говоря о склонности мыслителей 50–60-х годов к философствованию «по поводу», мы уже отметили главные влияния, испытанные ими и послужившие поводами и отправными стадиями их собственного мышления. Теперь мы по-

П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский. Петроград: О-во распростр. лит. партии социалистов-революционеров, 1917. С. 16).

* * Вписано от руки – ред.

кажем, как, в каком роде и мере они воспринимали эти влияния, и как последние отражались на попытках самостоятельного творчества наших философов. Зная их социально-психологический облик и манеру труда, мы можем сказать наперед, что к западным философским влияниям они относились более или менее «рабски», и их собственное мышление, в лучшем случае, могло представлять только вариации западных философских мотивов. Это – проклятие «широты» их натур, возмездие за крайнюю разбросанность их деятельности.

По отношению к западным влияниям, мы можем разбить наших мыслителей 60-х годов на две группы, соответственно степеням меньшей и большей самостоятельности, проявленной ими в восприятии этих влияний. В одну войдут: Новицкий, Гогоцкий, Юркевич, Киреевский и Хомяков, Троицкий, Карпов, Лавров и некоторые другие, во вторую – Чернышевский, Страхов, Потемня, Сеченов, отчасти Владиславлев. Мы видим, что эта группировка не соответствует возрастной. В одной и той же группе (первой) находим и «отцов», и некоторых «детей». Но все же «дети», образующие вторую группу, притом без участия отцов, представляют элемент, наиболее самостоятельный по отношению к западным философским влияниям. В то время, как «отцы» и некоторые «дети» первой категории более или менее точно копируют западные подлинники, сохраняя самостоятельность относительно одних из них лишь при помощи других, наиболее даровитая часть молодого поколения, составляющая вторую группу, не ограничивается простым копированием соответствующих образцов, а пытается развивать их на пути более или менее самостоятельного творчества.

Один из старейших представителей старшего поколения, Новицкий, является и самым несамостоятельным из мыслителей 50–60-х годов. Правда, не легко указать, какому образцу он следовал по преимуществу, а мы не видим оснований относить его к числу русских исследователей Фихте, как это делает Я.Н. Колубовский⁶. Вернее было бы сказать, что он добросовестно копировал немецких идеалистов и теистов первой половины XIX века, не держась никого в особенности и беря у всех понемногу, и все это пропуская сквозь контрольную призму Филаретовского катехизиса. Впрочем, он не всегда держался столь новых образцов. В его учебнике логики и психологии 40-х годов как бы воскрешена самая дряхлая логическая и психологическая схоластика, которая была бы способна утратить тени Гегеля, Шеллинга и Фихте и даже – Шлейермахера, Ульрица, Фихте-младшего, Вейссе и других теистов первой половины XIX века, вдохновлявших, все понемногу, позднейшую деятельность Новицкого. Примером его отношения к своим западным вдохновителям могла бы служить, например, следующая мысль: «Человеческая душа отличается о души

⁶ См.: Kolubowsky J. Die Philosophie in Russland // Zeitschrift f. Philosophie und philosophische Kritik. 1894. Band. 104. S. 225.

животной и растительной самим происхождением своим. Эти последние суть развитие земной природы, а человеческая душа или дух происхождения божественного»⁷. Так отразилась в ортодоксально-богословской мысли Новицкого идея Шеллинга об естественном развитии сознания из недр бессознательной природы! А вот как воспринял он Гегеля: «Сначала... противоположности мысли и бытия, знания и веры и пр. предстают пред наше сознание все вдруг, в общности ли своей, или в раздельности; затем по мере углубления в них, выступает их единство и согласие, но все в частных и отдельных пунктах, сменяющихся одни другими; наконец, все противоположности бытия и мысли должны сойтись перед философствующим сознанием к высшему их единству, к сознательному их примирению»⁸. Тут и феноменология духа Гегеля, и диалектический метод его логики, и соответствующая конструкция истории мысли в его лекциях по чистой философии. Все это использовано *ad majorem Dei gloriam* по образцу, введенному в религиозно-философский обиход гегельянствующими теистами первой половины XIX в.

В общем так же, хотя иногда самостоятельнее, относятся к западным влияниям и другие представители первой группы мыслителей 50–60-х годов. Так, Карпов следует за очень элементарно понятым Кантом, утверждая, что мышление есть деятельность априорная, присущая душе, как таковой, и исправляет его с помощью Локка, говоря, что мышление питается и из источника чувств: соединение того и другого является, в его глазах, синтезом идеализма и эмпиризма. Восприняв мысль Платона о том, что мы стремимся к познанию «одной, всеобъемлющей, все проникающей и нераздельной истины» идеально-го порядка, Карпов соединяет ее с мыслью Канта о том, что эта истина является для нас «идеями», к которой наше мышление должно восходить в бесконечном прогрессе. Но тут же заметно и влияние Гегеля, – в утверждении, что бесконечность этого рода и есть бурная бесконечность, несоизмеримая с «вечной гармонией вселенной». И все увенчивается платоновско-теистическим мотивом: «Человеческое мышление... никогда не делается формой бесформенных мыслей Божиих, ... хотя, возбуждаемое самою же истиною, всегда будет стремиться к ней и в многообразных сочетаниях знаний угадывать отражение неисследимой Божьей премудрости»⁹. Гогоцкий, оставаясь верным тому же «мотиву», берет у Канта идею о критике разума, его учение о различии рассудка и

⁷ См.: Новицкий О.М. Краткое руководство к логике с предварительным очерком психологии. Киев: Университетская Типография, 1844. С. 4.

⁸ См.: Новицкий О.М. Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований. Ч. I. Религия и философия древнего Востока. Киев: Университетская Типография, 1860. С. 1. С. 38.

⁹ См.: Карпов В.Н. Систематическое изложение логики. СПб.: Типография Якова Трея, 1856. С. 73–74, 79–80.

разума, теорию «идей» и понятие об автономности нравственного сознания, и все это дополняет мыслью Фихте о действительности свободно-нравственного миропорядка, который он рисует себе затем, по Гегелю¹⁰, как разумно-целесообразную организацию явлений, «проникнутых разумом», и «разума, выраженного «в самих предметах, в стройном возвышении их от низшей ступени жизни до самой высшей...»¹¹. Критикуя учение Канта об опыте в свете Платонова учения о разуме, и Юркевич приходит к их синтезу – такого рода: «Учение Канта об опыте... есть открытие и блестящее развитие одной безусловной метафизической истины, именно, что разум, перерабатывающий данные чувственности по своим идеям, может признавать и познавать только явления вещей. Но когда – таково было учение Платона – сознательный рефлекс подвергает критике эти явления вещей и ищет таким образом того, что могло бы быть удержано чистым разумом, как его предмет; то отсюда происходит познание самой сущности вещей»¹². В этом и заключается одна половина метафизики Юркевича. Другая сложилась под влиянием Лейбница и состоит в убеждении, что «идея понимается нами, как разумная и единичная сущности вещи»¹³, поэтому, мир является, по Юркевичу, как и по Лейбницу, универсальной организацией метафизических единиц («монады» Лейбница). Киреевский и Хомяков сочетают воедино Канта, Гегеля и Шеллинга последнего периода с национально-православной мистикой, и отсюда получают их «новые начала для философии». Не будучи ни в каком отношении действительно «новыми», они кажутся таковыми, во первых, вследствие убеждения их авторов в их новизне; затем, ввиду их крайней суммарности и расплывчатости, в которой стираются определенные очертания их образцов, давая тем впечатление чего то нового, а на самом деле – неопределенного; и наконец – под влиянием их литературного и страстного изложения и некоторых, придуманных славянофилами выражений, вроде «цельное мышление» и т.п. В действительности, славянофилы зависят от своих западных учителей гораздо больше, чем, например, Гогоцкий и Юркевич, имевшие, однако, скромность и такт не объявлять своих подновленных взглядов «новыми началами для философии». Даже примесь восточно-православной мистики к основному западному «корпусу» их мировоззрения не носила самостоятельного характера, так как это было предвосхищено уже «положительной философией» Шеллинга, не имевшего, правда, ввиду ка-

¹⁰ Хотя и ссылается только на Канта, которому приписывает мысли гегельянского оттенка.

¹¹ См.: Гогоцкий С.С. Критический взгляд на философию Канта. Киев: Типография И. Вальнера. 1847. С. 33–44. С. 50 и след.

¹² См.: Юркевич П.Д. Разум по учению Платона и опыт по учению Канта // Московские Университетские известия. 1865. № 5. М.: в Университетской типографии, 1866. С. 385.

¹³ См.: Юркевич П.Д. Идея // Журнал министерства народного просвещения. 1859. Ч. CIV. Отд. II. С. 123. (Отд. оттиск, С. 72) (Точная ссылка на ЖМНП восстановлена. – прим. ред.)

техизиса Филарета, но достаточно близкого к нему с своим реставрированным католицизмом. Неоригинальный характер славянофильского мирозерцания особенно ярко сказался в манере изложения славянофилов: здесь все действительно философское, исчерпывается изложением чужих взглядов с выражением одобрения или порицания, а «положительная» сторона ограничивается мечтательно-поэтическими пожеланиями и вещаниями, из которых, может быть и можно построить философию (как и пытались сделать современные славянофилы), но в которых ее нет: философия требует метода, доказательств и содержания, а не красноречивых декретов о том, что угодно тому или другому литератору, чем как раз злоупотребляют славянофилы.

Близок к славянофилам, по своему отношению к западным влияниям, и Троицкий. Он, правда, считал философию Фихте, Шеллинга и Гегеля «патентованной чепухой» и находил спасительным только английский эмпиризм, которого, как тоже своего рода «патентованной чепухи», не признавали за истину славянофилы: но к английским эмпиристам они относятся так же подчиненно, как славянофилы к немецким идеалистам, – с той только разницею, что обнаружил эту подчиненность со всею добросовестностью трудолюбивого «семинариста» и никогда не выдавал своих заимствованных взглядов за «новые начала». Цитировать Троицкого, по его главному сочинению 60-х годов, невозможно: он согласен в самом существенном со всеми английскими эмпиристами, которых излагает, поправляя иногда одного с помощью другого. – Нескольким независимее Троицкого – Лавров, этот странный ум, призвание которого так и не определилось в течение 40 с лишним лет его деятельности. В его мировоззрении скрестилось множество влияний, друг другу противоречащих и одни другие обессиливающих. Тут и Декарт, и Кант, и английский эмпиризм, и Гегель, и Фейербах, и Конт и многие другие. В 60-х годах он шел от гегельянства к позитивизму и кончил «антропологизмом», – философией не столь определенной, сколь вместительной: она соединяет требования гегельянства с методами позитивизма, не выполняя первых и не применяя на деле вторых. Даже в своих частностях она представляется если и не эклектизмом, как выразился еще в 60-х гг. критик Лаврова, Антонович, то очень неоригинальной. Кое-что новое встречается только в некоторых этических взглядах Лаврова. Постольку он подходил бы отчасти и к группе мыслителей, относительно более независимых от западных философских влияний.

Эта немногочисленная группа почти вся состояла из очень талантливых людей, оставивших заметных след и в других областях культуры, кроме философии. Экономические заслуги Чернышевского, филологические – Потемни, физиологические – Сеченова общепризнанны. Вероятно эта талантливость и

дала им возможность сохранить некоторую умственную самостоятельность в философии.

Верный последователь Фейербаха, Чернышевский не ограничился, однако, легким пересказыванием идей немецкого философа. Он делал и это, – таково содержание его «Антропологического принципа в философии», столько нашумевшего в свое время. Но он сделал нечто большее: приняв за основу философию Фейербаха, Чернышевский попытался развить ее принципы в специальной области эстетики, чего сам Фейербах не сделал. Эту работу¹⁴ Чернышевский выполнил образцово и очень самостоятельно. Степень его самостоятельности хорошо иллюстрируется методом, примененным им при этом. Он мог бы ограничиться простой дедукцией эстетики из принципов Фейербаха, – делом совершенно ученическим. Вместо того, Чернышевский предпринял конкретный анализ эстетического материала, обнаружив большое умение разбираться в нем и освещать его в духе Фейербаха. Это более трудный путь, требующий не только логической последовательности, но и некоторой инициативы мышления, всегда предполагающей его независимость.

Читая этот труд Чернышевского, и по сие время чувствуешь умственную радость, сопровождающую обычно раскрытие, расширение духовного горизонта. – Того же типа и мышление другого последователя Фейербаха, Страхова. Фейербах не был единственным его вдохновителем: тут еще Кант и Гегель, но влияние Фейербаха доминировало. Страхов, подобно Чернышевскому, не ограничился переложением идей Фейербаха, а применил и самостоятельно развил их на обширном материале естествознания, с которым он был превосходно знаком. Результатом этого явился ряд статей 1858–66 гг., собранных затем вместе и отпечатанных в 1872 году в виде книги: «Мир, как целое». Это одна из лучших русских книг по философии. Мастерское изложение, живость и остроумие мысли состязаются в ней с богатым знанием фактов и умением осветить их ярко с самой неожиданной и оригинальной стороны. Страхов не боится самых непопулярных по тому времени выводов. Его защита центрального положения человека во вселенной, доказательство того, что в мире нет и не может быть ничего выше и совершеннее человека, анализ строения органических существ, критика атомизма и материализма – все это изобилует множеством новых мыслей, остроумных сближений и сопоставлений. Недостатком книги, отчасти объясняемым разновременностью ее частей, является некоторая шаткость и валкость основных взглядов Страхова. Но и это как-то странно красит

¹⁴ См.: Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в X т. Т. X. Ч. II. Отдельные статьи (1849–1863). Статьи последнего времени (1885–1889). СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1906.: С. 84–164. (Библиографическое описание восстановлено. – прим. ред.).

ее, часто меняя ее перспективы и распределение в них света и теней. В этом чувствуется биение живой мысли, ищущей самостоятельных путей, хотя и сбивающейся с такта ввиду новизны дела. Впоследствии Страхов как бы закоренел в состоянии неустойчивого равновесия идей, сбивавшемся почти на беспринципность, и это было уродливым «инфантилизмом» его зрелых лет. Но в молодости, с ее нормальным «инфантилизмом», это было хорошей чертой, потому что обнаруживало относительную несвязанность мысли. – Еще с большею независимостью относился к своим западным учителям Потебня, человек огромных дарований и превосходно дисциплинированного ума. Следуя в философии за Кантом и Гумбольдтом (а через него и за Гегелем), а также за Лотце, Потебня был очень осторожен в своих заимствованиях и старался ограничить их лишь тем, что казалось ему строго необходимым для его научных исследований¹⁵. Уже это обнаруживает в нем ум независимый. Но, конечно, всего ярче сказалась у него эта независимость в умении, исходя из взглядов своих учителей, применить их к новым фактическим данным и развить из них следствия, сами по себе не очевидные. Этими качествами в высокой степени отличается труд молодости Потебни, его классическая книга «Мысль и язык» (1862 г.). Лишенный правильного философского образования, каким обладали Чернышевский, Страхов и Потебня, знаменитый физиолог Сеченов был больше их подвержен западно-европейским философским влияниям материалистического направления, которые, выдавая себя за последнее слово естествознания, много говорили сердцу нашего натуралиста. Но от рабского усвоения вульгарного материализма Сеченова выручил его крупный талант первоклассного ученого. Там, где иной на его месте ограничился бы слепым повторением, кстати и некстати, материалистической догмы (явление, нередкое между натуралистами, особенно в 50–60-х годах), Сеченов увидел вопрос нервной физиологии человека, который можно поставить на научную почву, и отсюда возникла его известная книга «Рефлексы головного мозга»; ставшая в 60–70-х годах «катехизисом материализма» в России. Некритически воспринятая материалистическая догма переработалась у него в научную проблему постановка и разрешение которой потребовали от него самостоятельных усилий мысли, считающейся уже не с догмой, а с существом дела. – Наряду с Чернышевским, Страховым, Потебней и Сеченовым мы называли выше Владиславлева, как обладавшего, отчасти, независимостью от своих западных учителей. Это требует оговорки.

В своей книге «Современные направления в науке о душе» (1866) Владиславлев проявил себя только, как хороший ученик своих западных учителей, особенно – Лотце. Зато в позднейшей книге о Плотине, вышедшей в конце 60-х

¹⁵ См.: Потебня А. А. Мысль и язык. Харьков: Тип-фия. «Мирный труд», 1913. С. 32–35.

годов, он обнаружил больше самостоятельности, дав вполне зрелое и независимое изложение и анализ этого представителя александрийского неоплатонизма. Свое умение мыслить независимо он доказал, впрочем, больше в своей двухтомной «Психологии», напечатанной в начале 80-х годов, но в основе своей восходящей еще к 60-м годам. Здесь Владиславлев является мастером психологического анализа и описания, умеющим самостоятельно всматриваться в факты. Кроме того, он выступил в этом сочинении с гипотезой распространения закона Вебера-Фехнера не только на связь между физиологическими раздражениями и психическими ощущениями, но и на отношения между чисто-психическими возбудителями и вызываемыми ими психическими реакциями. О ценности этой мысли можно быть разного мнения, но она представляет несомненное доказательство способности Владиславлева продолжать, а не только копировать идеи таких своих учителей, как Фехнер.

Если уже мыслители 50–60-х гг., несмотря на трудности, вытекавшие из особенностей их социологического типа, умели проявить некоторую независимость по отношению к западным влияниям, то можно ожидать, что с рождением нового типа деятелей, более специализированных и способных к большему сосредоточению мысли на философских вопросах, эта относительная независимость мышления от влияний должна была все возрасти и крепнуть. История русской философии последующих десятилетий, вплоть до нашего, могла бы подтвердить это ожидание, показав в то же время, что «дух рабского, слепого подражания» далеко не исчез и в наши дни, так что, развивая дальше положительные стороны мышления шестидесятников в философии, мы не сумели еще отделаться от этого его недостатка.

К 150-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ И.И. ЛАПШИНА, Н.О. ЛОССКОГО, П.Б. СТРУВЕ

УДК 14(2)
ББК 87.3(2)61-07

Ермичев Александр Александрович

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии
Русская христианская гуманитарная академия, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: 7723516@gmail.com

И.И. Лапшин и Н.О. Лосский в журнале «Der Russische Gedanke»

Предлагаемые материалы подготовлены к 150-летию юбилею выдающихся русских философов-идеалиста-критициста И.И. Лапшина и религиозного метафизика-интуитивиста Н.О. Лосского. Материалы раскрывают малоизвестный эпизод освещения их творчества в журнале Der russische Gedanke, выходившем в Чехословакии в 1929–1931 годах. Они открываются вступительной заметкой о журнале и его основателе и редакторе Б.В. Яковенко. Подчеркивается преемственность замысла Б.В. Яковенко с главной идеей «Логоса» – «международного журнала по философии культуры». Другая часть материалов – это небольшие статьи Б.В. Яковенко, написанные в 1930 г. к 60-летию И.И. Лапшина и Н.О. Лосского. Третья, самая большая часть, представляет собой собрание четырех рецензий на книги Н.О. Лосского, вышедших в европейских издательствах, и четырех рецензий самого Н.О. Лосского на работы своих коллег. Их содержание хорошо иллюстрирует уважительный характер профессиональных отношений у русских философов.

Ключевые слова: русское зарубежье, русская философия, идеал-реализм Н.О. Лосского, критицизм И.И. Лапшина, свобода воли, органическая логика, философия Н.А. Бердяева, московский реализм, англология С.М. Булгакова, семинарий по Ф.М. Достоевскому

Ermichev Aleksandr Aleksandrovich

Advanced PhD (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy
of the Russian Christian Academy of the Humanities, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: ozo.rchga@gmail.com

I.I. Lapshin and N.O. Lossky in the journal «Der Russische Gedanke»

The materials here proposed have been prepared for the 150th birth anniversary of the of two outstanding Russian philosophers: the idealist and criticist I.I. Lapshin and the religious metaphysician and intuitionist N.O. Lossky. The materials reveal a little-known episode of reception of their work in the magazine “Der russische Gedanke”, published in Czechoslovakia between 1929 and 1931. The first piece is an introductory note about the journal Der russische Gedanke and its founder and editor, B.V. Yakovenko. The author emphasizes the continuity of B.V. Yakovenko's thought with the main idea

of "Logos – International Journal of Cultural Philosophy". Another part of the materials are a number of articles by B.V. Yakovenko, written in 1930 for the 60th birth anniversary of I.I. Lapshin and N.O. Lossky. The third and largest part of this work is a collection of four book reviews written by N.O. Lossky and published in European publishing houses, and four reviews written again by N.O. Lossky on the work of his colleagues. Their content shows the respectful nature of the professional relationship between the Russian philosophers.

Key word: Russian abroad, Russian philosophy, N.O. Lossky's ideal-realism, I. I. Lapshin's criticism, freedom of will, organic logic, N. A. Berdyaev's philosophy, Moscow realism, S. M. Bulgakov's Angelology, F. M. Dostoevsky's Seminary

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.075-093

Журнал *Der russische Gedanke* выходил в Германии в издательстве Фридриха Когена в Бонне в 1929/1930 и 1930/1931 годах, когда появились три его первых тома, а в следующем году – еще два. Кроме того, к вышедшим книгам дополнительно было издано еще шесть, посвященных различным философским и историко-философским сюжетам.

Основателем и редактором журнала был Борис Валентинович Яковенко, известный ранее как один из организаторов и активных авторов русской версии «международного журнала по философии культуры» «Логос». Ясно, что появление «Логоса» в 1910 г. сделало более интенсивным диалог между русским религиозным онтологизмом и европейской научно-идеалистической мыслью. Для России это принесло превосходные философские результаты в виде «Предмета знания» (1915 г.) С.Л. Франка, «Философии Гегеля как учения о конкретности Бога и человека» (1918 г.) И.А. Ильина, «Этики Фихте» (1914 г.) Б.П. Вышеславцева и др. Б.В. Яковенко был одним из самых активных участников этого диалога.

Но в 1913 г. он был вынужден покинуть Россию, а в следующем году начавшаяся война прервала издание русского «Логоса».

После Октябрьской революции теперь уже большинство русских философов оказались за рубежом и в их числе полный состав редакции «Логоса». Естественно, родилась идея возобновления журнала, тем более что диалог «научников» и «религиозников» в ходе прокатившихся войн и революций стал более острым и актуальным и не мог быть разрешен сейчас и сразу. Первая книга возобновленного «Логоса» под редакцией С.И. Гессена, Ф.А. Степуна и Б.В. Яковенко появилась в Праге в 1925 г. Или из-за финансовых трудностей, или из-за разногласий внутри редакции издание прекратилось на первой книге.

Но Б.В. Яковенко не отказался от идеи международного журнала, открытого для представителей культуры всех направлений с разными, даже противоположными взглядами. Он полагал, что такой журнал, имея в виду огромное значение русской революции и новой, Советской России в современном мире, мог бы стать «европейской трибуной русской мысли». Идея «Логоса» была сменена идеей *Der russische Gedanke. Internationale Zeitschrift für russische Phi-*

osophie, Literaturgeschichte und Kultur. Большая часть помещенных в его номерах статей печаталась по-немецки, а некоторые из них – на других европейских языках, родных для авторов (английском, итальянском, французском).

Хотя в *Der russische Gedanke* печатались Н.А. Бердяев, С.И. Гессен, В.В. Зеньковский, Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, Ф.А. Степун, Д.И. Чижевский и др., это не сделало его востребованным ни у европейцев (которым более интересна была победившая Советская Россия), ни у представителей русской эмиграции (все работы названных авторов, быть может за исключением их рецензий, ранее были опубликованы в русских и зарубежных изданиях). Специфические условия эмигрантского существования не были благоприятны для достижения той высокой цели, которая была намечена инициатором. Какую-то роль могли сыграть особенности характера Яковенко. Странно, что, прожив за границей почти сорок лет, отличаясь огромной работоспособностью, он почему-то только один раз выступил в Философском обществе в Праге и опубликовал только одну статью в одном из многочисленных научных, литературных и философских журналов русского зарубежья 20–30-х годов XX века.

Der russische Gedanke вспоминается сейчас в связи со 150-летними юбилеями двух русских мыслителей – И.И. Лапшина и Н.О. Лосского. В 1930 году, как раз когда выходило новое издание Б.В. Яковенко, двум русским пражанам – И.И. Лапшину в октябре и Н.О. Лосскому в ноябре – исполнялось шестьдесят лет. Общественность отметила их юбилеи. 15 декабря известный ученый-психиатр Н.Е. Осипов на заседании Философского общества прочитал доклад «Лапшин и Лосский», и соединение их имен было понятно всем, кто помнил петербургский университет и кафедру А.И. Введенского, на которой вместе работали критик И.И. Лапшин, отвергавший метафизику, и создатель интуитивистского идеал-реализма метафизик Н.О. Лосский. Через несколько дней в Чешско-русском объединении Славянского института состоялось чествование двух юбиляров с речами чеха Йозефа Поливки и русского Е.А. Ляцкого.

А что же *Der russische Gedanke*? В первом томе 1930/1931 года издания Б.В. Яковенко напечатал статью «Пять юбилеев», далее в скобках пояснив, чьи именно юбилеи он имеет в виду: это – П.И. Милюкова, П. Струве, Т.Г. Масарика, Д. Рязанова, И. Лапшина.¹ Здесь почему-то нет имени еще одного юбиляра – Н.О. Лосского. Но уже в следующей, второй книге журнала Б.В. Яковенко пишет статью «Шестидесятилетний юбилей Н.О. Лосского»² (часть ее предлагается читателю ниже), а в 1932 году в качестве дополнительного тома к *Der russische Gedanke* появился том, посвященный Н.О. Лосскому³. В нем приняли участие и европейские авторы (итальянец А. Алиотти, немец Г. Дриш, поляк В. Люто-славский и др.), и русские эмигранты (С. Франк, А. Штейнберг, Е. Спектор-

¹ См.: В. Jakowenko. Funf Jubilaen (P. Miljukow, P. Struwe, Th. G. Masaryk, D. Rjasanow, I. Lapschin) // *Der russische Gedanke*. 1930/1931, 1. Heft. S. 96–101.

² См.: В. Jakowenko. Das 60 jährige Jubiläum N.O. Losskij's // *Der Russische Gedanke*. 1930/1931, 2. Heft. S. 206–209.

³ См.: Festschrift N.O. Losski zum 60. Geburtstage. Verlag von Fridrich Cohen in Bonn 1932. S.179.

ский, В. Сеземан, сам Б.В. Яковенко). Собственно, в *Der russische Gedanke* было опубликовано шесть работ Н.О. Лосского, в их числе статьи «Умозрение как метод философии» (ранее напечатана в пражском номере «Логоса»), «Принцип полноты бытия» (из первой книги «Научных трудов Русского Народного университета в Праге» за 1928 г.) и «Мифическое и современное научное мышление» (из 14-й книжки бердяевского «Пути» за 1928 г.).

И.И. Лапшин – другое. Отдельным сборником отмечен он не был. В статье «Пять юбилеев» Б.В. Яковенко дал о нем маленькую справку, возмещая ее невыразительность пространной библиографией философа, быть может первой в жизни Ивана Ивановича. Здесь же была размещена его фотография. В *Der russische Gedanke* на немецком языке появились три его статьи, ранее напечатанные в русских изданиях: «Опровержение солипсизма», «Достоевский и Паскаль», «О философии Карела Воровки».

О журнале Б.В. Яковенко имеется содержательная статья Н. Плотникова «Европейская трибуна русской философии»⁴ в колеровских «Исследованиях по истории русской мысли» за 1999 г. Статья хороша еще и тем, что к ней приложена роспись содержания журнала и дополнительных к нему томов. Можно напомнить, что программные редакционные статьи *Der russische Gedanke*⁵ переведены на русский язык и опубликованы в сборнике «Борис Валентинович Яковенко», вышедшем в 2012 г. в серии «Философия России первой половины XX в.» Публикатор предлагает читателю фрагменты двух статей Б.В. Яковенко. Первый фрагмент – справка об И.И. Лапшине – выбран из статьи «Пять юбилеев. П. Милюков, П. Струве, Г. Масарик, Д. Рязанов, И Лапшин» (*Der russische Gedanke* № 1 за 1929/1930 г.⁶, второй фрагмент – из статьи Б.В. Яковенко «Шестидесятилетний юбилей Н.О. Лосского» (*Der russische Gedanke* № 2 за 1930/1931 г.⁷). Интересны рецензии В. Янкелевича, Б.В. Яковенко, С.И. Гессена, Э. Хармса на книги Н.О. Лосского, вышедшие ко времени юбилея, и, наконец, рецензии самого Н.О. Лосского.

Переводы немецких текстов принадлежат А.А. Ермичеву. Перевод рецензии М. Янкелевича с французского сделан А.А. Златопольской и Н.М. Сперанской.

⁴ См.: Н. Плотников. Европейская трибуна русской философии: *Der russische Gedanke* (1929-1938) // Исследования по истории русской мысли: ежегодник за 1999 г. / под ред. М.А. Колерова. М.: ОГИ, 1999. С. 331–358.

⁵ См.: Яковенко Б.В. «... Современная эпоха развивается и протекает под знаком русского духа» / вступ.статья Б.В. Яковенко к трем номерам журнала *Der russische Gedanke* // Борис Валентинович Яковенко / под ред. А.А. Ермичева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 199–209.

⁶ При переводе снята библиография И.И. Лапшина.

⁷ Здесь тоже сняты биографическая и библиографическая разделы статьи.

Б.В. ЯКОВЕНКО**ИВАН ИВАНОВИЧ ЛАПШИН**

Двадцать четвертого октября замечательный русский философ Иван Иванович Лапшин празднует свой 60-летний юбилей. Сегодня он является неоспоримо выдающимся русским представителем кантианства, или, точнее, имманентного субъективного критицизма. Идею, близкую его философскому кредо, читатель может почерпнуть в статье этого философа, появившейся в этой тетради. До 1922 г. в Петербургском (Петроградско-Ленинградском) университете он занимал философскую кафедру вместе с его учителем А.И. Введенским. В 1922 г., высланный Советским правительством как «вредный философ», он прибыл по приглашению чехословацкого правительства в Прагу, где сначала был доцентом русского юридического факультета, а позднее время от времени вел занятия философского содержания в Русском народном университете, посвятив себя плодотворной литературной деятельности. Главными его произведениями являются следующие: «Законы мышления и формы познания» (1906 г.), где он подробно и основательно развивает теорию, согласно которой все элементы человеческого познания действительны и эффективны только в тесной связи друг с другом и в теоретико-познавательном плане никакого ощущения, предшествующего формам познания, не существует, равно как вообще не существует докатегориальной данности вещей (за эту работу, главные положения которой появились в «Кантовских исследованиях» в 1909 г., ему была присуждена высшая русская ученая степень доктора философии); «Проблема чужого Я в новой философии» (1911 г.); «Опровержение солипсизма» в «Ученых записках» (Прага, 1923. 1); «Философия изобретения и изобретение философии» (1924 г., Прага) – своеобразное введение в историю философии, оперирующее философским и психологическим анализом процесса изобретения в положительных науках, в технике и в философии с использованием совершенно исключительного, необыкновенно богатого фактического материала. Помимо того, Лапшин опубликовал много других – частью систематических, а частью историко-философских статей и работ⁸.

Юбиляром написано множество статей философского содержания для большого русского словаря Брокгауза и Эфрона. Среди них – статьи «Авенариус», «Беме», «Бергсон», «Эгоизм», «Эмпиризм», «Фулье», «Куно Фишер», «Фихте», «Шопенгауэр», «Солипсизм», «Спенсер», «Шпир».

Другие библиографические сведения нужно смотреть в приложении к его русскому произведению «Философия творчества и творчество в философии» (Прага, 1924).

⁸ Далее в статье идет библиография И.И. Лапшина, включающая сорок названий.

Он – сотрудник «Коллегии русских ученых» в Праге, «Русского философского общества», Пражского «Славянского института» и недавно основанного общества Достоевского.

Der russische Gedanke. 1930/1931. № 1. С. 101–102.

Б.В. ЯКОВЕНКО

К 60-ЛЕТИЮ НИКОЛАЯ ОНУФРИЕВИЧА ЛОССКОГО

Н.О. Лосский как мыслитель оригинален. На основе различных направлений – большей частью немецких, означенных именами Фолькельта, Липпса, Гуссерля, Шuppe, Бергсона, но продолжая при этом некоторые основные положения русских мыслителей, таких как Козлов, Страхов, Соловьев, С. Трубецкой, ему удалось создать собственное философское учение, которое он гносеологически описывает как интуитивизм, а метафизически – как идеал-реализм. Этот идеал-реалистический интуитивизм сводится к следующим главным положениям: в познании обнаруживается две принципиально различные стороны – субъективная (временная психическая) и объективная (предметная или идеальная), причем философскую значимость имеет только рассмотрение этой последней. Предмет познания наличествует в акте познания как таковой, то есть в оригинале. Он не трансцендентен процессу познания. Суждение как обычная главная форма познания является всегда сравнением и само есть только акт дифференциации.

Истина определяется не соответствием с действительностью, а присутствием последней в самом познании. Процесс познания по своей природе прогрессивен и бесконечен. Теория познания может признаваться только в ее пропедевтическом значении: она подготавливает онтологию и стремится очистить и расширить дорогу для разработки и решения центральной философской проблемы бытия. Любая вещь, любой процесс в мире, помимо своего реального существования, обладает еще идеальным значением, которое изначально существенно образует его основу, делая его вообще возможным и придавая ему смысл. Идеи являются действительными категориями и регуляторами реального мира, реально происходящего. Они дают миру единство и делают из существующего органическое целое. Поскольку весь мир схвачен как отношение, что придает ему характер одной единственной системы, то это предполагает единство в образовании мира, а, следовательно, также единую субстанцию его. С другой стороны, дополнением аспекта целостности мира служат многообразие субстанционных агентов, которые между собой состоят в отношениях

непримиримой противоположности. Так, в одном отношении мир может быть очень хаотичным, тем не менее в другом отношении имеются связи, говорящие об их соответствии разумности, логосу. Однако высшая субстанция не является последним основанием мира, потому что другие субстанции не порождены ею: поскольку речь идет об их существовании, они являются точно так же беспричинны и независимы, как и она; только когда речь идет об их демонстрации и деятельности, они лишь частичным образом зависят от высшей субстанции. Отношения, которые существуют между высшей субстанцией и другими, в известной мере похожи на отношения, которые существуют между обществом и индивидуумом. Правильная разработка органического мировоззрения с необходимостью приводит к признанию надорганического принципа, абсолюта, который и содержит в себе самом все системы по ту сторону, и возвышается над законами тождества, противоречия и исключенного третьего. Но закон противоречия не нарушен в абсолюте, а просто не может быть применен к нему. Абсолют является творцом множества субстанций, которые в силу своей свободы, то есть свободы волеизъявления, то есть по своей собственной инициативе, могут посвятить все силы своей жизни своему творческому источнику, то есть абсолюту, или, используя религиозные термины, «жизни в Боге». Из этого возникает царство космоса, которое характеризуется высшим единством и современной гармонией; в то время как все его участники переживают жизнь своего единого центра, они живут тогда же не только в нем и для него, но также в себе и для себя. Это есть не абстрактный, а конкретный идеал единства. Это царство гармонии является истинно Божьим царством, и многообразие в нем возможно через идеальную различность его участников, то есть посредством индивидуализирующих противоположностей, далеких от раздора и связанной с ним вражды; в нем нет ни эгоистической изолированности, ни взаимной отрешенности, а, напротив, каждая часть этого царства существует для целого, а целое для каждой отдельной части.

Н.О. Лосский сейчас находится на пике своего духовного развития и философского творчества. До сих пор в отдельных статьях и работах почти во всех областях философии ему удается проводить свой принципиально интуитивистский тезис. Совсем недавно он опубликовал новое принципиального значения философское сочинение, которое, учитывая современное состояние философской мысли, рекомендуется к немецкому переводу. Другие произведения Лосского или находятся в печати, или ждут своего издания. Мы пожелаем Лосскому еще многие годы такой же продуктивной работы и просим его со временем и нам предоставить общее изображение своей системы в отдельных статьях.

Рецензии В. Янкелевича, Б. Яковенко, С. Гессена и Э. Хармса на четыре книги Н.О. Лосского

1. Владимир Янкелевич. N. Losski. L'Intuition la Matiere et la Vie (Paris: Alcan, 1928. 180 p.)

В этой книге г. Лосский собрал для перевода три эссе, которые могут дать французской публике представление об основных идеях его философской системы. Первое эссе, наиболее яркое, «Эскиз интуитивистской теории познания», служило введением в «Логику». Именно в этой статье г. Лосский яснее всего представляет свою теорию познания, эскиз которой он уже набросал для читателей «Ревю философий» (январский выпуск 1928 г.) и которой Французское философское общество посвятило дискуссию в этом же году.

Мы не будем здесь детально излагать эти идеи, они возникли не вчера, и автор неустанно и искусно развивает их на протяжении многих лет (см. «Обоснование интуитивизма», 1906). Попытаемся только разглядеть то, что французская мысль, глубоко перепаханная бергсонизмом, может найти в них близкого и ценного для себя. Именно в своей негативной части гносеология Лосского покажется во Франции оригинальной и ясной.

То, что, по Лосскому, умножает трудности, – это идея, порожденная картезианским дуализмом, что между объектом и субъектом существует каузальная и *транзитивная* связь; это то, что современные неврологи подразумевают, когда говорят об афферентном или эфферентном импульсе, как если бы восприятие, например, являлось точным усвоением внешнего мира в сознании. И автор без труда показывает, что субстанциализм, столь грубый и столь мало вразумительный, неизбежно ведет к релятивизму, а затем к скептицизму. Поскольку восприятие понимается как транзитивное действие и при этом нельзя допустить (как это показало, начиная с XVII века, различение первичных и вторичных качеств), что объективная реальность в неизменном виде помещается прямо внутрь субъекта, мы будем трактовать восприятие как изначальное искажение; нервная система будет рассматриваться не только как «орган», который связывает нас с внешним миром, но также как деформирующая среда, которая нас от него изолирует. Кантианский априоризм, таким образом, дает прочную основу перцепционизму, и знание, питаемое чувственностью, которая искажает то, что она передает, становится непоправимо опосредованным.

Г. Лосский, напротив, показывает, в согласии со здравым смыслом, что внешний объект («трансубъективный») и объект, воспринимаемый субъектом (имманентный), непосредственно совпадают. Все нерешаемые апории, которые связаны с проблемой «взаимодействия субстанций», отношения души и тела, происходят от того, что, в силу стойкого предрассудка, объект трактуется как транзитивная причина, которая вызывает в уме более или менее измененное

отражение, более или менее верные «следы». Отношение субъекта и объекта, или, как говорит Лосский, *гносеологическая координация*, представляет собой нечто совершенно специфическое и оригинальное. Это – созерцание, говорит он иногда, чтобы заставить понять, что речь не идет о каузальной «субординации» ни в пользу объекта, ни в пользу «я». Объект находится в пространстве, и там, именно там субъект его познает, он одновременно и непосредственно находится в сознании; я сравнил бы это со светом, который светит и тем самым освещает то, что его окружает, при этом оставаясь самим собой и не проникая в окружающие вещи, ἐνέρουσα, как сказал бы Аристотель. Свет находится одновременно в пламени, откуда он проистекает, и в комнате, которую он освещает. Таким образом, гносеологическая координация сама по себе выше пространства и времени. Воспринимаемый объект есть *аутентичный* объект, оригинал; в мозге находится не копия, хотя, конечно, и не сам материальный объект. Мы ведь знаем, что можно познавать и отсутствующие объекты. Только чудо непосредственной интуиции реализует эту синхронность трансцендентного и имманентного объектов.

Чудо интуиции! Речь идет действительно о чуде, и можно задаться вопросом, не сформулировал ли г-н Лосский проблему в большей степени, чем решил ее. Объект там, в пространстве, и тем самым он находится в субъекте (внутри субъекта) без какого-либо опосредования. Это *магия* в том смысле, какой придавали этому слову немецкие романтики. Объект познаваем, но не потому, что он транзитивно действует на сознание, а потому, что одно его присутствие, так сказать, околдовывает наш дух. Но научной рефлексии всегда будет трудно отказаться от рациональной опосредованной непрерывности ради магических эффектов. И сам пример «интуитивизма» доказывает, что мы не оставляем с легкостью идею некой переработки или «трансформации» реальности в уме. В реальной совокупности *объектов*, говорят нам, ум, внимательный только к тому, что интересуется его потребности, сознательно познает только *содержание*. Как интерпретировать этот анализ, если не как незаметную уступку критицистскому различию реальности и объекта? Опровергая серьезные возражения, которые представила бы реализму так называемая теория «специфической энергии нервов», Лосский склоняет нас к убеждению, что ощущение всегда «верно», но в сложном пучке возбуждений каждый нервный аппарат может выбрать только то качество, которое его интересует. Пусть нам скажут, что и здесь различие содержания и объекта – это различие части и целого, что гносеологическое отношение остается верным: там, где электрическое возбуждение может быть воспринято как ощущение света или как слуховое ощущение, в зависимости от органа, который оно задействует, тем не менее можно говорить о субъективном изменении. Считать это отношением части и целого – только вербальный прием, к которому прибегают, чтобы маскировать, не признаваясь в нем, возврат к идеалистическому различию реальности и объекта.

Хотелось бы, впрочем, чтобы, говоря о законе Иоганнеса Мюллера, автор

цитировал Бергсона, у которого он совершенно очевидно заимствует свое решение вопроса (см. *Matiureetmïmoire*, p. 41). Бергсон сам находится под влиянием достаточно неясной ремарки Лотце, но его приоритет по отношению к Лосскому не вызывает никакого сомнения (*Matière et memoire* вышла в свет в 1897 году). Критика Лосским параллелилизма, его отвращение к идее транзитивного действия материального на духовное, его теория утилитарного восприятия, все это очень похоже на рассуждения Бергсона и действительно очень пронизательно. Но нам представляется, что мысль г. Лосского отличается глубоко русской чертой – это требование реализма, который не удовлетворен западным идеализмом и стремится снова установить контакт с вещами самими по себе.

Что касается перевода г. Экземплярского, то его совершенно невозможно читать, и мы с сожалением думаем о том, какой вред эти неверные синтаксические построения нанесут серьезной и искренней мысли г. Лосского. Трудно поверить, что переводчик, которому мы обязаны столь элегантной версией «Гефсиманской ночи» Льва Шестова, всего за несколько лет мог так позабыть грамматику и даже орфографию.

Der russische Gedanke. 1929/1930. № 1. С. 108.

2. Яковенко Б.В., N.O. Lossky. The Wordl as an Organic Whole. Translated from the Russian by Natalie A. Daddington / Oxford University Press (London: Hunperey Milford, 1926)

В предисловии автор говорит, что «благодаря большим усилиям могучих умов античности и новой философии многие фундаментальные проблемы бытия уже давно решены» и единственная причина того, что мы пока не имеем никакой окончательной метафизической системы, заключается в том, что каждая философия «наряду с истиной содержит в себе известный остаток заблуждения, которые обрекают ее на односторонность и партийность» и задача «нашего поколения заключается не в том, чтобы строить что-то новое, а в том, чтобы решать отдельные специальные проблемы и находить новые позиции, которые введут порядок и гармонию в доставшееся нам драгоценное наследство» (V).

В частности, в данной книге на основе теории познания интуитивизма, ранее предложенной им самим (См. «Обоснование интуитивизма», 1908) содержится попытка обосновать правомерность метафизики против субъективного идеализма и механистического понимания природы, господствовавших во второй половине XIX века, исходивших из ложных предпосылок механической или неорганической философии.

Чтобы удовлетворительно решить эту задачу, автор в первых двух главах книги («Органическое понятие о мире» (1–7) и «Органическая структура мира»

(8–16) прежде всего, настаивает на приоритете органического способа рассмотрения перед неорганическим, доказывая при этом, что целое предшествует части и только через себя самого делает последнюю возможной и понятной. Затем в главе о «Реальном и идеальном бытии» он раскрывает сущность органической всеобщности (тотальности), причем на примере проблемы отношений показывает, во-первых, что в каждой вещи имеется нечто «духовное» или «идеальное», которое, однако, совсем не является продуктом человеческой мысли, но, скорее, идеальной частью или идеальной стороной самой вещи; во-вторых, что именно это «идеальное таит в себе силу органического единства, в-третьих, что как отношение, так и идеальная сторона вещей и органическое единство возможно только при условии и на основе сверхвременной и сверхпространственной субстанции, рассматриваемой как конкретно-идейная сущность.

В двух следующих главах («Плюрализм субстанций» (53–58) и «Абсолют» (59–80)) он излагает эскиз своего собственного понимания мира как органического целого и представляет главные идеи своей теории Абсолюта. Прочие части его книги и особенно главы VIб VI, VII и IX («Царство гармонии или царство духа» (81–100), «Царство раздора или психофизическое царство» (102–152), «Причинность и цель» (153–171), «Логические, метафизические и практические принципы» (172–184)) посвящены рассмотрению религиозно-философских, космологических и нравственных следствий предложенной им концепции мира. В заключительной главе «Основные характеристики конкретно-органического идеал-реализма» (185–199) автор сравнивает свою точку зрения с другими, сохраняя при этом свойственный ему синтетизм и иные преимущества.

При кратких и догматических формулировках, которые автор придает своим мыслям, естественно, что его изложение во многих пунктах кажется неясным и противоречивым. Среди таких мы упомянем здесь только следующие два – исключительно и принципиально важнейших. Во-первых, хотя автор и заставляет Абсолют, или Бога, быть по ту сторону мира, как нечто совершенно чуждое категориям бытия и совершенно невыразимое в терминах мира, он нарушает это благодаря совершенно последовательному проведению своего собственного принципа органического целого. В самом деле, что это, что Абсолют соединен с миром и обратно? В чем состоит сущность, основание и критерий органического единства, которое связывает их друг с другом. Далее, если такое единство и существовало, то не была ли нарушена абсолютная трансценденция, приписываемая Абсолюту или Богу? С другой стороны, если такого единства не существует, то разве перед нами не предстает новая версия дуализма неорганического мировоззрения? Во-вторых, если Абсолют является создателем мира и вещей, то нужно было подчинить все это соответствующим категориям, по меньшей мере таким, как причинность и творчество. Но если причинность, согласно взгляду самого автора, предполагается родством относящихся друг к другу членов (68), то совершенно очевидно, что абсолют как тво-

рец мира как раз поэтому состоит с этими последними в родстве, что решительно противоречит главному взгляду автора на Абсолют. Эта книга Лосского означает важную, существенную и поучительную попытку преодолеть основные проблемы метафизики. Однако было бы более выигрышно, если бы автор при втором издании решился на сопоставление с существенной и мощной антиномистикой, в последнее десятилетие особенно разработанной у Брэдли.

Английский перевод значительного произведения нужно назвать совершенно удавшимся, как это уже отмечалось английскими рецензентами (см., например, рецензию на книгу С. Ллойда Моргана в «Журнале философских исследований», III, 1928, № 4. С. 532). Оформление книги отличное.

Der russische Gedanke. 1929/1930. № 1. С. 109–110.

3. Гессен С.И. Н. Лосский. Свобода воли (Париж: YMCA-PRESS, 1927. 180 с.)

Этой новой книгой Н. Лосского, посвященной проблеме свободы воли, завершается целый цикл творчества известного русского философа, творца так называемого «интуитивизма». Психология – теория познания – логика – метафизика – вот путь, который проделал Лосский при разработке своей философской системы. «Свобода воли» полностью завершает теоретическую часть его системы. В известной мере это снова возвращает систему к ее исходному пункту, потому что стремление найти психологическую реальность свободы было тем, что образовало последнюю цель его «волюнтаризма», обоснованию которого было посвящено первое произведение Лосского, появившееся 26 лет назад. Хотя новая книга метафизики Лосского завершает его теоретическую философию вообще, она же одновременно открывает новые перспективы в его философском творчестве, очевидно образуя переход к проблемам этики и вообще философии ценностей, до которой так много Лосский еще не касался. Однако ни в коем случае нельзя ограничить значение этой книги тем, что она обещает в будущем. Книга как таковая в высшей степени интересна. Выбор Лосским проблемы свободы, прежде всего, обрисовывается двумя моментами. Во-первых, автор трактует проблему свободы воли в тесной связи со всеобщей проблемой онтологической структуры мира вообще, согласовываясь при этом как с В. Соловьевым, так и с новейшей немецкой философией (Николай Гартман). Свобода воли оказывается одним из частных случаев всеобщей свободы, понятие которой тесно связано с идеей иррациональности, исходно присутствующей в мире и формирующей эти многие свободы. К сожалению, изображение Лосского предполагает истину его метафизического учения (которое обосновано им также в недавно появившемся на английском языке произведении «Мир как органическое целое»). Как известно, его метафизический основной тезис, который он сам обозначил как «идеал-реализм», окрашен телеологи-

чески (в духе почти лейбнищевского антимистического рационализма), и это служит основанием, почему свобода воли у Лосского не будет довольно резко отличаться ни от «низшей» свободы организма, ни от «высшей» свободы Бога. Во-вторых, особенность изображения у Лосского заключается в превосходном различении «двойкой свободы»: «формальной» и «материальной». Посредством этого различения, которое напоминает аналогичное различие у Фихте и Шеллинга и присоединяется к понятию «материального» Шелера, Лосский пытается преодолеть старое различие детерминизма и индетерминизма в высшем синтезе. Если даже эта попытка слишком много зависит от общих метафизических предпосылок онтологического воззрения Лосского, то данная здесь исключительно ясная разработка проблемы должна найти признание даже у тех, кто критически ей противостоит.

Der russische Gedanke. 1929/1930. № 2. С. 223.

4. Э. Хармс. N. Losskij. Handbuch der Logik, Übersetzt von prof. W. Sesemann (Leipzig-Berlin: B.G. Teubner-Obelisk, 1927. VII+447 s.)

Нужна тщательная работа, которая выходит за рамки рецензии, чтобы понять философскую ценность «Руководства по логике» Н.О. Лосского, оценить его в полном значении и всего интересного в нем в той связи, в которой оно стоит в истории его отрасли философской науки и ее различных современных устремлений и точек зрения.

В современной научной литературе о мышлении логика Лосского стоит особняком, потому что в разработке этой основной философской дисциплины она представляет абсолютно собственную и потому совершенно новую знаменательную форму, основательно отличающуюся как от привычного вида учебников логизма, так и от распространенного стиля дискуссии, вошедших в моду со времени логических исследований Гуссерля.

Это «Руководство по логике» является настоящим учением о мышлении и мысли того интуиционистского реал-идеализма, который Лосский в своих работах пытается интерпретировать с различных научно-мировоззренческих позиций. Если принцип этого идеал-реализма должен представлять мировоззрение, которое переживает человеческую мысль-познание как восприятие объективной закономерности, идеологически конструирующей внешний мир, то эта логика является не только изображением закономерностей человеческой мыслительной особенности, но и учением о движении человеческого переживания в этой идеологической действительности. Значение этой книги заключается, во-первых, в этом переходе от еще субъективистской логики на основе кантовского критического идеализма к такой, которая хочет быть единственным учением о мысли, объективно сообразным переживанию, или «мировым логосом» (см. с. 41–42). Но, во-вторых, оно заключается в пронизывающей

книгу педагогике, которая сводится к тому, чтобы воспитать такое реал-идеальное переживание мысли. Так, введение в книге – это логическая гносеология, которую я считаю самым впечатляющим введением в этом реал-идеализме вообще, которое когда-либо давал Лосский. Последующее формирование книги является осуществлением намерения доказать логическую действительность реальности переживания в сознании. Такое исполнение имеет осознанно антипсихологический характер. После чего каждое воззрение или убеждение, которое хочет сообщить о своем содержании другим сознаниям или убедить их в своей правильности, должно быть в состоянии добиться в чужой душе и чужой психике сопереживания своего содержания. Но это всегда является психологической задачей, которая все новые и новые стороны психологического переживания логической реальности должна возвысить к пониманию самих себя. В этом лежат задания и необходимости, которые реал-идеалистическая логика обнаруживает для себя в будущем за пределами значимого произведения Лосского.

Der russische Gedanke. 1930/1931. № 1. С. 118.

Рецензии Н.О. Лосского на книги Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и сборники «Пути реализма» и «О Достоевском»

1. Н. Бердяев. Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства. В 2 т. (Paris: YMCA-PRESS, 1928. 271+236 с.)

По Бердяеву, основной противоположностью, от которой нужно исходить при построении мировоззрения, является противоположность не психического и физического, а духа и природы. Дух есть жизнь, свобода, творческая активность, а природа есть вещь, необходимость, пассивное пребывание. К природной области принадлежит все объективно-предметное, субстанциальное (при этом Бердяев под субстанцией понимает завершенное, в себе замкнутое бытие), разделенное и различное; к этому роду принадлежат не только материя, но также душевное бытие. В царстве духа разделение преодолевается любовью, и потому дух в этом отношении не является ни объективно-предметным, ни субъективным бытием (с. 35) и открывается в живом опыте и никогда рациональному познанию. Бог как дух в жизни святых, мистиков, отдельного человека является высшей духовной жизнью, существующей как сама реальность; поэтому он будет там, где есть духовный опыт; не требуется ни онтологического, ни какого-нибудь иного рационального доказательства существования Бога.

В своей глубине божественность иррациональна и сверхрациональна, и любая попытка выразить ее через понятия необходимо антиномична (103). В

природном бытии божественность выступает *символически*. Символ в религиозной философии необходимо связан с мифом. Таким, к примеру, является миф о Прометее, таким же – грехопадение Адама и Евы и таким же – о Спасении и Спасителе. Учение о символизме религиозных истин не нужно смешивать с религиозным модернизмом, с символично-фидеизмом (Сабатье), который в символе видит только субъективное выражение глубоко лежащего бытия. Символ, о котором говорит Бердяев, *сам является реальным природным бытием, стоящим в связи со своим сверхприродным смыслом*. Рождение Богочеловека от Девы Марии, его жизнь в Палестине и его смерть на кресте потому являются настоящими историческими событиями и в то же время – символами. Символизм Бердяева не является докетизмом и не ведет к иконоборчеству.

Свое мировоззрение, которое тесно увязывает духовную сущность человека с божественной духовностью, Бердяев противопоставляет равно как дуалистическому тезису, так и пантеизму, причем их он считает выражением натуралистической религиозной философии. Как он мыслит себе взаимосвязь Бога и мира, более или менее отчетливо выражается в его учении о свободе. Иррациональная свобода человека коренится в «ничто», из которого Бог творит мир (240), и это «ничто» есть бесосновная свобода, не созданная Богом и потенциально предшествующая миру. Следовательно, свобода не создана, а «Бог всемогущ в отношении бытия, но не в отношении ничто, свободы» (233). Эта свобода предшествует добру и злу; она – условие добра и зла (185). Зло возникает, когда иррациональная свобода ведет к повреждению божественной иерархии бытия, к отпадению от источника бытия, из-за высокомерия духа, который захотел поставить себя на место Бога. Этим вызвано падение, то есть материальное и вообще природное бытие и рабство вместо свободы. Вторая свобода, а именно та самая, рациональная, без первой ведет к принудительной добродетели, что значит опять же к рабству.

Исход из этой трагедии может быть только трагическим и сверхприродным. Сын Божий пришел в мир как Богочеловек осуществить единство, свободу и любовь. Благодаря ему спасение придет не посредством юридического установления права через пролитие крови невинных (как этого хочет католическое учение), а посредством просветления, обожения природы (251) Осуществление такой победы Логоса над тьмою, над «ничто» возможно только в случае, если «божественная жизнь значит трагедию» (240). «Бог сам от начала хочет пострадать вместе с миром» (251). Явление Христа и спасение есть «продолжение творения мира», «восьмой день творения», «космогонический и антропологический процесс» (254). Просветление и обожение не может быть достигнуто насильем: они предполагают свободную любовь людей к Богу. Как раз поэтому христианство является религией свободы, и книга Бердяева являет собой пламенную защиту свободы человеческой души в области веры и религиозной жизни.

Вторая часть книги Бердяева посвящена теме свободы и свободного творчества, которое Бог ждет от человека как своего друга. Церковь должна

дать религиозную санкцию не только ищущей святости личного спасения, но и гению поэта, художника, философа, ученого и реформатора, посвятившим свое творчество во имя Бога. «Спасение души означает не только заботу о себе самом» в то время, как соразмерное своему внутреннему смыслу творчество означает заботу о Боге, истине, красоте, высшей духовной жизни» (64).

В главе о «Теософии и гнозисе» Бердяев подвергает сокрушительной критике современную «теософию». Она не знает никакого Бога, а только Божественное, в ней нет свободы и никакого понятия о зле. Она есть форма натуралистического эволюционизма, который искушает кажущимся гнозисом. Церковь должна противопоставить такому эволюционизму истинный гнозис; она должна освободиться от антигностицизма, который в известном смысле становится агностицизмом (141). На пути античного гностицизма церковь хотела спасти себя от магии (142), но наше время, пережившее опыт всех возможных соблазнов, не может быть защищено от нее с помощью искусственных загоронок. «В истории христианства, – говорит Бердяев, – было множество злоупотреблений с методом защиты малых сих от искушений» (168), и поэтому он требует, чтобы во имя Бога человеческий дух вступил на путь свободного творческого развития.

Der russische Gedanke. 1929/1930. № 1. С. 111.

2. Пути реализма. Сборник философских статей Б.Н. Бабынина, Ф.Ф. Бережкова, А.И. Огнева и П.С. Попова. (Москва: 1926, 156 с.)

Авторы-участники этого сборника словом «реализм» называют направление мысли, которое родственно англо-американскому реализму С. Александера, И. Лайерда, Монтегю и других, а в русской философии под именем интуитивизма получило выражение главным образом в работах Н. Лосского и С. Франка. Участники предложенного сборника свое направление характеризуют как интуитивный реализм. Защищая это учение, Бабынин утверждает, что «субъект сознает себя только в противостоянии независимому от него объекту» (16). Бережков со своей стороны утверждает, что физические учения о звуке, свете и т.п. согласуемы с признанием транссубъективности чувственных качеств. Огнев исследует феномен как такую величину различия, которую показывает один и тот же предмет при его наблюдении с разных расстояний, и приходит к заключению, что восприятие динамического взаимодействия между объектом и психо-физически познающим субъектом значительно, но из этого никоим образом не следует, что воспринятое содержание является психическим состоянием субъекта. Попов в своей статье хочет доказать реальность категорий и, среди прочего, исследует функцию суждения в познании. При этом он открывает в суждении три ступени: 1) потенциальный синтез, а именно видение предмета как нерасчлененного целого 2) анализ и 3) актуальный синтез.

Присоединяясь к Гегелю, для которого «суждение есть саморазвитие предданного», Попов утверждает, что в актуальном синтезе разум в совершенной форме выражает те законы и отношения, которые потенциально в нем уже содержатся.

Der russische Gedanke. 1929/1930. № 2. С. 220.

3. Протоиерей Сергей Булгаков. Об ангелах. (Париж, 1929. 229 с.)

Лежащая перед нами книга о. Сергея Булгакова – это прежде всего теологическое сочинение, которое назначено к тому, чтобы развить в понятиях учение об ангелах, основанное на текстах Святого писания, равно как на «литургическом и иконографическом богословии» греческой православной церкви. Помимо этого, эта книга имеет также философское значение. Оно заключается в метафизическом учении о двустороннем взаимопроникновении небесного и земного миров. Чтение этой книги предполагает задуматься, может ли богословское исследование, которое указывает на символы, разработанные общим разумом церкви, и свободные философские спекуляции с их личными и индивидуальными предпочтениями поддержать друг друга и прийти к результату, который соединит их в едином непротиворечивом целом. Важнейший метафизический тезис этого произведения состоит в утверждении, что ангел (ангел – защитник отдельного человека, церкви, народа, элементов и т.д.) принадлежит к наличности творческой Софии и соответствует тому принципу, который у Платона назван идеей. Согласно Булгакову, «истина платонизма исполняется только в ангелологии как учении о небе и о земле в их взаимных отношениях». Идеи Платона «существуют не как логические абстракции или схемы вещей, а как личные сущности, как ангелы слова» (118 с.). Учение об идее не как абстрактном единстве, однако единстве живущем и конкретно-духовном, полностью соответствует духу русской философии. В необычной своеобразной форме оно развито, к примеру, в сочинении о. П. Флоренского, названном «Смысл идеализма» (Сергиев Посад, 1915 г.). Флоренский предлагает здесь обоснование своего учения, согласно которому идеал «есть конкретная полнота и совершенство и высшая реальность» и «идея есть глаза лица, или лик». Свое убеждение, что именно в этом состоит смысл античного идеализма, он обосновывает не только с помощью общих соображений и историко-философских исследований, но и лингвистическим разбором терминов εἶδος и ἐνέργεια.

Der russische Gedanke. 1929/1930. № 1. С. 357.

4. О Достоевском. Сборник статей, изданных А.Л. Бемом (Прага, 1929. 162 с.)

Предлагаемый сборник содержит часть из докладов по Достоевскому, состоявшихся в семинарии при Русском Народном университете в Праге, основанном четыре года назад и руководимым А. Бемом. Сборник открывает статья Д. Чижевского, названная «К проблеме двойника». Она представляет собой главу из еще не вышедшей книги о формализме в этике и о его преодолении, где показано, что идея двойника правит не только в рассказе «Двойник», но и в романах «Подросток», «Бесы», «Братья Карамазовы». Автор приоткрывает внутренний философский смысл этой идеи, рассматривая феномен двойничества как следствие морального падения субъекта, а именно неосуществленность последним своей собственной конкретно-индивидуальной определенности, отчего возникает подмена субъекта другим, то есть потеря своей собственной непротиворечивости. Работа Н. Осипова «Двойник. Петербургская поэма» посвящена выяснению «психиатрической истины» одноименного рассказа Достоевского и являет собой ценное дополнение к исследованию Чижевского. В. Зеньковский предложил статью «Гоголь и Достоевский», где утверждает очень интересные черты родственности двух писателей, поскольку они увлекаются темой подполья и власти эстетического переживания над человеческой душой, а также исследует фантастический элемент в их творчестве, равно как и связь важнейших картин, представляемых ими, с личной жизнью. А. Бем в статье «Драматизация мечты» исследует рассказ Достоевского, озаглавленный «Хозяйка», чтобы с помощью собственного метода прояснить содержание тайного хода души в ею же созданном вымысле. И. Лапшин в статье «Как возникла легенда о Великом инквизиторе» (125–139) ищет параллели к ней в европейской литературе; в другой статье «Формирование образа Крафта в “Подростке”» (140–144) он в очень выразительной форме показывает, где нужно найти прототип последнего и его «Антимессианизма». С. Завадский в статье «Новое определение драмы в свете романа Достоевского» (145–154) подверг острой критике общеупотребительные определения эпоса и драмы и предложил их новые дефиниции. П. Плетнев в статье «Земля», образующей одну из глав большой работы, рассматривает культ земли и его выражение в «Преступлении и наказании», «Бесах» и «Братьях Карамазовых». В заключение не могу не выразить пожелание, что за первым томом исследований творчества Достоевского последуют другие, столь же содержательные и ценные.

Список литературы

1. Jakowenko B. Funf Jubilaen (P. Miljukow, P. Struwe, Th. G. Masaryk, D. Rjasanow, I. Lap-schin) // Der russische Gedanke. 1930/1931. 1. Heft. S. 96–101.
2. Jakowenko B. Das 60 jährige Jubiläum N.O. Losskijs // Der Russische Gedanke. 1930/1931. 2. Heft. S. 206–209.
3. Festschrift N.O. Losskij zum 60. Geburtstage. Verlag von Fridrich Cohen in Bonn 1932. S. 179.
4. Плотников Н. Европейская трибуна русской философии: «Der russische Gedanke» (1929–1938) // Исследования по истории русской мысли: ежегодник за 1999 г. / под ред. М.А. Колерова. М.: ОГИ, 1999. С. 331–358.
5. Яковенко Б.В. «... Современная эпоха развивается и протекает под знаком русского духа» (Вступительные статьи Б.В. Яковенко к трем номерам журнала «Der russische Gedanke») / под ред. А.А. Ермичева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 199–209.

References

1. Jakowenko, B. Funf Jubilaen (P. Miljukow, P. Struwe, Th. G. Masaryk, D. Rjasanow, I. Lap-schin). Der russische Gedanke, 1930/1931, 1. Heft, pp. 96–101.
2. Jakowenko, B. Das 60 jährige Jubiläum N.O. Losskijs. Der Russische Gedanke, 1930/1931, 2. Heft, pp. 206–209.
3. Festschrift, N.O. Losskij zum 60. Geburtstage. Verlag von Fridrich Cohen in Bonn 1932, p. 179.
4. Plotnikov, N. Evropeyskaya tribuna russkoy filosofii: «Der russische Gedanke» (1929–1938) [European tribune of Russian Philosophy: “Der russische Gedanke” (1929–1938)], in *Issledovaniya po istorii russkoy mysli: ezhegodnik za 1999 g.* [Studies in the History of Russian Thought: Yearbook 1999]. Moscow: OGI, 1999, pp. 331–358.
5. Yakovenko, B.V. «... *Sovremennaya epokha razvivaetsya i protekaet pod znakom russkogo dukha*» (*Vstupitel'nye stat'i B.V. Yakovenko k trem nomeram zhurnala «Der russische Gedanke»*) [“... The modern era develops and proceeds under the sign of the Russian spirit” (Introductory articles by B.V. Yakovenko to the three issues of the journal “Der russische Gedanke”)]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012, pp. 199–209.

УДК 1 (091)

ББК 87.3(2)53-592.1: 87.6

Амелина Елена Михайловна

Государственный университет управления, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Россия, Москва, e-mail: em-amelina@yandex.ru

Государство и национальная культура в творчестве П.Б. Струве (к 150-летию со дня рождения)

Анализируются взгляды известного философа, социолога и политика П.Б. Струве, чьи идеи имеют непреходящую актуальность в осмыслении задач сохранения государственного единства, развития культуры и национального самосознания. Главным объектом исследования являются его представления о сущности государства, национальной культуре и их роли в жизни России. Указывается, что позиция мыслителя предполагала определенную историософию – трактовку истории как процесса развития духовной культуры. Рассматриваются особенности либерального консерватизма П.Б. Струве и его понимание государства как «коллективной личности», обладающей «сверхразумной» природой. Анализируется подход философа к пониманию неразрывной связи государства, культуры и национальности. Рассматриваются представления мыслителя о сущности национальности и национализма, а также критика им «казенного национализма» и «безнародности» радикальной интеллигенции. Рассмотрены взгляды философа на выдающуюся роль государства в истечественной истории и понимание им «роковых» причин его гибели: отстранение культурных слоёв дворянства от управления государством и поздняя отмена крепостного права. Объясняется отношение П.Б. Струве к лозунгу классовой борьбы как к решающему в деле культурного разложения нации и подрыва государственного единства. Рассматриваются взгляды П.Б. Струве, Г.П. Федотова, С.Л. Франка на причины слабости русского национального самосознания. В заключение обозначена позиция мыслителя, согласно которой одной из причин революционных радикальных потрясений в стране стало отравление широких народных масс идейным ядом «антигосударственного отщепенства» радикальной интеллигенции и «духом большевизма», что привело к невосребованности национально-государственных идеалов и либерально-консервативных идей.

Ключевые слова: национальная культура, радикальная интеллигенция, либеральный консерватизм, национальность, национализм, национальное самосознание, культурная индивидуальность, национальное возрождение

Amelina Elena Mihailovna

State University of Management, doctor of philosophy, Professor Professor of the Departement of philosophy, Russia, Moscow, e-mail: em-amelina@yandex.ru

State and national culture in P.B. Struve's writings (on the occasion of the 150th anniversary of his birth)

The author analyzes the views of the famous philosopher, sociologist and politician Petr Struve, whose ideas have enduring relevance in view of the problems of maintaining state unity and developing

both culture and national identity. The main object of this research is Struve's views on the essence of the state and national culture and on their role in the life of Russia. It is indicated that the position of the thinker presupposed a certain historiosophy – an interpretation of history as a process of development of spiritual culture. The features of Peter Struve's liberal-conservatism and his understanding of the state as a "collective personality", possessing a "superintelligent" nature are considered. The philosopher's approach, which aimed at analyzing the seamless connection between state, culture and nationality is analyzed. The author considers how the thinker interpreted the essence of nationality and nationalism, as well as criticized the radical intelligentsia's "official nationalism" and "absence of a feeling of national belonging". She examines the philosopher's views on the outstanding role of the state in Russian history and his understanding of such "fatal" reasons of its destruction as the insufficient involvement of the cultivated elements of the nobility in the ruling of the state as well as the belated abolition of serfdom law. The author also explains Struve's views on the slogan of class struggle as decisively contributing to the cultural decomposition of the nation and to undermining the unity of the state. She also addresses the views of P.B. Struve, G.P. Fedotov and S.L. Frank concerning the reasons why the sense of national identity was weak in Russia. She concludes that, according to Struve, one of the reasons for the revolutionary radical upheavals in the country was the fact that the radical intelligentsia sowed in the broad masses of the people the ideological poison of "anti-state rebellion" and the "spirit of Bolshevism". This contributed to a weak demand for national-state ideals and liberal-conservative ideas.

Key words: *national culture, radical intelligentsia, liberal conservatism, nationality, nationalism, national identity, cultural identity, national revival*

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.094-107

Практика политической жизни России, дважды пережившей в XX веке насильственный слом государственности, показала, что этот процесс ведет к колоссальным потерям, культурной и экономической деградации, национальной травме, которую приходится преодолевать десятилетиями. Сейчас перед страной стоят большие конструктивные и созидательные задачи. Их реализация невозможна без опоры на мировоззрение, в центре которого созидательная роль государства и общество как органическое целое, призванное развиваться спокойно, без радикальных взрывов и шоковых травм, творчески преображая исторические традиции и уважая свободу и достоинство гражданина. В этом контексте особенно важен анализ мировоззрения мыслителей, которые в разные периоды развития страны предлагали конструктивные компромиссные решения, мирно преодолевающие кризисные процессы. К таким мыслителям относились представители отечественной школы консервативного либерализма, выступавшие с культурно созидающих позиций. Это П.И. Новгородцев, С.Л. Франк, И.А. Ильин и др. Их взгляды вполне могут быть востребованы современным социальным знанием и социальной практикой как эвристически ценный опыт понимания закономерностей исторического развития России. Одним из выдающихся представителей этого идейного направления был П.Б. Струве.

В отечественной литературе социально-политическим и философским взглядам П.Б. Струве уделялось и уделяется значительное внимание¹. В прове-

¹ См.: Гайденок П.П. Под знаком меры (либеральный консерватизм П.Б. Струве) // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 54–62 [1]; Гнатюк О.Л. П.Б. Струве как социальный мыслитель. СПб.:

денных исследованиях затрагиваются разнообразные стороны творчества мыслителя, особенности различных периодов эволюции его взглядов и политико-публицистической деятельности. Объектом нашего внимания станет ещё недостаточно изученная специфика понимания ученым взаимосвязи государства и национальной культуры. Общеметодологической базой анализа является принцип историзма, а также метод рациональной реконструкции. Важной теоретической предпосылкой исследования является понимание общества как целостности и трактовка духовной сферы как важнейшего и активного фактора его развития.

Петр Бернгардович Струве (1870–1944) – видный отечественный социолог, философ, правовед, экономист, крупный общественный деятель, член партии кадетов, один из авторов сборников «Проблемы идеализма» (1902 г.), «Вехи» (1909 г.), «Из глубины» (1918 г.). Жизненный путь мыслителя рисует нам человека, постоянно находящегося в творческом поиске, теоретика и активного политического деятеля. Он окончил юридический факультет Петербургского университета, увлекся марксистскими идеями и со временем, стал идеологом «легального марксизма». Взгляды П.Б. Струве не переставали развиваться. Они эволюционировали к неокантианству, а затем к идеализму. Сильное влияние на него оказали традиции русского философствования, в том числе В.С. Соловьев, личность которого представляла, по его мнению, «изумительный экземпляр русской даровитости». С 1905 по 1915 год П.Б. Струве член ЦК партии кадетов. Революционные процессы 1905 года порождают у него мысль о возможности социальной катастрофы, которая сметет и личную свободу, и культуру, и национальную государственность. Это побудило его в период второй государственной думы (1907 г.) вести компромиссные переговоры с властью. Факт переговоров П.Б. Струве и других правых кадетов с П.А. Столыпиным был предан огласке, что вынудило его прекратить свое членство в партии. В своих политических симпатиях мыслитель был сторонником идеи либерализма и правового государства. Философ постоянно находился в центре теоретических дискуссий, в том числе, по проблемам национализма и патриотизма, ставшим особо актуальными в связи с началом Первой мировой войны. В них, наряду с П.Б. Струве, принимали участие Д.Д. Муретов, Е.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев,

Изд-во СПбГУ, 1998. 375 с. [2]; Головин Я.Б. Философские и социальные воззрения С.Б. Струве: автореф. ... канд. дисс. М.: МГУ, 2001. 22 с. [3]; Жуков В.Н. Струве П.Б. // Русская философия. Энциклопедия. М.: Мир философии, 2020. С. 692–694 [4]; Кантор В.К. Петр Струве: Великая Россия, или утопия, так и не ставшая реальностью // Вестник РХГА. 2010. Т. 11. Вып. 4. С. 161–178 [5]; Пайпс Р. Струве: левый либерал. 1870–1905. Т. 1. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 552 с. [6]; Пайпс Р. Струве: правый либерал. 1905–1944. Т. 2. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 680 с. [7]; Повилайтис В. Струве в эмиграции об истории и историческом познании // Известия Саратовского университета. Т. 10. Вып.2. Сер. Философия. Психология. Педагогика». 2010. С. 38–41 [8]; Пучкова И.С. Тема России у П.Б. Струве в журнале «Русская мысль»: автореф. ... канд. дис. СПб.: СПбГУ, 2008. 22 с. [9]; Хашковский А.В. Петр Бернгардович Струве (1870–1994) // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 323–349 [10].

В.В. Розанов и многие другие известные отечественные философы. Подробно и интересно сущность этих дискуссий раскрыта в работе А.А. Ермичева².

После революции 1917 года, которую он не принял, П.Б. Струве вел активную борьбу с Советской властью и стал одним из организаторов Добровольческой армии, членом правительства П.Н. Врангеля. В 1918 году он был вынужден эмигрировать. В эмиграции, сохранив идеалы консервативного либерализма, он увлекся монархическими идеями. Объектом его критики в этот период становятся национал-большевизм Н.В. Устрялова и евразийство, в которых он находил идеи коллаборационизма и большевистского ревизионизма.

Наше исследование посвящено важной теме творчества П.Б. Струве – теме государства и национальной культуры и их роли в жизни России. Анализ этой темы побуждает нас дать ответы на следующие вопросы. Как мыслитель понимал ход исторического процесса? Какую роль в историческом процессе играет, по его мнению, культура? В чем сущность государства? Что такое национальность и как она связана с государством? Как взаимосвязаны культура, государство и национальность? Каковы особенности государственного, социального и национального бытия России? Какие исторические и духовные факторы привели к революции и гибели государства? В чем смысл революции? Как возможно возрождение России? и др. Сложность рациональной реконструкции ответов на эти вопросы связана с тем, что мыслитель не ставил целью систематическое изложение своих взглядов. Его яркие мысли и идеи разбросаны в различных статьях и многочисленных публицистических изданиях.

Ключ к пониманию поставленных нами вопросов следует искать в философии истории П.Б. Струве. Его модель видения истории исходила из трактовки исторической эволюции как процесса развития и духовной, и материальной культуры, где первенство занимает культура духовная. Бытие культуры выступает у него как сфера, во многом самостоятельно детерминирующая историю. И хотя мыслитель признавал, что бытие имеет запредельные научному знанию горизонты, история для него – это в первую очередь результат земного творчества, а не сверхвременной божественный процесс, раскрывающий небесный промысел. Взгляды П.Б. Струве на ход исторического развития были далеки не только от сугубо религиозных, но и от позитивистских интерпретаций, сводящих социальное бытие к анализу фактов и социально-политических вопросов. История, с его точки зрения, создается духом и претворяется в жизнь социальными субъектами – свободными личностями, нациями, государствами. Характеризуя кризисные периоды политической истории, он подчеркивал, что применительно к ним нельзя сказать, что они «случились», так как «революции, реакции и контрреволюции всегда именно делаются»³, а не ниспосылают-

² См.: Ермичев А.А. Вопрос о патриотизме в русской мысли начала первой мировой войны // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Том. 15, вып. 4. С. 179–190 [11].

³ См.: Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. С. 184 [12].

ся. Так же, по его мнению, дело обстоит и в хозяйственной жизни, где ключевой фигурой является свободная воля хозяйствующего субъекта, его ответственность, мастерство, деловитость, дисциплина и т.п.

Если Макс Вебер (1864–1920) при характеристике процессов перехода европейского общества от традиционного к современному апеллировал к протестантской этике и «духу капитализма», то для П.Б. Струве инструментом анализа российского бытия начала XX века, завершившегося революцией и социалистической трансформацией, становятся такие понятия, как «дух большевизма», «дух безрелигиозного отщепенства», «дух уничтожения преемства», «дух злобы», «духовное оскудение», «духовное падение», «антигосударственный дух», «государственный дух», «дух государственной дисциплины», «национальный дух», «дух национального служения», «культурная индивидуальность», «культурная сила», «духовное содержание культуры», «духовное возрождение» и др. В любом случае духовная сфера жизни общества, порожденная своеобразием российского бытия, становится у него инструментом социального анализа. Он стремится понять и объяснить смысл происходящих революционных процессов, анализируя их с точки зрения культурных особенностей вовлеченных в русскую историю представителей крестьянства, интеллигенции, дворянства, чиновничества и т.д. Такой подход к объяснению исторического процесса связывает его понимание понятия «культура» с духовной деятельной сущностью человека.

П.Б. Струве рассматривал культуру не в статике, а в динамике, различая её как по характеру социальных общностей (сословных, национальных, классовых), так и по конкретным этапам исторического развития (допетровская эпоха, петровская эпоха и др.). Критерием полноценности культуры являлась для него её соотнесенность с высшей ценностью абсолютного добра, важной характеристикой уровня развития национальной культуры – свобода индивида. «Либерализм в чистой его форме, т.е. как признание неотъемлемых прав личности, – восклицал он, – и есть единственный вид истинного национализма, подлинного уважения и самоуважения национального духа, то есть признания прав его живых носителей и творцов на свободное творчество и искание» [13, с. 21–22]. Консервативная сторона взглядов П.Б. Струве выражалась в том убеждении, что традиция, историческая преемственность, появление нового из старого, есть неотъемлемый спутник свободы, и ни один социальный организм без серьёзного ущерба не терпит радикальной ломки и насильственных трансформаций. Жизненностью обладает лишь то, что вырастает в лоне традиции. Поэтому, объясняя неорганичность большевизма в России, философ ссылаясь на его оторванность от исторических традиций. «В нём (большевизме. – *Е.А.*), – пишет он, – слышится не только и не столько русская старина, сколько ядовитая европейская новизна, *dernie sté* самой Европы ... Вообще все русские чрезмерности и уродства получаются от сопряжения русской дикости и озорства с западными ядами [12, с. 263]. Исходя из идеи преемственности исторических традиций, П.Б. Струве интерпретировал и роль Советской власти после революции. Она,

будучи чужеродной, вела, по его мнению, «хроническую гражданскую войну против настоящей России»⁴.

Культура и государство как форма её проявления – центр размышлений П.Б. Струве. Государство для мыслителя – это некая «коллективная личность», причем личность соборная, стоящая выше всякой личной воли. Вопреки внешней рациональности, природа государства, согласно философу, мистична и «сверхразумна». Она обнаруживается в подчинении огромного большинства людей государственной мощи. Мистичность государства реализуется через властвование, а это такая связь между людьми, которая «есть своего рода очарование или гипноз», ибо люди умирают на войне по приказу власти⁵. История человечества, считал П.Б. Струве, доказала, что выживает лишь сильное государство, а слабое – сходит с исторической арены, становясь добычей государств более сильных. Поэтому необходима забота о внешней силе государства, которая должна сочетаться со справедливостью в его внутренних отношениях. И хотя П.Б. Струве не был религиозным философом, он, сохраняя православную веру, был убежден в том, что сила государства связана с религиозным сознанием его членов. Государство как «таинственный сосуд национальной духовной и жизненной энергии», указывал он, «не должно отрываться от своих традиционных религиозных основ, без которых его мощь и величие вянут и корни его свободного бытия иссыхают»⁶.

Высшей своей мистичности, указывал философ, «государственное начало достигает именно тогда, когда сплетается и срастается с национальным началом»⁷. Национальное начало так же мистично, как и государство. Однако, «будучи более мягким», оно естественно и «без всякого принуждения, овладевает человеком». Мыслитель напоминал, что в европейской истории возникновение национальности предшествовало возникновению крупных государств. Итальянское и германское государства стали следствием возникновения итальянской и германской наций. И если нация есть «культурная индивидуальность», проявляющая себя в культурном творчестве, то государство есть «культурная сила», способствующая образованию и дальнейшему развитию нации. Подчеркивая тесную взаимосвязь между национальной культурой и государством, П.Б. Струве в качестве подтверждения указывал на Германию. «Бисмарк и объединенная Германия, – писал он, – были невозможны без Шиллера и Гете, Канта и Фихте ... без романтики... Великая национальная культура предвосхитила и подготовила великое государственное объединение» [15, с. 68].

Понимание национального начала ассоциировалось в представлениях П.Б. Струве не с цветом кожи или кровной принадлежностью, а с духовными притяжениями и отталкиваниями, которые живут в народной душе и культуре.

⁴ См.: Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). С. 15.

⁵ См.: Струве П.Б. О государстве // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 52 [14].

⁶ См.: Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). С. 124.

⁷ См.: Струве П.Б. О государстве // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. С. 55.

«В основе нации, – писал он, – всегда лежит культурная общность в прошлом, настоящем и будущем, общее культурное наследие, общая культурная работа, общие культурные чаяния... . Ценность и сила нации есть ценность и сила её культуры, измеряемая тем, что можно назвать культурным творчеством» [14, с. 54–55]. Многонародность России П.Б. Струве рассматривал как достоинство. Он видел в ней соборную личность, национально-государственную целостность, основанную на объединяющей русской культуре.

П.Б. Струве не был официальным и заскорузлым консерватором. Однако его раздражала космополитическая устремленность революционной радикальной интеллигенции, игнорировавшей национальную принадлежность в угоду классовому подходу и политическим интересам момента. В работе «Интеллигенция и национальное лицо» (1909 г.) он указывал, что левая русская интеллигенция хочет создать не русскую, а российскую социал-демократическую партию и ради мнимого идеала «справедливой государственности» спрятать, «обесцветить» свою русскую принадлежность. Он писал: «Есть русская империя и есть русский народ... Ни один русский не скажет про себя, что он “российский человек”, а целая наирадикальнейшая партия (РСДРП) применила к себе это официальное “ультрагосударственное”, “ультраимперское” обозначение... Это значит: она хочет быть безразлична, бескровна в национальном отношении... Я и всякий русский, мы имеем... право на наше национальное лицо. ...Так же как не следует заниматься обрусением тех, кто не хочет “русеть”, так же точно нам самим не надо себя “оброссиивать”» [16, с. 88]. П.Б. Струве оказался прав в своей критике радикальных установок в национальном вопросе. Как известно, после революции конструктивное осмысление национального вопроса надолго было сведено к узкоклассовому подходу. Это полностью расходилось с убеждением философа в том, что национальная культура не подчинена классовым интересам и не может быть на них замкнута. Напротив, «место всякого класса в народной жизни определяется его участием в национальной культуре»⁸.

В статье «Два национализма» (1910 г.) мыслитель критиковал представителей «казенного национализма», которые стремились отгородиться от нерусских элементов как чего-то совершенно не нужного и чуждого. П.Б. Струве называл такой национализм, присущий взглядам известного дореволюционного публициста М.О. Меньшикова (1859–1918), «национализмом отчаяния». Он видел в нём проявление слабости и недалёковидности, тем более что русским, как подавляющему большинству населения, не грозила, с его точки зрения, опасность раствориться в других национальностях. Философ указывал на существование двух национализмов: 1) свободного, творческого и созидательно – свойственного англосаксам; 2) закрытого, замкнутого и оборонительного – свойственного представителям еврейской нации. Выбирая из них, русские, по

⁸ См.: Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи: сб. статей о русской революции / С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и др. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1990. С. 249 [17].

его мнению, должны предпочесть первый. Русская политика должна руководствоваться открытым и творческим национализмом. При этом понятие «национализм» являлось для него тождественным патриотизму.

С точки зрения П.Б. Струве, русский народ, осуществляя те или иные положительные европейские заимствования, «превращал чужое в своё», творчески осваивая и воплощая новое в своей культурной жизни. Мыслитель любил приводить примеры преобразующего воздействия русской культуры на талантливых выходцев некоренного происхождения. Он указывал, что, осознавая себя гражданами России, они оказывали прогрессивное воздействие на развитие русской науки, культуры и управления. Выдающиеся представители немецкой национальности настолько погружались в русскую стихию, что поглощались ею без остатка. Императрица Екатерина II, пишет П.Б. Струве, являла собой ярчайший пример «творческой ассимиляции чужих сил в истории»⁹. Приехав в другую страну совсем молодой, она не только выучила трудный русский язык, но и заняла значительное место в русской литературе, приняв активное участие в формировании разговорного русского языка. Русская культура, восклицает философ, покорила себе Екатерину II, сыгравшую значительную положительную роль не только в государственно-политическом, но и в духовно-культурном развитии страны. Представители различных народов были «пленены, очарованы и покорены» русским духом и буквально растворялись в нём в культурном смысле. «Было же что-то в русской культуре и русском духе и исторической России, – восклицает мыслитель, – что покоряло таких людей и ставило их себе на службу»¹⁰.

Раскрывая тесную и органическую взаимосвязь между русской культурой и государством, философ не устал акцентировать внимание на том, что оно было плодом самоотверженного длительного исторического труда многих поколений культурных людей, созидавших Россию. Русское государство, указывал он, было бы невозможно «без благочестия Сергия Радонежского, дерзновения митрополита Филиппа, патриотизма Петра Великого, геройства Суворова, поэзии Пушкина, Гоголя и Толстого, самоотвержения Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей, помещиков и крестьян, богачей и бедняков, бестрепетно, безропотно и бескорыстно умиравших за Россию» [17, с. 250]. Государство рассматривалось П.Б. Струве как начало оформляющее, как средство, с помощью которого национальная жизнь обретает возможность подлинной консолидации. Оно несёт в себе чувство нормы, что позволяет нации «упорным дисциплинированным трудом подниматься с одной ступени исторического бытия на другую»¹¹. Самые драгоценные плоды культуры, подчеркивал мыслитель, вырастают именно «на стволе государственности».

⁹ См.: Струве П.Б. Притягательная сила и внутренняя мощь русской культуры // Струве П.Б. *Patriotica. Россия. Родина. Чужбина*. СПб.: РХГИ, 2000. С. 204 [18].

¹⁰ Там же. С. 207.

¹¹ См.: Струве П.Б. *Апокалипсис против истории*. (Спор с Д.С. Мережковским) С. 71.

П.Б. Струве был далёк от идеи мессианского призвания или универсалистского предназначения России, о котором любили писать славянофилы и некоторые представители Серебряного века. Увидев Родину в кризисе и на грани гибели, он размышлял о том, что необходимо сделать, чтобы она не погибла, а выжила и сохранилась в истории как неповторимая коллективная личность. Мыслитель понимал, что Россия имеет свою уникальную историю и судьбу. Он относил её к странам, достаточно поздно ставшим на путь европеизации (с середины XVII века), достигшей общероссийского масштаба лишь к XIX столетию. Заслугу обретения Россией своей мощи и превращения её в сильную международную державу он, как уже было сказано, связывал с усилиями всего русского народа и с выдающейся ролью русской государственности во всех сферах жизни – религиозной, культурной, геополитической. Вместе с тем он указывал, что к концу XIX века прогрессивное развитие страны столкнулось с серьезными препятствиями, внутренними роковыми обстоятельствами: 1) отсутствием органической связи между государством и культурными слоями общества; 2) запоздавшей крестьянской реформой.

Отрыв широких культурных слоев от управления государством мыслитель объяснял тем, что царское правительство на протяжении столетий очень ревниво относилось к самой возможности поделиться хоть толикой власти с земельным дворянством, классом, «который творил русскую культуру». Дворянство же, наблюдая за развитием Европы и видя там активное участие культурных слоев в государственном управлении, испытывало чувства невостреманности, обиды и ущербности. В итоге оторванный от управления культурный класс стал противопоставлять себя власти, и если одна его часть смирилась с существующим положением вещей, то другая – стала противодействовать власти. Она вместе с появившимися во второй половине XIX века разночинцами сформировала и развила «враждебный государству дух» и особое, порожденное позитивизмом мировоззрение «безрелигиозного отщепенства». Радикальная часть интеллигенции стала видеть в государстве монстра (или Зверя по Д.С. Мережковскому), начисто отменяя мысли о созидательной и защитной функции государственного устройства. В сознании этой интеллигенции, указывал П.Б. Струве, сформировался и активно утверждался ядовитый «противогосударственный дух», который в период военных неудач в мировой схватке стал активно внедряться и пропагандироваться в солдатской среде. В упрощенном сознании одержимой ненавистью к власти радикальной интеллигенции государство как культурная сила исчезло.

Другое роковое обстоятельство в развитии страны П.Б. Струве связывал с задержкой в отмене крепостного права, запоздавшей на сто лет. Это обусловило длительное сохранение архаичной крестьянской общины, препятствовавшей развитию частной земельной собственности и становлению культуры мелкого земледельца-собственника. Мыслитель трактовал борьбу против земельной общины как борьбу за начала экономической свободы, без которой невозможна свобода политическая. Частное земельное крестьянское хозяйство, которое по-

ощрял П.А. Столыпин, рассматривалось им как шаг к более производительной хозяйственной системе, где востребован принцип более высокой степени «личной годности». Без эксцессов и революций это хозяйство должно было, по его мнению, постепенно формировать у сельского труженика инициативность, хозяйственную предприимчивость, личную ответственность, добросовестность, расчетливость и т.д. Но реформа слишком запоздала, и простой русский крестьянин, существовавший до реформы «без права и без прав», «не развил в себе ни сознания, ни инстинкта собственности»¹². Живший общинным коллективистским сознанием, он понял социалистические и марксистские идеи классового равенства, указывал философ, как призыв к простому разделу имущества, как примитивное перераспределение собственности и откликнулся на этот призыв. Внедренный в массы марксистский лозунг классовой борьбы, выдвинутый интеллигенцией и подхваченный темной толпой, стал для России, с точки зрения Струве, лозунгом разрушающим. Он разложил нацию, противопоставив государственности и принципу «личной годности» идею «безответственного равенства» и дележа. Внедренный в массовое сознание как наднациональная ценность, он подтолкнул крестьян к ниспровержению великого государства и его национальной культуры, опрокинув Россию назад в XVI век. «Русская революция, – с горечью констатировал П.Б. Струве, – первый в мировой истории случай торжества интернационализма и классовых идей над национализмом и национальной идеей» [17, с. 249]. В конечном счете, философ видел революцию порождением, с одной стороны, левого европейского социалистического проекта, а с другой – результатом цивилизационных особенностей России, которые, в своём единении, были направлены против западного капитализма вообще и против русского царизма, как формы его проявления.

Не только П.Б. Струве, но и другие его выдающиеся современники задумывались над причинами торжества классового интернационализма и отсутствия внятного русского национального самосознания у широких слоев населения в начале XX века. Так, Г.П. Федотов находил причины слабости национального самосознания в углублявшемся культурном расколе нации, начиная с петровских времен. Именно тогда, по его мнению, Россия перестала быть понятной русскому народу, который не представлял себе ни ее границ, ни ее задач, которые были ясны для него в Московском царстве. «Выветривание государственного сознания, – писал Г.П. Федотов, – продолжалось непрерывно в народных массах за два века империи» [19, с.129]. Во многом сходными причинами слабость русского национального самосознания объяснял С.Л. Франк. Он видел в нём плод истории XVIII и XIX веков, на протяжении которых краткие вспышки патриотизма сменялись длительными периодами полного национального индифферентизма. «Мы росли и жили, – указывал С.Л. Франк, – в атмосфере равнодушия к проблеме национального бытия: идеи национализма и патриотизма. Лозунги о защите государства от внешних и внутренних врагов

¹² См.: Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи. С. 241.

казались только лицемерным прикрытием реакционных мероприятий и вождельней власти, и над ними было принято смеяться» [20, с. 483].

В условиях заснувшего национального самосознания и классовой пропаганды П.Б. Струве оказался настоящим Дон-Кихотом русского патриотизма. Он шел наперерез господствующим мнениям и со свойственной ему духовной самостоятельностью и стойкостью проповедовал патриотизм, критиковал украинский национализм, раскрывал объединяющую роль русского языка в жизни страны. России, её истории, экономике и культуре, её ученым, философам, писателям, поэтам и выдающимся государственным деятелям посвящены многочисленные очерки и публицистические статьи мыслителя. Одним из ярких выражений его взглядов стала статья «Великая Россия» (1908 г.). В ней Российская империя понималась как великая ценность, которую надо сохранять и развивать. Задачу же русского народа Струве связывал с обретением им «духа истинной государственности»¹³. «То, чему была подчинено его служение, – указывал С.Л. Франк, – была родина и её благо. В среде русской радикальной интеллигенции он был первым человеком, отчетливо осознавшим себя русским патриотом и проповедовавшим ... сознательный патриотизм, предполагавший осознание ценности самого национального бытия, как такового, и тем самым его организации в лице государственности» [20, с. 365].

В бурном водовороте истории начала XX века государственное мышление и патриотизм П.Б. Струве не были популярны. Государственный деятель, ратовавший за Великую Россию, на которого он возлагал столько надежд, – П.А. Столыпин – погиб от руки террориста. Идеологически только небольшой круг философов и публицистов – авторы сборника «Вехи», «Из глубины» и либерал-консерваторы критиковали дух национально-государственного разрушения и «любовь к дальнему» радикальной интеллигенции. Но эти мыслители оказались в ситуации одиночества, так как основное политическое противостояние разворачивалось между крайне левыми и крайне правыми силами. Их либеральные и умеренные идеи могли быть востребованы для мирной жизни, но не в период порожденной войной революции.

Анализируя культурные причины русской революции, философ связывал их со слабостью государственной власти в период смуты, и с тем, что политики прошедших времён были «недостаточно верны национальному духу, были беспечны и ленивы в национальном делании»¹⁴. В крушении исторической России он видел не только общую беду, но и объединяющую всех вину, требующую искупления через патриотическое служение. В конце жизни П.Б. Струве осознавал невозможность возвращения к старым порядкам и реставрации. Тем не менее постоянными в его размышлениях о будущем устройении России остались идеи прочно огражденной свободы личности и сильной правительствен-

¹³ См.: Струве П.Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 49 [21].

¹⁴ См.: Струве П.Б. *Дневник политика (1925–1935)*. С. 96.

ной власти. Во время Второй мировой войны он искренне желал победы России над фашизмом и ратовал не за её возвращение к прошлому, а за новое национальное возрождение страны. «В деле спасения родины, – писал мыслитель, – нужно не восстановление, не починка, не реставрация, а – возрождение» [12, с. 78]. Это возрождение мыслилось им как культурный рост, как преодоление русскими людьми своей «духовной безродности».

В заключение подчеркнем, что П.Б. Струве являл собой тип мыслителя-государственника, видевшего в этом социальном институте охранительную оболочку национальной культуры. Государство для него – это некая «коллективная личность», причем личность соборная, стоящая выше всякой личной воли. И если нация есть «культурная индивидуальность», проявляющая себя в культурном творчестве, то государство есть «культурная сила» способствующая образованию и дальнейшему развитию нации. Важной характеристикой уровня национальной культуры оказывалась у него свобода индивида, признание неотъемлемых прав личности. «Понимающая» методология мыслителя позволила ему высветить основные культурные смыслы трагических событий отечественной истории начала XX века. В своих размышлениях, как никто другой, он сумел раскрыть духовные особенности различных действующих сил и слоёв империи, которые порождали как великие созидательные этапы в жизни России, так и катастрофические потрясения. Уделяя особое внимание исторической и цивилизационной специфике страны, он показал национально-культурное своеобразие русской революции. Для философа было характерно понимание меры в осмыслении любого социального вопроса. Он стремился избегать всякой крайности и предпочитал насильственной радикальной ломке компромисс, исходящий из традиций исторической преемственности. Именно поэтому он стоял над ультранационализмом и над безнародностью, над революционным радикализмом и над догматическим консерватизмом, войдя в историю, по верному замечанию А.А. Ермичева, как «неозападник и патриот»¹⁵. П.Б. Струве оказался плодотворным критиком антигосударственного экстремизма и апологетом отечественной культуры. Он указал на неотъемлемое условие прогрессивного развития страны, – прочную опору на исторические и духовные традиции: условие, не понятое ни революционерами 1917-го, ни реформаторами 1991-го годов. Мыслитель завещал критерий оценки любых реформ и политических преобразований в России – их соответствие практическим государственным интересам страны, расцвету её культуры и экономики, росту в ней гражданской свободы и возрождению её народа.

Список литературы

1. Гайденок П.П. Под знаком меры (либеральный консерватизм П.Б. Струве) // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 54–62.
2. Гнатюк О.Л. П.Б. Струве как социальный мыслитель. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 375 с.

¹⁵ См.: Ермичев А.А. Вопрос о патриотизме в русской мысли начала первой мировой войны. С. 182.

3. Головин Я.Б. Философские и социальные воззрения С.Б. Струве: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: МГУ, 2001. 22 с.
4. Жуков В.Н. Струве П.Б. // Русская философия. Энциклопедия. М.: Мир философии, 2020. С. 692–694.
5. Кантор В.К. Петр Струве: Великая Россия, или утопия, так и не ставшая реальностью // Вестник РХГА. 2010. Т. 11, вып. 4. С. 161–178.
6. Пайпс Р. Струве: левый либерал. 1870–1905. Т. 1. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 552 с.
7. Пайпс Р. Струве: правый либерал. 1905–1944. Т. 2. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 680 с.
8. Повилайтис В. Струве в эмиграции об истории и историческом познании // Известия Саратовского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 38–41.
9. Пучкова И.С. Тема России у П.Б. Струве в журнале «Русская мысль»: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб.: СПбГУ, 2008. 22 с.
10. Хашковский А.В. Петр Бернгардович Струве (1870–1994) // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 323–349.
11. Ермичев А.А. Вопрос о патриотизме в русской мысли начала первой мировой войны // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15, вып. 4. С. 179–190.
12. Струве П.Б. *Дневник политика (1925–1935)*. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. 872 с.
13. Струве П.Б. В чём же истинный национализм? // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 8–23.
14. Струве П.Б. О государстве // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 50–58.
15. Струве П.Б. Апокалипсис против истории. (Спор с Д.С. Мережковским) // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 59–71.
16. Струве П.Б. Интеллигенция и национальное лицо // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 88–91.
17. Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи: сб. статей о русской революции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 235–250.
18. Струве П.Б. Притягательная сила и внутренняя мощь русской культуры // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 203–208.
19. Федотов Г.П. Революция идет // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. Т. I. СПб.: Изд-во «София», 1991. С. 126–172.
20. Франк С.Л. Воспоминания о П.Б. Струве // Франк С.Л. Непрочитанное ...: статьи, письма, воспоминания. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2001. С. 349–582.
21. Струве П.Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 34–49.

References

1. Gaydenko, P.P. Pod znakom mery (liberal'nyy konservatizm P.B. Struve) [Under the measure sign. (The liberal conservatism of P.B. Struve)], in *Voprosy filosofii*, 1992, no. 12, pp. 54–62.
2. Gnatyuk, O.L. *P.B. Struve kak sotsial'nyy myslitel'* [Struve as a national thinker]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 1998. 375 p.
3. Golovin, Ya.B. *Filosofskie i sotsial'nye vozzreniya S.B. Struve*. Avtoref. diss. ... kand. fil. nauk [Philosophy and social views of P.B. Struve. Cand. philos. sci. diss. abstr.]. Moscow: MGU, 2001. 22 p.
4. Zhukov, V.N. Struve P.B. [Struve P.B.], in *Russkaya filosofiya. Entsiklopediya* [Russian philosophy. Encyclopedia]. Moscow: Mir filosofii, 2020, pp. 692–694.
5. Kantor, V.K. Petr Struve: Velikaya Rossiya, ili utopiya, tak i ne stavshaya real'nost'yu [Peter Struve: great Russia, or utopia that never became a reality], in *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 2010, vol. 11, issue 4, pp. 161–178.

6. Payps, R. *Struve: levyy liberal. 1870–1905* [Struve: left-wing liberal. 1870–1905]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2001, vol. 1. 552 p.
7. Payps, R. *Struve: pravyy liberal. 1905–1944* [Struve: right-wing liberal]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2001, vol. 2. 680 p.
8. Povilyaitis, V. Struve v emigratsii ob istorii i istoricheskom poznanii [Struve in exile about history and historical Knowledge], in *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2010, vol. 10, issue 2, pp. 38–41.
9. Puchkova, I.S. *Tema Rossii u P.B. Struve v zhurnale «Russkaya mysl'»*. Avtoref. diss. ... kand. filos. nauk [The theme of Russia in PB Struve in the magazine “Russian thought”. Cand. philos. sci. diss. abstr.]. Saint-Petersburg: SpbGU, 2008. 22 p.
10. Khashkovskiy, A.V. Petr Bergardovich Struve (1870–1994) [Petr Bergardovich Struve (1870–1944)], in Struve, P.B. *Patriotica. Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Patriotica. Russia. Homeland. Foreign land]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 323–349.
11. Ermichev, A.A. Vopros o patriotizme v russkoy mysli nachala Pervoy mirovoy voyny [The question of patriotism in Russian thought at the beginning of the First World War], in *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 2014, vol. 15, issue 4, pp. 179–190.
12. Struve, P.B. *Dnevnik politika (1925–1935)* [Diary of a politician (1925–1935)]. Moscow: Russkiy put'; Parizh: YMCA-Press, 2004. 872 p.
13. Struve, P.B. V chem zhe istinnyy natsionalizm? [What is true nationalism?], in Struve, P.B. *Patriotica. Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Patriotica. Russia. Homeland. Foreign land]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 8–23.
14. Struve, P.B. O gosudarstve [About the state], in Struve, P.B. *Patriotica. Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Patriotica. Russia. Homeland. Foreign land]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 50–58.
15. Struve, P.B. Apokalipsis protiv istorii. (Spor s D.S. Merezhkovskim) [Apocalypse vs. history (Dispute with SD Merezhkovsky)], in Struve, P.B. *Patriotica. Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Patriotica. Russia. Homeland. Foreign land]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 59–71.
16. Struve, P.B. Intelligentsiya i natsional'noe litso [The intelligentsia and the national face], in Struve, P.B. *Patriotica. Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Patriotica. Russia. Homeland. Foreign land]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 88–91.
17. Struve, P.B. Istoricheskiy smysl russkoy revolyutsii i natsional'nye zadachi [Historical meaning of the Russian revolution and national tasks], in *Vekhi: Sbornik statey o russkoy revolyutsii* [Milestones. Collected papers about the Russian revolution]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1990, pp. 235–250.
18. Struve, P.B. Prityagatel'naya sila i vnutrennyaya moshch' russkoy kul'tury [The attractive power and inner power of Russian culture], in Struve, P.B. *Patriotica. Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Patriotica. Russia. Homeland. Foreign land]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 203–208.
19. Fedotov, G.P. Revolyutsiya idet [The revolution is coming], in Fedotov, G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii. Izbrannye stat'i po filosofii russkoy istorii i kul'tury. V 2 t., t. I* [Fate and sins of Russia. Selected article on the philosophy of Russian history and culture. In 2 vol., vol. I]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Sofiya», 1991, pp. 126–172.
20. Frank, S.L. Vospominaniya o P.B. Struve [Memories of P.B. Struve], in Frank, S.L. *Neprochitannoe ...: stat'i, pis'ma, vospominaniya* [Unread ...: articles, letters, memories]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2001, pp. 349–582.
21. Struve, P.B. Velikaya Rossiya. Iz razmyshleniy o probleme russkogo mogushchestva [Great Russia. From reflections on the problem of Russian power], in Struve, P.B. *Patriotica. Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Patriotica. Russia. Homeland. Foreign land]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 34–49.

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.А. ФЕТА

УДК 82-1(47)
ББК 83.3(2),445-8

Кошелёв Вячеслав Анатольевич

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал), доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы, Россия, Арзамас, e-mail: viacheslav.koshelev@mail.ru

«На востоке есть у Бога заповедные места...»

Исследуется поэма А.А. Фета «Соловей и роза», вошедшая в состав сборника «Стихотворения» (1850 г.). Отмечено, что сборник вызвал интерес у критиков ведущих журналов второй половины XIX века – Аполлона Григорьева, Льва Мея, Осипа Сенковского. Особенное внимание критиков привлекла поэма А.А. Фета «Соловей и роза». Выявляются наиболее значимые, с точки зрения указанных критиков, характеристики поэмы А.А. Фета «Соловей и роза», отмечаются сходства и различия в ее оценке, объясняются их причины. В частности, обращается внимание на живой интерес эпохи романтизма (как в европейской, так и в русской художественной культуре) к Востоку. Даются характеристики образа Востока, приводятся имена писателей и названия их произведений. Выявляется иностранный источник поэмы А.А. Фета «Соловей и роза», который оказался неточным переводом Хафиза, отражая не столько собственно специфику газелей Хафиза, сколько их прочтение переводчиком с его европейским представлением о Востоке. Текст А.А. Фета представляет собой вариант восточной газели на русском языке. Представлен экскурс в историко-филологическую область изучения слова «роза» в работах А.Н. Веселовского, традиции использования мотива любви Соловья и Розы в поэзии А.С. Пушкина, Н.М. Языкова, А.В. Кольцова. Отмечаются оригинальные черты в прочтении этих образов в поэтическом тексте А.А. Фета, указывается на программный характер поэмы «Соловей и роза», о чем свидетельствуют неоднократные обращения поэта к тексту и внесение правок при новой публикации.

Ключевые слова: поэзия А. Фета, поэма «Соловей и роза», образ Востока, жанр газели, поэзия Хафиза (Гафиза), поэтика розы, русская поэзия XIX века

Koshelev Vyacheslav Anatolyevich

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Arzamas branch), PhD (Philology), Professor, Professor of the Department of Russian language and literature, Arzamas, Russia, e-mail: viacheslav.koshelev@mail.ru

“In the East God has sacred places...”

The author analyses A.A. Fet's poem “The Nightingale and the Rose”, included in the collection “Poems” (1850). He points out that the collection aroused the interest of leading critics of the second half of the 19th century such as Apollo Grigoriev, Lev May and Osip Senkovsky. A.A. Fet's poem “The Nightingale and the Rose” particularly attracted their attention. The most significant characteristics

of the poem are identified in the present study from the point of view of these critics; similarities and differences in its assessment are noted, and their reasons are explained. In particular, attention is drawn to the lively interest of the romantic era (both in European and Russian art culture) for the East. Characteristics of the image of the East are given, as well as names of writers and titles of their works. The author points to a foreign source of A.A. Fet's poem "The Nightingale and the Rose", which turned out to be an inaccurate translation of Hafiz, reflecting not so much the specifics of Hafiz's ghazals as their interpretation by the translator with his European vision of the East. The text of A.A. Fet is a version of the Eastern ghazal in Russian. A digression about the historical and philological study of the word "rose" in the works of A.N. Veselovsky, and the tradition of using the theme of love between the Nightingale and the Rose in the poetry of A.S. Pushkin, N.M. Yazykov, A.V. Koltsov are presented. The author notes the original features in the interpretation of these images in the poetic text of A.A. Fet and points out the programmatic nature of the poem "The Nightingale and the Rose", as testified by the poet's repeated references to the text and the corrections he inserted in view in a new publication.

Key words: *A. Fet's poetry, the poem "The Nightingale and the Rose", the image of the East, the genre of the ghazal, Hafiz's poetry (Hafez), poetics of rose, Russian poetry of the XIX century*

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.108-118

«Стихотворения» А.А. Фета 1850 г. сразу после выхода из печати удостоились нескольких критических разборов. В февральской книжке «Отечественных Записок» появилась статья Аполлона Григорьева; в февральском номере «Москвитянина» – статья, автором которой считается поэт Лев Мей; в мартовской книжке «Библиотеки для Чтения» – статья Осипа Сенковского.

Ап. Григорьев в статье так отозвался о поэме «Соловей и роза»: «...это какой-то волшебный сон любви, полный грации и смысла. <...> Это сновидение любви легкой, светлой и юной; соловей и роза избраны действующими лицами, потому что нельзя же было повторить имена Ромео и Юлии: это какая-то музыкальная переключка, лепет, то бессознательно страстный, то полный глубокого смысла в своей детской наивности» [1, с. 67].

Критик «Москвитянина» о «Соловье и розе» писал: «...точно так пела не раз на Руси не одна муза, более или менее в свое время привлекавшая внимание недалёковидных судей. Стих г. Фета не только не хуже стиха поэтов, служивших поэзии под покровительством таких муз, но, по нашему мнению, и положительно лучше; зато диалог "соловья и розы" и краткое вступление к нему представляют в целом историю столько же, по крайней мере, запутанную, сколько все замысловатые истории, рождавшиеся в воображении этих господ» [2, с. 45].

С оценкой «Москвитянина» солидаризовался отзыв Сенковского: «Европейские поэты, любители всего нового и, следовательно, всего восточного, несколько раз пытались написать стихи на соловья и на розу, полагая, что, наговорив насчет этой птицы и этого цветка всяких бессмыслиц, всяких грез, никому не понятных и ни с чем не связанных, всяких мечтаний без цели и значения, они будут такими же великими поэтами, как, например, турки или бухарцы. Какая самонадеянность! Господин Фет повторяет этот опыт по их следам...» [3, с. 12].

Такая разница оценок связана с историей русской литературной критики. Как может случиться, чтобы два критика, если не вполне близкие, то вполне солидарные в решении общих проблем литературной эволюции, так по-разному относились к одним и тем же произведениям? Ведь существуют же какие-то единые критерии оценок. Или – не существуют и всё это только досужая болтовня и субъективистский произвол по принципу, который еще Илья Ильф назвал: *нра* или *не нра*? Одному *нра* – и говорит: это гениально! Другому почему-либо *не нра* – и делает вывод: дрянь! Можно ли с помощью каких-либо истинных «теоретических» установок выявить правоту одного и неправоту другого?

И как увязать это открытое противостояние конкретных оценок, эту полную противоположность суждений об одних и тех же произведениях с поэтической позицией самого художника – Фета? Давали ли его «восточные» произведения основания для открытой «хвалы» или «ругани»?

В эпоху романтизма европейская культура потянулась, как известно, к Востоку – части того «естественного» мира, который еще Ж.Ж. Руссо противопоставлял цивилизованному миру капитала, враждебного человеческой личности. Удаление на Восток означало перемещение «естественного» человека «в тот чудный мир тревог и битв», «где люди вольны, как орлы». С утверждением «содержательной» стихии Востока, в которой начали черпать вдохновение романтики (для их предшественников Восток был разве что частью «непросвещенного» первобытного мира, остановившегося в своем развитии и потому неинтересного), утверждалась и неповторимая восточная *форма* литературных исканий.

Персидский, арабский, турецкий, индийский Восток бурным потоком с начала XIX века хлынул в поэзию Запада: «Западно-восточный диван» Гете, «Мудрость брамина» Ф. Рюккерта, «Караван» В. Хауфа, восточные поэмы Байрона, «Лалла-Рук» Т. Мура, «Восточные мотивы» В. Гюго, «Крымские сонеты» А. Мицкевича... И, соответственно, в Россию: переводы Жуковского, поэмы раннего Пушкина и позднего Лермонтова, лирика и повести Бестужева-Марлинского, проза Сенковского и т.д. и т.п. Поэзию Европы и России буквально заполонили розы, внемлющие сладкоголосым соловьям; девы, стройные, как пальмы, и изящные, как кипарисы, с глазами, печальными, как у газели, и прекрасными, как алмазы; «прохлада сладостная фонтанов», «караваны звезд», «гарем небес», «чалма облаков» – и прочая, и прочее, и прочее. Все эти ориентальные образы быстро приелись, стали своего рода стилевыми клише – приметам некоего «восточного» литературного «шика».

В 1859 году Фету попала в руки книжка немецкого философа и поэта Г.Ф. Даумера, содержащая подборку немецких переводов великого персидского поэта XIV века Шамсадина Мохаммеда Хафиза, прославленного «мастера газели». Фет увлекся стихами Хафиза (Гафиза) и начал переводить их. И даже опубликовал большую подборку своих переводов в журнале «Русское слово» (1860, № 2), включив их потом в свой двухтомник 1863 г. В предисловии переводчика к этой подборке Фет отмечал: «Не зная персидского языка, я

пользовался немецким переводом, составившим переводчику почетное имя в Германии; а это достаточное ручательство в верности оригиналу. Немецкий переводчик, как и следует переводчику, скорее оперсичит свой родной язык, чем отступит от подлинника. С своей стороны и я старался до последней крайности держаться не только смысла и числа стихов, но и причудливых форм газелей в отношении к размерам и рифмам, часто двойным в соответствующих строках. Даже поверхностное знакомство с нашим поэтом служит отрадным подтверждением двух несомненных истин: во-первых, что дух человеческий давно уже достиг этой эфирной высоты, которой мы удивляемся в цветах и мыслителях нашего Запада; во-вторых, что цветы истинной поэзии неувядаемы, независимо от эпохи и почвы, их производившей» [4, с. 207]. В соответствии с установкой на точность перевода, Фет проделал огромную работу и даже создал на почве русского стихосложения вариант персидской «газели».

Но увы, доверившись немецкому «переводчику» Даумеру, Фет попал впросак. Он посчитал стихотворения, собранные в книге, точными переводами из Гафиза, в то время как это был «фальсифицированный» Гафиз. Даумер представил под именем великого персидского лирика XIV века собственные произведения «в духе Гафиза», а с подлинными персидскими текстами они не имели почти ничего общего. И русский «переводчик Гафиза», соответственно, отразил в своих созданиях совсем другую поэтическую эпоху.

К середине XIX столетия Восток уже перестал быть для поэтов источником вдохновения и осознавался не более чем «увлечением». Уже появилась серьезная ориенталистика, стало понятно, что без серьезных познаний, которым нужно жизнь посвятить, в восточных мотивах не так легко разобраться. Соловей и Роза – это традиционный интерсюжет восточной поэзии, в основе которого – как в основе каждого интерсюжета – лежат вечные, интернациональные ценности, общечеловеческие истины. Они лишь варьируются, отражая мирозерцание как самого автора, так и народа.

У академика А.Н. Веселовского есть небольшая статья «Из поэтики розы», в которой автор рассматривает историю Розы как поэтического символа: «Красота цветка, чаще его отношения к знаменательным явлениям природной и личной жизни в их взаимодействии, выдвинули его перед другими, вызвали ряд ассоциаций; от емкости образа зависит их количество и разнообразие; ... в тургеневском “Как хороши, как свежи были розы!..” дело не в розах, а в качестве захватывающих воспоминаний» [5, с. 132] Культ розы возник на Востоке: являясь одним из ранних весенних цветов, роза там считалась вестницей весны, «поры любви». Постепенно ее «география» расширилась: от Персии через Фригию и Македонию роза пришла в Грецию и Рим, а оттуда в Европу. И куда бы она ни приходила, она приобретала новую символику: в Греции стала «эмблемой Афродиты и Харит», в средневековой Европе – христианским символом Девы Марии и т.д. Но всегда сохранялась символическая основа: роза отождествлялась с красавицей, «владычицей души» и «царицей грёз».

А Соловей – это столь же давний (и от давности «стёршийся» и обесцененный) символ лирического поэта, ведь последний тоже распевает «как птичка». Фет принял для себя этот символ: подсчитано, что образ Соловья употребляется в его поэзии не менее семидесяти раз¹.

В одном ассоциативном ряду с розой соловей в восточной поэзии предстал далеко не случайно: эта весенняя птичка тоже символизирует начало жизни, молодость и, естественно, любовь. Эта любовь традиционно развивается на фоне пышной природы:

Где царство дивной красоты,
Где круглый год весна, цветы,
Где в темные часы ночные
При шуме серебряных ключей
Льёт песни страстные, живые
Любовник розы – соловей [7, с. 312].

Твой воздух амброй растворен,
Им дышит лавр и мирт с алоем;
Здесь в розу соловей влюблен,
Поэт любви томится зноем [8, с. 188].

В традициях поэзии Востока исходная коллизия любви соловья и розы решалась различно. Обыкновенно соловей предстал как страдающий, обманутый любовник, истекающий кровью от «сердечных ран», а роза – как надменная красавица, отвечавшая холодностью на пылкие песнопения возлюбленного:

Пленившись розой, соловей
И день, и ночь поет над ней;
Но роза молча песням внемлет,
Невинный сон ее объемлет... [9, с. 59].

Пушкин в своей лирике обращался к этой «восточной» коллизии дважды. В 1824 г. в Михайловском он написал любовный мадригал, опубликованный под заглавием «Подражание турецкой песне» («О дева-роза, я в оковах...»). А в 1827 г. – тот же сюжет был повернут другой стороной и превратился в своеобразную притчу о соотношении красоты и поэзии:

Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь, она цветет; зываешь – нет ответа [10, с. 97].

¹ См.: Федина В.С. А.А. Фет (Шеншин): Материалы к характеристике. Пг.: Мысль, 1915. С. 89 [6].

В «восточной» притче Пушкина, собственно, ставится вопрос о предназначении поэта и поэзии. В чем это предназначение? В воспевании прекрасного? Но красота – это не более, чем восточная «роза», царственная и надменная богиня. Любить ее, служить ей – приятно и величественно. Но попробуй-ка «воззвать» к ней? А это – уже бесплодно. Так стоит ли стараться?²

В пушкинскую эпоху на подобный вопрос отвечали: *стоит!* Н.М. Языков уже в конце жизни (в 1844 г.) призывал молодого поэта Я.П. Полонского:

И пой, как соловей поёт в затишье сада
Свою весну, свою любовь,
И в пеньи том и вся награда... [12, с. 157].

«Награда» певца – уже в самой возможности петь.

О лирической поэме Фета «Соловей и Роза» Сенковский, не только известный писатель и журналист, но и виднейший ориенталист, заметил с раздражением: «Я не понимаю, чего тут соловей хочет от розы или роза от соловья и с какой стати они наговорили друг другу таких страстей». Специалист по восточной культуре как будто подчеркивал, что к традициям поэзии Востока «подражание восточному» не имеет никакого отношения: «...и сам великий муфти-эфенди с целым корпусом константинопольских улемов, я уверен, не разгадают такой необычайной премудрости» [3, с. 17]. Действительно, произведение Фета только формально – местом действия (Кашмир, да и то не реальный Кашмир, а тот, который присутствует у Т. Мура и В.А. Жуковского) – связано с Востоком. В остальном оно вполне условно.

Фет подчеркивает: *безгласная* птичка, *бесцветный* кустарник. «В великом саду мироздания» они вполне незаметны и никому не интересны, до тех пор пока не свершится чудо и они не будут наделены какими-то необычными качествами:

И к утру свершилось чудо:
Краснея и млея сквозь слёзы,
Склонилася к ветке упругой
Головка душистая розы... [13, с. 112].

Вслед за этой красивой легендой, собственно, и следует «диалог», представляющий собою вереницу маленьких стихотворений – то от имени соловья, то от имени розы. Два одиноких существа в результате совершившегося чуда получили возможность выражать свои чувства: *он* – посредством упойтельного пения, *она* – способностью цвести, то есть производить красоту. А способность выражать чувства – это и есть способность творить.

² См.: Азбукина А.В. Об одном восточном мотиве в стихотворении Пушкина «Соловей и роза» // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 136. Казань, 1998. С. 31–37 [11].

Соловей признается в своей высокой страсти к прекрасному цветку: «Друг мой роза, дева роза, / Я б не пел, когда б не ты». Роза, по всей видимости, отвечает ему взаимностью: «Мой друг, мой брат, мой милый, мой любовник!..»³. Но два возлюбленных продолжают оставаться *одинокими*: они непохожи по образу жизни и, соответственно, разделены судьбой.

Он – «вешний гость» и «певчий странник» («Чужды ваши мне цветы»); ему судьба – «улететь». *Она* – «незаметно расцвела» в чудесной долине и из этой долины никуда «улететь» не может. *Он* зовет *ее*:

На востоке есть у Бога
Заповедные места:
Сердцу снится та дорога –
Полетим с тобой туда... [13, с. 114].

Но это неосуществимое намерение: *она* может «полететь» только «во сне» или, точнее, в мечте. Кроме того, Соловей и Роза разделены и временем *творчества*. *Она* – «роза долины» – цветет исключительно днём, на «пурпурном ложе» солнечного света. *Он* – «ночи певец» и поёт только тогда, когда «к ночному бдению вышел звездный хор». *Он* и *она* не могут, в сущности не могут, естественно воспринимать творчество, обращенное друг к другу: когда поёт Соловей, Роза дремлет, а Соловей засыпает, когда расцветает Роза. «И во сне только любит и любит...» Но вот парадокс: разделенность двух родственных душ, созданных друг для друга и предназначенных один другому, – и является основой их творчества:

Ты поешь, когда дремлю я,
Я цвету – когда ты спишь;
Я горю без поцалуя,
Без ответа ты грустишь.
Но и радость и мученье
Мудро нам судьба дала:
Ты не пел бы без стремленья,
Я б без страсти не цвела [13, с. 113].

Само разделение возлюбленных становится основой творчества. Ап. Григорьев, как мы видели, сравнил эту ситуацию *творческой любви* с ситуацией Шекспира: не будь Ромео и Джульетта изначально разделены борьбой враждующих семей, не возникло бы, может быть, то исключительное творческое начало, которое ознаменовала их любовь. У Фета тоже получилась «притча» –

³ См.: Фет А.А. Соловей и роза // Фет А.А. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 1 / под ред. В.А. Кошелев. СПб.: Академический проект, 2002. С. 112–113 [13].

но мало похожая и на «восточные мотивы», и на «замысловатые» российские фантазии.

Н.П. Колпакова в свое время указала на то, что один из фрагментов «Соловья и розы» был по смыслу близок фетовскому переводу стихотворения Гейне «Дитя! мои песни далеко...», помещенном в том же сборнике⁴. Вот Соловей у Фета приглашает Розу отправиться в путешествие: «На востоке небо чисто, / Как сапфир твоих очей...» [13, с. 11]. А вот лирический герой Гейне приглашает возлюбленную в путешествие «на крыльях песни»:

Дитя! мои песни далеко
На крыльях тебя унесут,
К долинам Гангесова тока:
Я знаю там лучший приют... [15, с. 179].

И Гейне, и Фет строят свое лирическое побуждение на мотиве полета *туда*, в идеальную «заповедную страну» блаженства. У обоих этот призыв построен на экзотических аксессуарах. У Фета – *сапфир, пальмы, павлины, фазан, лотос*. У Гейне – *Ганг, лотос, газели, пальма*... К тому же почему-то герой Фета приглашает розу полететь *на Восток*. Но куда именно? Ведь действие его поэмы и так происходит посреди «цветущих долин Кашемира», в Индии, в сердцеvine Востока...

«Соловей и роза», видимо, не пришлось по вкусу кружку «Современника» – и была выброшена из сборника 1856 г., а позднее не включена в издание 1863 г. Салтыков-Щедрин писал в 1870-е годы, что никто теперь не отважится воспевать соловьев и розы. Но Фет на это отважился. В третий программный выпуск «Вечерних огней» он включил свое давнее стихотворение, не включавшееся им после сборника 1850 г. ни в одно из последующих собраний стихов, озаглавленное как раз «Соловей и роза».

Но дело заключалось не только в полемической направленности этого шага, запланированной, впрочем, и даже декларированной программным для Фета предисловием к этому выпуску. В конце этого предисловия автор указывал, что он, уступая настояниям друзей, перестал «смотреть на издание 1856 г. как на окончательно упраздненное» и ввел из него шесть текстов – «между прочим, и диалог “Соловей и роза”»: «...по поводу “Соловья и розы” дело не обошлось без протеста с нашей стороны. Даже соглашаясь, что там есть более или менее яркие образы и более или менее удачные стихи, мы никак не могли помириться с тем излишним накоплением красок, которое свидетельствовало о широких взмахах неопытной руки, еще не знающей краю. Полагаем, что даже сокращенное почти наполовину стихотворение и в настоящем своем виде не представляет окончательно ясных очертаний. Тем не менее решаемся сохра-

⁴ См.: Колпакова Н.П. Из истории фетовского текста // Поэтика. Кн. 3. Временник отдела словесных искусств. Л.: Academia, 1927. С. 182 [14].

нить его, находя, что ни в одном из наших молодых произведений с такою ясностью не проявляется направление, по которому постоянно прорывалась наша муза» [16, с. 196].

В этом замечании показательны три момента:

- указание на *программность* этого раннего поэтического текста, на то, что он наиболее отчетливо представлял поэтическое «направление» Фета;
- указание на «излишества» в нем и на необходимость «сокращения»;
- указание на то, что и будучи сокращен, этот текст не оказывается «окончательно» проясненным.

Фет несколько «преувеличил» произведенные им «сокращения»: текст «Соловья и розы» стал короче всего на две «реплики» (вместо 10 их осталось 8); на 24 стиха (всего в окончательном тексте их 140). Но суть авторской мысли в тексте «Вечерних огней» оказалась яснее. Приведенное выше суждение Розы о сущности творчества («Ты поешь, когда дремлю я...») оказалось в абсолютном центре всего стихотворения; были убраны (как вполне бессмысленные) призывы Соловья к Розе «улететь» с ним, и, таким образом, оказалась гораздо более четко выражена мысль о *разделенности* как основе творчества. На этом фоне особенно пронзительно зазвучал финал:

И во сне только любит и любит,
И от счастья плачет и спит!
Эти песни она приголубит,
Если эхо о них промолчит.
.....
От чего ж под навесом прохлады
Раздается так голос певца?
Роза! песни не знают преграды:
Без конца твои сны, без конца [13, с. 116].

«Как я рад, что ты напечатал “Соловей и Роза”, – делился с А.А. Фетом своими впечатлениями Я.П. Полонский. – Что это за свежая благоуханная поэзия! – какая музыка и какой глубокий смысл в стихах *Ты поешь, когда дремлю я...* и далее!.. Тут ни одного прозаического стиха...» [17, с. 623].

Список литературы

1. Григорьев А.А. Стихотворения А. Фета // Отечественные Записки. 1850. Т. LXVIII. № 2. Отд. V. С. 49–72.
2. [Мей Л.А.] Стихотворения А. Фета. Москва. 1850 // Москвитянин. 1850. № 6. Март. Кн. 2. Отд. IV. С. 37–54.
3. [Сенковский О.И.] Стихотворения А. Фета // Библиотека для Чтения. 1850. Т. 101. Март и апрель. Отд. VI. Литературная летопись. С. 10–18.
4. Гафиз [Вступительная заметка А.А. Фета] // Фет А.А. Стихотворения: в 2 ч. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1863. Ч. II. С. 207–208.

5. Веселовский А.Н. Избранные статьи / вступ. статья В.М. Жирмунского; коммент. М.П. Алексеева. Л.: ГИХЛ, 1939. С. 132–139.
6. Федина В.С. А.А. Фет (Шеншин): Материалы к характеристике. Пг.: Мысль, 1915. 412 с.
7. Зайцевский Е.П. Вечер в Тавриде // Невский альманах. СПб., 1828. С. 312.
8. Якубович Л.А. Иран // Поэты 1820–1830-х годов: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. Л.Я. Гинзбург. Л.: Сов. писатель, 1972. С. 188.
9. Кольцов А.В. Соловей // Кольцов А.В. Полное собрание стихотворений и писем / сост., вступ. статья Арс.И. Введенского. СПб., 1896.
10. Пушкин А.С. Соловей и роза // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2 / под общ. ред. М.П. Еремина. М.: Правда, 1981. С. 97.
11. Азбукина А.В. Об одном восточном мотиве в стихотворении Пушкина «Соловей и роза» // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 136. Казань, 1998. С. 31–37.
12. Языков Н.М. Я.П. Полонскому // Языков Н.М. Златоглавая, святая... / сост., вступ. статья, примеч. Е.Ю. Филькиной. М.: Русский мир, 2003. С. 157.
13. Фет А.А. Соловей и роза // Фет А.А. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 1 / под ред. В.А. Кошелева. СПб.: Академический проект, 2002. С. 111–116.
14. Колпакова Н.П. Из истории фетовского текста // Поэтика. Кн. 3. Временник отдела словесных искусств. Л.: Academia, 1927. С. 16–187.
15. Heine H. Auf Flügeln des Gesanges / пер. А.А. Фета // Сочинения и письма: в 20 т. Т. 1 / под ред. В.А. Кошелева. СПб.: Академический проект, 2002. С. 179.
16. Фет А.А. Предисловие // Фет А.А. Сочинения и письма: в 20 т. / гл. ред. В.А. Кошелев. Т. 5. Кн. 1. Вечерние огни. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. С. 193–196.
17. Письмо Я.П. Полонского к А.А. Фету от 18 января 1888 г. // Лит. наследство. Т. 103. А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Т.Г. Динесман. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 623–625.

References

1. Grigor'ev, A.A. Stikhotvoreniya A. Feta [The Poems by A. Fet], in *Otechestvennye Zapiski*, 1850, vol. LXVIII, no. 2, Dep. V, pp. 49–72.
2. [Mey, L.A.] Stikhotvoreniya A. Feta. Moskva. 1850 [The Poems by A. Fet. Moscow. 1850], in *Moskvityanin*, 1850, no. 6, March, book 2, Dep. IV, pp. 37–54.
3. [Senkovskiy, O.I.] Stikhotvoreniya A. Feta [The Poems by A. Fet], in *Biblioteka dlya Chteniya*, 1850, vol. 101, March and April, Dep. VI. Literaturnaya letopis', pp. 10–18.
4. Gafiz [Vstupitel'naya zametka A.A. Feta] [Introductory note by A.A. Fet], in Fet, A.A. *Stikhotvoreniya: v II ch., ch. II* [Poems in 2 parts, part 2]. Moscow: Izdanie K. Soldatenkova, 1863, pp. 207–208.
5. Veselovskiy, A.N. *Izbrannye stat'i* [Chosen articles]. Leningrad: GIKhL, 1939, pp. 132–139.
6. Fedina, V.S. A.A. Fet (Shenshin): Materialy k kharakteristike [Materials to characteristic]. Petrograd: Mysl', 1915. 412 p.
7. Zaytsevskiy, E.P. Vechev v Tavride [Evening in Taurida], in *Nevskiy al'manakh*. Saint-Petersburg, 1828, p. 312.
8. Yakubovich, L.A. Iran [Iran], in *Poety 1820-1830-kh godov: v 2 t., t. 2* [Poets of the 1820s-1830s: in 2 vols. Vol. 2]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1972, p. 188.
9. Kol'tsov, A.V. Solovey [Nightingale], in Kol'tsov, A.V. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy i pisem* [Completed collection of poems and letters]. Saint-Petersburg, 1896.
10. Pushkin, A.S. Solovey i roza [Nightingale and rose], in Pushkin, A.S. *Sobranie sochineniy: v 10 t., t. 2* [Collected works: in 10 vol. Vol. 2]. Moscow: Pravda, 1981, p. 97.
11. Azbukina, A.V. Ob odnom vostochnom motive v stikhotvoreniy Pushkina «Solovey i roza» [About one eastern motive in Pushkin's poem "Nightingale and Rose"], in *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1998, vol. 136, pp. 31–37.
12. Yazykov, N.M. Ya.P. Polonскому, in Yazykov, N.M. *Zlatiglavaya, svyataya...* [Gold-domed, sacred...]. Moscow: Russkiy mir, 2003, p. 157.

13. Fet, A.A. Solovey i roza [Nightingale and rose], in Fet, A.A. *Sochineniya i pis'ma: v 20 t., t. 1* [Writings and letters: in 20 vols. Vol. 1]. Saint-Petersburg: Akademicheskyy proekt, 2002, pp. 111–116.
14. Kolpakova, N.P. Iz istorii fetovskogo teksta [From the History of text by Fet], in *Poetika. Kn. 3. Vremennik otdela slovesnykh iskusstv* [Poetics. Book 3. chronicle of the department of verbal arts]. Leningrad: Academia, 1927, pp. 168–187.
15. Heine, H. Auf Fl'geln des Gesanges [On song wings], in Fet A.A. *Sochineniya i pis'ma: v 20 t., t. 1* [Writings and letters: in 20 vols. Vol. 1]. Saint-Petersburg: Akademicheskyy proekt, 2002, p. 179.
16. Fet, A.A. Predislovie [The Preface], in Fet, A.A. *Sochineniya i pis'ma: v 20 t., t. 5. Kn. 1* [Works and letters: in 20 vol., vol. 5. Book 1]. Moscow; Saint-Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2014, pp. 193–196.
17. Pis'mo Ya.P. Polonskogo k A.A. Fetu ot 18 yanvarya 1888 g. [Letter dated 18 January 1888 from J.P. Polonsky to A.A. Fet], in *Literaturnoe nasledstvo. Vol. 103. A.A. Fet i yego literaturnoe okruzhenie: v 2 kn., kn. 1* [A. A. Fet and his literary circle: in 2 books. Book 1]. Moscow: IMLI RAN, 2008, pp. 623–625.

УДК 82-1
ББК 83.3,4-8

Ипатова Светлана Алексеевна

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, научный сотрудник
Отдела новой русской литературы, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: ipatovas@rambler.ru

Об участии В.С. Соловьёва в фетовском переводе «Энеиды» Вергилия

Излагается история полного перевода «Энеиды» Вергилия на русский язык (12 книг), выполненного А.А. Фетом весной-осенью 1887 г. при участии Вл.С. Соловьёва в качестве переводчика (кн. VII, IX, X). Совместная работа известного поэта, признанного переводчика с древних языков, а также его титульного соавтора казанского филолога-классика Д.И. Нагуевского (комментарии, проверка текста) и В.С. Соловьёва хронологически восстанавливается по письмам как самого Фета, так и остальных участников и свидетелей этой работы (В.С. Соловьёва, Д.И. Нагуевского, Ю.А. Кулаковского, Н.Н. Страхова, А.В. Олсуфьева и др.). Анализ привлеченного эпистолярия позволяет выяснить не только меру участия каждого из соавторов, восстановить характер и детали этой совместной работы, но и понять суть возникших разногласий. Между тем в большинстве исследований техника перевода Соловьёва противопоставляется технике Фета не в пользу последнего без учета имеющегося документального материала. Благодаря этим усилиям, фетоведение пополнилось высказываниями о базовом переводческом принципе поэта, в которых термин «переводческий буквализм» чаще звучит как приговор, если он высказывается в отношении Фета, а особенный «буквализм» в переводе Соловьёва признается лучше фетовского. Анализ творчества Фета и Соловьёва позволяет сделать вывод, что, если бы перевод Соловьёва существенно отличался от принципов, заданных Фетом, едва ли этот творческий союз был бы возможен, и, зная щепетильность Фета, вряд ли бы имя Соловьёва на титуле «Энеиды» как равноправного, но другого переводчика. Между тем, все части перевода органичны и выполнены упорно декларируемым Фетом так называемым «буквальным» способом перевода, стремящимся к абсолютно точной передаче буквы и духа оригинала.

Ключевые слова: переводческая деятельность А.А. Фета, «Энеида» Вергилия, принципы «буквального» перевода, эпистолярный, коллективная редакция

Ipatova Svetlana Alekseevna

Institute of Russian Literature (Pushkin House), RAS, Scientist Researcher of the Department of the New Russian Literature, St. Petersburg, Russia, e-mail: ipatovas@rambler.ru

On V.S. Solovyov's Participation in the Translation of Virgil's "Aeneid" by Fet

The article describes the history of the complete translation of Virgil's "Aeneid" into Russian (12 books), performed by A.A. Fet in the spring and autumn of 1887 with the participation of V.S. Solovyov as a translator (books VII, IX, X). The joint work of the famous poet, acclaimed ancient languages translator, as well as his major co-author, the classic philologist from Kazan, D.I. Naguevsky (comments and text revision), and Solovyov is chronologically reconstructed through the letters of both Fet

and the rest of the participants and witnesses of this work (Solovyov, Naguevsky, J.A. Kulakovsky, N.N. Strakhov, A.V. Olsufiev, etc.). Not only does the analysis of this epistolary allow to determine the level of participation of each of the co-authors, as well as to restore the nature and details of this collaboration, but also to understand the essence of the disagreements that arose among them. Meanwhile in most studies Solovyov's translation technique is contrasted with Fet's not in favor of the latter without considering the available documents. Thanks to these efforts, the style of Fet has been supplemented by statements about the poet's basic principles of translation in which the term "literal translation" often sounds like a verdict when it is expressed in relation to Fet and Solovyov's special "literalism" is recognized better than Fet's. The author of the article comes to the conclusion that if Solovyov's translation significantly differed from the principles established by Fet, this creative union would hardly be possible, or, knowing Fet's scrupulousness, we would find Solovyov's name on the title of the Aeneid as an equal, but different translator. Meanwhile, all parts of the translation are organic and are performed in the so-called "literal" method, persistently declared by Fet, who strives for absolute transmission of the letter and spirit of the original.

Key words: translation activities of A.A. Fet, Virgil's Aeneid, principles of "literal" translations, correspondence, collective editing

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.119-135

Размах напряженной переводческой деятельности А.А. Фета, значительно превосходящей по объему переведенного материала собственное поэтическое и публицистическое творчество, поражает не столько внушительным списком имен, в котором, безусловно, преобладали латинские авторы, не столько скоростью исполнения этих переводов, сколько тем, что из любителя античной поэзии Фет, упорно стремясь к абсолютно точной передаче буквы и духа оригинала, стал профессиональным филологом-классиком. «Русские филологи, – писал киевский профессор-античник Ю.А. Кулаковский в 1889 г., – должны быть признательны г. Фету за ту помощь, которую оказывает он им в их задаче – сближать русское просвещение и русскую образованность с античным миром» [1, с. 4]. Из авторов, переведенных поэтом за последние десять лет жизни, составилась целый корпус «римской» библиотеки. Вслед за полным Горацием (М., 1883) им были переведены: Ювенал (М., 1885), Катулл (М., 1886), «Элегии» Тибулла (М., 1886), «Превращения» Овидия (М., 1887), «Элегии» Проперция (СПб., 1888), «Энеида» Вергилия (М., 1888), Персий (СПб., 1889), эпиграммы Марциала (М., 1891), комедия Плавта «Горшок» (М., 1891)¹; подготовленные Фетом «Скорби» Овидия увидели свет уже после его смерти (М., 1893) недавно был опубликован перевод двух глав трактата Лукреция «О природе вещей»².

В этой титанической работе Фет, по собственному признанию, пользовался советами, консультациями и помощью целого ряда лиц: М.Г. Киндлера,

¹ К этому перечню следует добавить переводы из Шекспира, Гёте, Гейне, Шиллера, Уланда, Бранже, Мюссе, Рюккерта, Саади, Гафиза, Байрона, Мицкевича, А. Шенье, а также такие сочинения А. Шопенгауэра, как «Мир как воля и представление» (М., 1881), «О четверном корне закона достаточного основания» (М., 1886), «О воле и природе» (М., 1886).

² См.: Неизданный перевод Фета. Лукреций. О природе вещей / публ. Н.П. Генераловой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 3. К 200-летию Афанасия Афанасьевича Фета (1820–2020). СПб.: Росток, 2018. С. 264–339 [2].

гимназического преподавателя латинской словесности, помогавшего Фету при переводе Горация, А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, Вл.С. Соловьева, классиков Ф.Е. Корша, Д.И. Нагуевского, А.В. Олсуфьева, Ю.А. Кулаковского и др. Фет вспоминал: «...мне приходится усердно благодарить людей ..., протягивавших руку помощи в моих работах. В самом деле, не удивительно ли, что, начиная с Аполлона Григорьева, я постоянно находил людей, бескорыстно жертвовавших в мою пользу своими досугами? Такими являлись: Федор Евгеньевич Корш, с которым мы проследили всего Ювенала, Овидиевы “Превращения”, Катулла и половину Проперция; Ник<олай> Ник<олаевич> Страхов, с которым я перечитывал Тибулла и Проперция; Влад<имир> Серг<еевич> Соловьев, исполнивший перевод 7-й, 9-й и 10-й книг “Энеиды” Вергилия; Д.И. Нагуевский, снабдивший этот перевод введением и примечаниями; и, наконец, граф Ал<ексей> В<асильевич> Олсуфьев, с которым мы просматривали 2-ю часть Проперция и в настоящее время усердно трудимся над переводом такого талантливого капризника, как Марциал. Разве можно без глубокой признательности помянуть все эти имена?» [3, с. 387–388].

Вместе с тем помощь знатоков и специалистов никак не влияла на собственный метод перевода античных авторов, который Фет упорно отстаивал на протяжении всей жизни. Изучение и публикация сохранившейся переписки поэта с названными выше лицами, так или иначе причастными к работе над античными переводами³, дает богатейший материал не только для житейской и творческой биографии поэта, но и для осмысления и анализа той новаторской техники перевода, которая до сих пор вызывает разноречивые споры. Еще при жизни поэта оппоненты, противопоставляя его переводы традиции творческого (или вольного) перевода, называли их «буквальными» или «буквалистскими», вкладывая в это понятие отрицательные коннотации. Из многочисленных высказываний Фета о задачах переводчика, рассеянных по его предисловиям, а также письмам, приведем одно из наиболее характерных: «Счастлив переводчик, которому удалось хотя отчасти достигнуть той общей прелести формы, которая неразлучна с гениальным произведением; это высшее счастье и для него, и для читателя. Но не в этом главная задача, а в возможной буквальности перевода; как бы последний ни казался тяжеловат и шероховат на новой почве чужого языка, читатель с чутьем всегда угадает в таком переводе силу оригинала, тогда как в переводе, гонящемся за привычной и приятной читателю формой, последний большею частью читает переводчика, а не автора» [4, с. 6]. Таким образом, «буквальность» перевода понимается Фетом как «буквальность» смысла, т. е. буквы и духа оригинала, постигать который способен лишь

³ См.: Асланова Г.Д. Письма А.А. Фета А.В. Олсуфьеву // Записки Отдела рукописей РГБ. М., 1995. Вып. 50. С. 214–246; М., 2000. Вып. 51. С. 251–279; М., 2004. Вып. 52. С. 106–134 [5]; Переписка А.А. Фета с Д.И. Нагуевским (1887–1890) / публ. С.А. Ипатовой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 1. М.; СПб., 2010. С. 365–449 [6]; Письма Ю.А. Кулаковского к Фету (1887–1892) / публ. С.А. Ипатовой // А.А. Фет: Материалы и исследования. Вып. 2. СПб., 2013. С. 428–520 [7].

читатель с чутьем, не ищущий «приятной» формы в передаче смысла подлинника⁴. К моменту обращения Фета к Вергилию официально он становится признанным переводчиком с древних языков: за перевод полного Горация (1883 г.) он в 1884 г. становится лауреатом Пушкинской премии, а в 1886 г. за переводческую деятельность в целом поэту было присвоено звание члена-корреспондента Академии наук по отделению русского языка и словесности.

Хроника работы Фета над полным переводом «Энеиды» с начала марта по осень 1887 г. в своем имении в селе Воробьевка Курской губернии восстанавливается по письмам как самого Фета, так и В.С. Соловьева, Н.Н. Страхова, Ю.А. Кулаковского, графа А.В. Олсуфьева, Д.И. Нагуевского и др., из которых выясняется мера их участия в переводе, а также детали совместной работы Фета с титульным соавтором Нагуевским, так и Соловьевым, приглашенным по этому провести лето в деревне. Итак, 7 марта 1887 г. Феты выехали из Москвы в свое курское имение⁵, в котором начиная с 1877 г. жили, как правило, с 1 марта по 1 октября. Через несколько дней, 11 марта 1887 г., Фет, уже работая над переводом первой книги, по рекомендации гр. Олсуфьева⁶ обратился к казанскому филологу-классику Нагуевскому⁷ с просьбой взять на себя написание «самонужнейших примечаний» к тексту, оговорив при этом, что, «конечно, имя Ваше должно будет украсить заглавный листок моего перевода»⁸. К этому вре-

⁴ Таким образом, не следует путать проблему буквального (дословного, подстрочного) перевода с проблемой буквальной передачи общего смысла и «строя», заложенного в переводимом произведении. Пытаясь понять механизм этого устойчивого заблуждения, мы столкнулись с прямо противоположным случаем, когда Фет упорно отказывается от школьного грамматически буквального прочтения одного из стихов, предлагаемого авторитетными изданиями, а также предшествующими (и добавим, последующими) переводчиками, отстаивая свое, полярно отличающееся прочтение, которое более точно, как нам кажется, передает поэтику, «строй», смысл и дух оригинала (см.: *Ипатова С. А.* «Как по крылам зашумят, тенетами рощу обступят...»: О фетовском прочтении одного стиха «Энеиды» Вергилия (*Аен. IV, 121*) // А. А. Фет: Материалы и исследования. Вып. 2. С. 108–126 [8].

⁵ См. письмо Фета к Олсуфьеву от 4 марта 1887 г.: Асланова Г.Д. Письма А.А. Фета А.В. Олсуфьеву // Записки Отдела рукописей РГБ. Вып. 50. С. 233.

⁶ Граф Алексей Васильевич Олсуфьев (1831–1915), генерал-лейтенант от кавалерии, не имел специального филологического образования, однако был страстным почитателем и серьезным знатоком римской поэзии. Был лично знаком с многими известными учеными-классиками. Преданно помогал Фету в исправлении и проработке переводов «XV книг Превращений» Овидия (1887 г.), «Элегий» Проперция (1888 г.), «Эпиграмм» Марциала (1891 г.) и др. Их дружба, основанная, по определению Фета, на «долговременном и драгоценном сотрудничестве», продолжалась до конца жизни поэта (см.: Асланова Г.Д. Письма А.А. Фета А.В. Олсуфьеву. Вып. 50. С. 214–223. Его основные работы: Олсуфьев А.В. Ювенал в переводе г. Фета [Д. Юния Ювенала Сатиры. В пер. и с объяснением А. Фета. М., 1885] / [Соч.] Ал.В. Олсуфьева – С.Петербург: Тип. В.С. Балашева, 1886. 126 с.; Олсуфьев А.В. Марциал: Биограф. очерк / [Соч.] гр. Олсуфьева. Москва: Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1891. 139 с.)

⁷ Дарий Ильич Нагуевский (1845–1919), доктор классической филологии, ординарный профессор Казанского университета по кафедре римской словесности, автор многочисленных комментированных изданий поэмы Вергилия для студентов гимназий и университетов (см.: Переписка А.А. Фета с Д.И. Нагуевским (1887–1890) / публ. С.А. Ипатовой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 1. С. 368–369).

⁸ Там же. С. 382.

мени Фет уже перевел половину первой книги из двенадцати имеющихся. Нагуевский дал согласие, и уже 29 апреля 1887 г. Фет сообщает гр. Олсуфьеву, что нездоровье тем не менее не помешало ему «добраться до конца пятой книги “Энеиды” и переслать Нагуевскому как образчик первую книгу»⁹. Оптимальную организацию совместной работы Фет видит следующим образом: «...я убедительно прошу Вас сначала беспощадно подчеркнуть те места для себя карандашом, которые Вы найдете неверными, причем Вы сами увидите, почему они неверны: потому ли, что я превратно понял оригинал, или потому только, что я, как рыба, бьюсь на крючке, которого она ни сбросить, ни проглотить не в силах. Вспомните, что мои ноги, или, лучше сказать, стопы, немилосердно сдержаны стопами гекзаметра, из которых выскочить я не имею права. В первом случае поправка по Вашему указанию для меня обязательна, а во втором только желательна, если достижима. ... в случае замеченного Вами желательного исправления, Вам достаточно ... подчеркивать соответственные латинские слова и прописывать над ними желаемый Вами перевод» [6, с. 387].

С В.С. Соловьевым, сыном своего университетского товарища, историка С.М. Соловьева (1820–1879), Фет сошелся в середине 1870-х гг., однако, по справедливому замечанию публикатора их переписки Г.В. Петровой, «история собственно творческих взаимоотношений Фета и Соловьева, отмеченных не только общими интересами, но и человеческой близостью, начинается в 1881 году, с первых писем»¹⁰. Соловьев принимал участие в редактировании перевода «Фауста» Гете, выполненного Фетом в 1880 г. К 1880-м гг. относится их «римское» творческое содружество: в 1885 г. Соловьев помогает поэту в переводах Катулла, в 1886 г. – Овидия, лето 1887 г. было отмечено его активным участием в переводе Вергилия. Итак, давний друг и помощник в переводах прибыл в Воробьевку 16 апреля 1887 г. с целью погостить у поэта в летние месяцы, но так случилось, что в этот период Фет приступил к полному переводу «Энеиды» и помощь молодого друга оказалась весьма кстати. Вероятно, сразу же по прибытии в имение Соловьев писал матери: «...живу у Фета. <...> Жить у Фета приятно и очень спокойно»; «завтра я с Фетами еду в другую их деревню, в Воронежскую губернию, на несколько дней»¹¹. Фет ездил в Грайворонку Воронежской губернии с 15 по 19 мая, о чем писал К.Р. 26 мая 1887 г.¹² Неизвестно, участвовал ли Соловьев в этой поездке. В одном из писем к матери от весны 1887 г. он продолжает: «Фет борется с одышкой и немного дряхлеет.

⁹ См.: Асланова Г.Д. Письма А.А. Фета А.В. Олсуфьеву // Записки Отдела рукописей РГБ. С. 233–234.

¹⁰ См.: Переписка Фета с Вл.С. Соловьевым (1881–1892) / публ. Г.В. Петровой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 2. СПб.: Контраст, 2013. С. 362 [9].

¹¹ См.: Письма Владимира Сергеевича Соловьева: в 4 т. / под ред. Э.Л. Радлова. Т. 1. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1908. 283 с.; Т. 2. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1909. С. 50 [10].

¹² См.: Переписка <Фета> с вел. кн. Константином Константиновичем (К. Р.). 1886–1892 // А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. (Литературное наследство. Т. 103). Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 621 [11].

Впрочем, надеюсь, что еще продержится. Марья Петровна (жена Фета. – *С.И.*), накормив меня до бесчувствия, замечает с грустью: “И чем только жив? Ведь ничего не кушает!”» [10, т. 2, с. 51]. «Феты усиленно кланяются», – говорится в следующем письме [10, т. 2, с. 52]. В самом начале июня 1887 г. Соловьев сообщает матери: «А часто писать не о чем при совершенном однообразии моего теперешнего житья. <...> Разверзлись хляби небесные и повергли моего хозяина в пучину мрачного отчаяния. По этой же причине до сих пор не мог съездить с Марьей Петровной в монастырь Коренную Пустынь, где есть чудотворная икона. Здесь пока гощу только я один. На днях ждут Страхова», ... обещали заехать Кутузов, Цертелев и Кулаковский» [10, т. 2, с. 53]. «Итак, если ничего особенного не случится, – сообщает он матери в письме, вероятно, от середины июля того же года, – я располагаю до конца сентября пребыть в Воробьевке» [10, т. 2, с. 54].

К совместной работе с Фетом над переводом Соловьев приступил, видимо, сразу же по прибытии. 20 мая 1887 г. Фет сообщал жене Л. Толстого С.А. Толстой: «С шестнадцатого апреля гостит у нас милейший Владимир Сергеевич, который усиленно помогает мне, старику, в моей работе» [11, кн. 2, с. 144]. В тот же день Соловьев писал Н.Н. Страхову: «...перевожу с Афанасием Афанасьевичем “Энеиду”» [10, т. 2, с. 36]; а брату Михаилу сообщал: «Перевожу с Фетом Энеиду. Валяем по 80 стихов в день» [10, т. 4, с. 36], и следом отмечал языковые трудности: «Ужасно трудно переводить с латинского на русский. В латинском слова все короткие, а в русском длинные, да еще одним-то словом не всегда и обойдешься» [10, т. 4, с. 112]. 3 июня 1887 г. Фет, жалуясь своей корреспондентке писательнице С.В. Энгельгардт на «множество ненавистных» ему «материальных забот» по хозяйству, писал: «Единственную отраду в настоящее время представляет гостящий у нас на лето, знакомый Вам Владимир Сергеевич, который не хуже меня, или даже хуже болен, если принять в расчет, что он не достиг и половины моих лет. Это не мешает ему усердно помогать мне при переводе „Энеиды“, которая, как я чувствую, будет с поступлением осенью в печать, моей лебединой песней» [12, с. 393]. В свою очередь, Соловьев в письме к кн. Е.Г. Волконской от 29 июня 1887 г. сообщал: «Я так рад, что мое маленькое знание латинского языка и способность к версификации позволяет мне жить у моего теперешнего хозяина *с пользою для него*, разделяя его труд по переводу “Энеиды”»¹³.

О причинах привлечения Соловьева к этому сотрудничеству говорится в предисловии Фета: «...мы, с обычным рвением, принялись за перевод Энеиды, начало которого было одобрительно встречено знатоками. Так шло дело почти до конца пятой книги. Но затем усиливающиеся хронические недуги и мучительное ослабление зрения привели нас к убеждению, что работа наша или затянется на неопределенное время, или остановится на половине пути. <...> В

¹³ Цит. по: Переписка <Фета> с вел. кн. Константином Константиновичем (К.Р.). 1886–1892 // А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 2. С. 628.

такую, можно сказать, плачевную минуту бессилия, говоря выражениями древних, – музы неожиданно послали нам незаменимого помощника в лице Вл<адимира> Серг<еевича> Соловьева, превосходно владеющего русским стихом, при тонком эстетическом чутье и основательном знании латинского языка. Шестую книгу мы переводили с ним общими силами, а затем, в видах выигрыша времени, разделили труд, и седьмая, девятая и десятая книги вполне переведены им» [13, ч. 1, с. VIII–IX]. Из Предисловия не очевидно, что в действительности, инициатива помогать Фету принадлежала самому Соловьеву, приехавшему на длительный срок в Воробьевку отдыхать, что подтверждается письмом Фета к Олсуфьеву от 29 апреля 1887 г.: «...любезно вызвался помогать мне в переводе» [5, вып. 1, с. 233–234]. Позднее, в письме к Нагуевскому от 14 сентября 1887 г., Фет уточнит свое решение в отношении участия Соловьева: «Во избежание разноречий при нераздельном сотрудничестве он взялся перевести отдельно седьмую, девятую и десятую книги, о чем будет мною сказано в предисловии. Ибо целью моею никогда не было выставлять собственные заслуги, и я хотел дать нашей литературе то, чего в ней, к крайнему сожалению и стыду, до сих пор не было. Чьею рукою именно восполнится этот пробел, для меня безразлично» [6, с. 408].

В летние месяцы 1887 г. помимо Соловьева в Воробьевке побывали: античник, профессор Киевского университета Ю.А. Кулаковский (три дня; вероятно, с 23 по 26 августа), с которым Фет познакомился зимой 1884 г. в доме В.С. Соловьева, а также Н.Н. Страхов, гостивший в это лето дважды – со 2 по 5 июля 1887 г., в эти дни он просмотрел 45 стихотворений Фета, предназначенные для третьего выпуска «Вечерних огней», готовящихся поэтом к печати (книга вышла в январе 1888 г.) и второй его приезд состоялся с 15 по 23 августа 1887 г.; не исключено, что приезжали в Воробьевку А.А. Голенищев-Кутузов и Д.Н. Цертелев, которых, как сообщал Соловьев, «обещали захватить». Страхов в письме к А.Н. Майкову от 23 июля 1887 г. так описал совместную работу Фета и Соловьева: «Они взапуски переводят “Энеиду”; Соловьев приготавливает в утро стихов 50 из которой-то песни и потом прочитывает их Фету, причем, разумеется, начинаются частенько споры. Перевод того и другого близкий и верный, но неудобовразумительный точно так же, как и другие переводы Фета. Я промолчал, но узнал от Соловьева, что и он не одобряет этой методы»¹⁴. О не простом характере сотрудничества и сути возникавших разногласий через год Фет вспоминал в письме от 9 июля 1888 г. к вел. кн. Константину Константиновичу (К.Р.): «...приведу в подробности прошлогодние, вначале ожесточенные, споры мои с Вл. Соловьевым о гекзаметре и пентаметре, во время сотрудничества его при переводе “Энеиды”. Он никак не хотел понять, что большинство античных гекзаметров имеют цезуру, как отрубленную в конце третьей стопы: “Любо глядеть на тебя” / или “С диском блестящим когда” /»; <...> «Вл.

¹⁴ Цит. по: Переписка <Фета> с вел. кн. Константином Константиновичем (К. Р.). 1886–1892 // А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 2. С. 628.

Соловьев утверждал, что это безразлично, но, вслушавшись в стихи, переправил все свои переводы так, чтобы с цезурой совпадало и окончание слова, а затем уже вменял мне всякое подобное упущение в ошибку против благозвучия»¹⁵. Со своей стороны Соловьев, определяя принципы перевода платоновских диалогов, предпринятого им по давней просьбе Фета и посвященного его памяти, так описал эти разногласия в своем предисловии к «Творения Платона» (М., 1899): «Переводчик, желающий верно *передать*, а не *предать* своего автора (особенно когда дело идет об авторе классическом), должен одинаково остерегаться и Сциллы неуместного сочинительства, и Харибды мертвого буквализма. И то и другое одинаково несовместно с *верностью* перевода. <...> Кажется, что Сциллы сочинительства и “литературности” я вполне избежал в своих переводах, да это было и легко – требовалось только простое сознание своей обязанности и доброе намерение ее исполнить. Труднее было избежать Харибды буквализма <...>. Буквальность есть во всяком случае основа верного перевода, и отступать от нее позволительно только на достаточных основаниях. Но как определить эти основания? / Когда я с Фетом занимался переводом Энеиды, у нас возникали из-за этого ожесточенные споры. Афанасий Афанасьевич, как и следует, под верностью понимал прежде всего буквальную точность (разумеется, насколько она совместима с русской грамматикой), я же, в принципе с этим соглашаясь, не мог, однако, во многих случаях примириться с таким его переводом и требовал отступлений от безусловной точности. Так как за этими требованиями Фет не видел определенной нормы хорошего перевода, то он и недоумевал, чего же я в сущности желаю, и если иногда уступал, то не моим убеждениям, а тайному голосу собственного вкуса» [14, с. X–XI].

О пребывании в Воробьевке Кулаковского Фет сообщал 27 августа 1887 г. С.А. Толстой: «...в ночь Соловьев проводил на железную дорогу весьма милого профессора Киевского Университета – Кулаковского»¹⁶. Упоминает об этом пребывании ученого и Соловьев, писавший Страхову 6 сентября 1887 г. из Воробьевки «...после отъезда Вашего, кроме незнакомого Вам киевского профессора Кулаковского, никаких новых лиц не видал, и у нас все по-старому» [10, т. 1, с. 38]. Ученый неоднократно возвращался в своих письмах к теплым воспоминаниям о пребывании в имении – радушный прием хозяев, дружеское общение, творческая атмосфера. Гости не только наблюдали процесс совместного творчества Фета и Соловьева, но и, вероятно, высказывали свои замечания, особенно важными из них могли быть замечания и поправки филолога-классика Кулаковского. Позднее в анонимной рецензии «Русского вестника», принадлежащей, скорее всего, его перу, будет отмечено: «С удовольствием приветствуем мы этот новый труд нашего заслуженного перед классическим миром поэта», перевод которого «отличается вообще большой

¹⁵ Цит. по: Переписка <Фета> с вел. кн. Константином Константиновичем (К.Р.). 1886–1892 // А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 2. С. С. 702.

¹⁶ Цит. по: там же. С. 155.

точностью. <...> Нам попадались на глаза целые десятки стихов кряду, где не только каждый стих перевода точно соответствует стиху подлинника, но где перевод воспроизводит даже и самый порядок слов оригинала» [15, с. 289].

В Воробьевке Соловьев пробыл пять с лишним месяцев, до 22 сентября (см. письмо Соловьева к брату М.С. Соловьеву от 18 сентября 1887 г.). Вспоминая впоследствии это время как одно из лучших, Соловьев писал Фету из Франции 21 августа 1888 г.: «...не достает мне, сравнительно с прошлым летом, милого Воробьевского общества»; «наверное я не мог бы прожить так с удовольствием полгода, как прожил в Воробьевке» [10, т. 3, с. 117]. Свой вклад в общий перевод в виде трех книг Соловьев расценивал как авторский и принадлежащий ему всецело, хотя и оговорил, что «окончательная редакция» этих трех книг велась «сообща» с Фетом. Ценное свидетельство по этому поводу содержится в его письме от 4 сентября 1887 г. к кн. Д.Н. Цертелеву, на тот момент сотруднику «Русского вестника»: «...прилагаю для сентябрьской книги 7 новых стихотворений моего хозяина, которыми кроме меня восхищались Страхов и Кутузов. <...> я, со своей стороны имею пока предложить следующий распротоцензурный вклад в “Русский вестник”: три книги (или песни) “Энеиды” Вергилия в подстрочном переводе гекзаметрами. Может быть, Страхов говорил тебе что-нибудь об этом. Хотя при окончательной редакции мы работали сообща с Афанасием Афанасиевичем и, разумеется, я ему обязан более, чем он мне, тем не менее эти три книги я могу считать своей долей и предлагаю ее тебе от себя, – конечно, с согласия главного переводчика. За верность перевода может поручиться специалист, профессор латинской словесности (Киевского университета), которому я читал эти книги и который остался чрезвычайно доволен переводом (речь идет о Кулаковском. – С. И.). На счет русского стиха ты можешь судить сам, и если найдешь какую-нибудь какофонию, то я с удовольствием исправлю, коли это возможно без существенного ущерба для верности перевода. [Впрочем, *entre nous* сойт (между нами. – *фр.*), – мои гекзаметры вообще благозвучнее и яснее Фетовских]. Места это возьмет немного, в двух или даже трех №№ по листу или полтора на песню. Гонораром я тебя обижать не стану <...> скажу тебе откровенно, что ты мне сделаешь *большое одолжение*, напечатавши это неотлагательно... [Относительно 7 стихотворений Фета, конечно, не может быть никаких затруднений]¹⁷. Я забыл сказать, что ни одного сколько-нибудь серьезного перевода “Энеиды” у нас не было¹⁸; Жуковский перевел только 2-ую книгу (мои: 7-ая, 9-ая и 10-ая), так что мне кажется, что это для солидного литературного журнала не вредно» [10, т. 2, с. 254]. Об основной цели этой публикации (получить гонорар) говорится в ответном письме Соловьева

¹⁷ Вскоре в «Русском вестнике» были опубликованы три стихотворения Фета: I. Жду я, тревогой объят...; II. В степной глуши над влагой молчаливой...; III. Прости и все забудь в безоблачный ты час... (1887. № 9. С. 61–62).

¹⁸ Среди полных русских переводов, выпущенных до Фета, следует назвать перевод В. Петрова, выполненный рифмованными стихами (СПб., 1781–1786; александрийским стихом), И. Шершеневича (Варшава, 1868; размером подлинника – гекзаметром) и И. Соснецкого (М., 1872; рифмованным анапестом).

к Страхову от 6 сентября 1887 г.: «...7 стихотворений Афанасия Афанасьевича были уже посланы в редакцию “Русского Вестника”, а я с своей стороны могу предложить только три книги “Энеиды” с согласия Аф. Аф. – Моя цель при этом – получить деньги, а цель моего друга редактора – доставить мне оные» [10, т. 1, с. 38]. Трудно сказать, по какой причине публикация трех книг, переведенных Соловьевым, не состоялась ни в «Русском вестнике», ни в других изданиях. В декабре 1887 г. (ценз. разр.: 9 декабря) вышла первая часть перевода «Энеиды», включающая шесть книг. На титуле значилось: «Энеида Вергилия. Перевод А. Фета. Со введением, объяснениями и проверкою текста Д.И. Нагуевского, ординарного профессора имп. Казанского университета. Часть первая. I–VI. М., 1888»¹⁹. 27 февраля 1888 г. вышла вторая часть перевода (кн. VII–XII) с теми же титульными данными (ценз. разр.: 15 февраля).

Трудно переоценить значение имеющейся обширной переписки Фета и его титульного соавтора Нагуевского, в которой детально отразились все перипетии совместной работы и оказались озвучены неожиданные сведения, позволяющие уточнить некоторые детали привлечения и участия Соловьева в фетовском переводе «Энеиды». В процессе совместной работы над переводом, казалось бы, безоблачное и продуктивное сотрудничество с Нагуевским омрачилось неприятным инцидентом, в который, помимо непосредственных участников готовящегося издания «Энеиды», включая Соловьева, оказались вовлечены гр. А.В. Олсуфьев, Н.Н. Страхов, Н.Я. Грот, Ю.А. Кулаковский. Причина конфликта, в результате которого Нагуевский отказался от сотрудничества во второй части готовящейся книги, заключалась в следующем: по окончании работы над первой частью ученый-классик приложил к своему письму от 24 сентября 1887 г. образцы обложки и титульного листа первой части: «Два листка как образцы для обертки и заглав<ого> листа» (не сохр.), на которых обозначил себя не только как автора «введения», «объяснений» (т. е. комментариев), а также как специалиста, осуществлявшего «проверку» текста, но и редактора всего перевода²⁰. Фет, вероятно, согласился выставить на титуле имя Нагуевского и как редактора перевода тоже. 9 октября из типографии пришла первая корректура; дальнейшее развитие событий восстанавливается по письму Фета от 23 октября 1887 г.: «На днях находившийся в отсутствии сотрудник мой Влад<имир> Соловьев, увидав черновую обертки и заглавного листа (это было в кругу людей, принимающих живое участие в моей “Энеиде”), разразился, можно сказать без преувеличения, неожиданным для меня бунтом, укоряя меня в том, что я без ведома его открываю *товарищескую фирму*, в которой он, как несомненный сотрудник, имеет полное право участия, и напрямик заявил, что, довольствуясь заявлением в предисловии о его сотрудничестве, он положи-

¹⁹ 26 декабря 1887 г. Фет писал Я.П. Полонскому: «Прилагаю при сем только что вышедшую из печати первую часть “Энеиды”» (См.: Переписка с Я.П. Полонским. 1846–1892 // А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. (Литературное наследство; т. 103). Кн. 1. С. 614.

²⁰ См.: Переписка А.А. Фета с Д.И. Нагуевским (1887–1890) / публ. С.А. Ипатовой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. С. 410.

тельно отказывает в согласии на выставление фирмы без его имени, а равно и со включением его в оную. Точно также он находит слово *под редакциею* не соответственным действительности, ибо этою редакциею мы, как выше сказано, были заняты с ним много раз и после любезных указаний Ваших. Вчера Граф Олсуфьев был у меня и вполне становится в этом случае на сторону Соловьева и других знатоков, настоятельно требовавших от меня уступок Соловьеву. Надеюсь, Вы убедитесь, что я в настоящем случае только пассивен, ограничиваясь повторением на обертке Вашего заголовка с выпуском в нем слова *под редакциею* и оставляя: со введением и т. д.» [6, с. 414]. В ответном письме от 30 октября 1887 г. Нагуевский, уязвленный тем, что его якобы заподозрили в желании прославиться «правдами и неправдами», объяснил свое желание стать титульным «редактором перевода» тем, что «внимательно, с текстом в одной, с переводом в другой руке прочитывал» рукопись, а «проверять добросовестно, в полном объеме чужую работу несравненно труднее, чем двигать собственную»; и далее, настаивая на помещении на титуле обозначения «под редакциею», как «принадлежащее мне по существу дела», замечает в отношении Соловьева: «Что касается, до какой-то *товарищеской фирмы*, то последняя существует, вероятно, только в болезненном воображении Вашего сотрудника»; отказываясь от участия во второй части (книги VII–XII), Нагуевский мотивирует свой отказ тем, что «при промахах, замеченных мною в VII, IX и X книгах и допущенных Вашим сотрудником, мне пришлось бы вступать в пререкания и незаслуженно, как и в данном случае возбуждать “*rabiem*” (ярость – *лат.*) г. Соловьева» [6, с. 415–417]. Во время самоустранения Нагуевского (конец октября – начало ноября 1887 г.) Фет написал Кулаковскому (письмо не сохр.), предлагая ему заменить казанского ученого, и получил от него согласие²¹; но вскоре конфликт удалось уладить благодаря содействию гр. Олсуфьева, и Нагуевский вернулся к работе над второй частью²².

«Гр. Олсуфьев, – пишет Нагуевский 18 ноября 1887 г., – просит меня (письмо неизв.) продолжать сотрудничество в “Энеиде”. Сущность моего ответа и условия... он ... Вам, вероятно, сообщил, и от Вас будет зависеть» [6, 418]. В имеющихся письмах Олсуфьева к Фету нет никаких сведений об «условиях» Нагуевского; скорее всего, речь шла о части Соловьева и нежелании писать комментарии к ним, такое объяснение логически вытекает из письма Фета от 21 ноября 1887 г.: «Мною в настоящее время уже написаны примечания к четырем книгам: 7, 8, 9 и 10-й, и тексты оных по крайнему моему разумению и возможности исправлены», тем не менее, оговаривает Фет, «могут встретиться места, требующие Ваших указаний по неправильному их пониманию»; конечно и «несомненно, цель обоих нас при сотрудничестве дать литературе по воз-

²¹ См.: Письма Ю.А. Кулаковского к Фету (1887–1892) / публ. С.А. Ипатовой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 2. С. 459.

²² См. об этом подробнее: Переписка А.А. Фета с Д.И. Нагуевским (1887–1890) / публ. С.А. Ипатовой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. С. 373–378, 413–415.

возможности удовлетворительный перевод “Энеиды”; чтобы не повредить нашему общему труду, мы не должны до окончания его расходиться в разные стороны, но кроме этого не следует упускать из виду и того соблазна, в который мы введем публику, приученную заглавием 1-й части смотреть на книжку, как на продукт нашего общего труда и видящую вдруг, что мы по неизвестным ей причинам не держим нашего обещания. Не будет ли это некоторым подобием раздачи подписчикам журнала за вторую половину года не абонированного издания, а совершенно иной редакции?» [6, с. 420]. Нагуевский внес свои поправки и замечания к переводам книг второй части, работа над которой пришлось на декабрь 1887 г. – начало февраля 1888 г. Необходимо добавить, что сам Фет, в отличие от Соловьева или Кулаковского, отнесся к тщеславным претензиям Нагуевского весьма терпимо. «...я навсегда останусь Вам чистосердечно признательным, – писал он казанскому ученому 1 февраля 1889 г. в ответ на поздравление с литературным юбилеем, – за любезное сотрудничество Ваше ... и скажу прямо, что единственно Вам я обязан той сравнительной безупречностью издания, с какою появился этот мой перевод. Это я всегда скажу не во гнев разным хулителям, вносящим в дело какие-то личные оттенки» [6, с. 445].

Вскоре, как уже упоминалось, была опубликована анонимная восторженная рецензия в «Русском вестнике», принадлежащая, скорее всего, Кулаковскому; в рецензии отмечался низкий уровень работы Нагуевского, противопоставленный высокому качеству перевода Фета: «...г. Фет такой мастер стиха и так владеет русским словом, слогом и стилем, в его переводе видно столько продуманного труда ..., что наши филологи могут теперь надеяться, что Вергилий и у нас на Руси перестанет быть только *школьным* автором». Что касается участия Нагуевского, говорится в статье, то «нас удивило несколько то, что сколько мы ни старались найти собственное в его работе, это нам не удалось. Повсюду мы могли констатировать дословный перевод с немецкого. <...> Не беремся угадывать, на сколько Энеида в русском переводе г. Фета обязана своей исправностью и точностью “проверке текста”, произведенной г. Нагуевским, о которой г. Фет счел нужным заявить на заглавном листе» [15, с. 289–293]. По мнению того же Кулаковского о Нагуевском, высказанном им позднее в статье, посвященной юбилею Фета, перевод «Энеиды» «не выиграл от участия в деле его издания этого наивного компилятора чужой учености, который не останавливается и перед плагиатом. Различные более или менее тонкие оттенки в языке Вергилия, оставшиеся незамеченными г. Фетом, ускользнули и от г. Нагуевского ... Фет ... «владеет русским языком, как его мастер, тогда как г. Нагуевский в нем вовсе не хозяин. Образчики его собственного стиля в предисловии и примечаниях дают красноречивое свидетельство о том, как мало мог он быть компетентен в суждении о правильности передачи г. Фетом вергилиева текста на русский язык» [1, с. 8–9]. Хвалебная рецензия на перевод Фета была опубликована в «Пантеоне литературы». Ее автор, ученый-классик В.А. Алексеев, дал сравнительный анализ переводов Фета и Шершеневича, в котором наиболее удачным признал перевод Фета – «ценное приобретение для русской лите-

ратуры». Что касается Нагуевского, то и здесь ему были высказаны целый ряд серьезных замечаний, а также сожаление, что примечания «могли бы быть и обстоятельнее»²³.

Пристальное исследовательское внимание к технике фетовского перевода «Энеиды»²⁴ отчасти было вызвано участием в нем Соловьева: «Перевод “Энеиды” Вл. Соловьева не пользуется широкой известностью ни у читателей, ни даже у специалистов. <...> Отчасти это связано с тем, что перевод Соловьева появился в издании “Энеиды”, переведенной Фетом. Перед нами один из тех редких образцов переводческой техники, когда два поэта перевели одного автора», – пишет Т.Ф. Теперик [21, с. 158]. При этом нигде не сказано, почему Соловьеву «достались» части, «наиболее трудные как для перевода, так и для анализа». Следует отметить, что в большинстве исследований техника перевода Соловьева противопоставляется технике Фета не в пользу последнего. «Надо заметить, – полагает А.Ф. Лосев, – что перевод Соловьева звучнее и легче переводов Фета» [19, с. 78]. Как об «очень тяжелом и неуклюжем» переводе Фета в общем переводе Фета–Соловьева говорит и Ф.А. Петровский [17, с. 294–295]. «В целом принимая тенденцию Фета, – замечает Т.Ф. Теперик, – Соловьев все же избирательно отнесся к его требованиям» [21, с. 159], у Соловьева меньше, чем у Фета, и «традиционных эпических архаизмов», у Соловьева «не наблюдается механическое копирование», таким образом, «в метрике, стиле, фонетике соловьевского перевода достаточно свободы и вариативности в обращении с постулатами буквализма»²⁵. Фетоведение, благодаря этим усилиям, пополнилось высказываниями о базовом переводческом принципе поэта, в которых термин «переводческий буквализм» чаще звучит как приговор, если он высказывается в отношении Фета, а особенный «буквализм» в переводе Соловьева признается лучше фетовского. В чем же выразилась точность Соловьева? В той же статье Теперик читаем: «в лексике, в приближении к синтаксическому строю подлинника, в максимальной близости к оригиналу при передаче конкретных эпитетов <...> художественные достоинства перевода Вл. Соловьева, опровергают известную аксиому о том,

²³ См.: Алексеев В.А. Новые книги // Пантеон литературы. Ежемесячный историко-литературный журнал. 1888. Т. 1. Январь–Апрель. С. 28–31 (отдел «Современная летопись») [16].

²⁴ См.: Петровский Ф.А. Русские переводы «Энеиды» и задачи нового ее перевода // Вопросы античной литературы и классической филологии. М.: Наука, 1966. С. 293–306 [17]; Гаспаров М. Брюсов и буквализм (по неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Поэтика перевода: сб. статей / сост. С. Гончаренко, предисл. Е. Николовой. М.: Радуга, 1988. С. 35 [18]; Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990. 720 с. [19]; Топпер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2001. С. 100–106 (об эволюции переводческой концепции Фета) [20]; Теперик Т.Ф. Владимир Соловьев: поэтика перевода (на материале перевода «Энеиды» Вергилия) // Владимир Соловьев и культура Серебряного века. К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. М.: Наука, 2005. С. 158–164 [21].

²⁵ См.: Теперик Т.Ф. Владимир Соловьев: поэтика перевода (на материале перевода «Энеиды» Вергилия) // Владимир Соловьев и культура Серебряного века. К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. С. 159–160.

что буквализм – это неудавшаяся точность. Точность может быть и удавшейся, если она соединена с глубоким проникновением в художественный мир подлинника <...> впервые в истории русской переводческой практики было показано, что важен не столько сам по себе метод, сколько то, в руках у *кого* этот метод», к «такому выводу можно прийти, анализируя поэтику того “малохудожественного”, буквалистского метода, который Соловьев должен был применить в соответствии с принципами своего более авторитетного коллеги <...> Энеида» в переводе Вл. Соловьева доказывает как то, что перевод – это искусство, так и то, что вербальная точность не всегда столь опасна и разрушительна, как утверждали ее оппоненты» [21, с. 163–164]. Утверждения, высказанные в списочном порядке и не подкрепленные серьезным беспристрастным анализом, остаются лишь вкусовыми высказываниями. К тому же, отстаивая преимущество того или иного случая, следует иметь в виду, что принятие конкретного варианта носило зачастую коллективный характер: как отделить вклад окончательной редакции Нагуевского, Кулаковского, Фета и Соловьева. Так, 14 сентября 1887 г. Фет сообщал Нагуевскому, присылающему поправки, о Соловьеве и характере совместной работы с ним: «Увлекаясь знанием латинского языка, он не всегда справляется с немцами и в болезненном раздражении готов отстаивать явные промахи перевода. Тем не менее с большими усилиями с моей стороны мне мало-помалу удалось склонить его к принятию многочисленных вариантов, введенных мною в перевод, но затем уже он решительно противится всяческим поправкам с моей стороны» [6, с. 408]. Мы не имеем ни одного исследования, в котором был бы дан научный сравнительный анализ переводов девяти книг «Энеиды» Фета и трех книг Соловьева с учетом коллективного характера редакции. Даже если такой анализ и будет возможен и прозвучит не в пользу Фета, наука будет располагать доказательной базой, а не перечнем пристрастий в пользу того или другого соавтора. Заметим только, что, если бы перевод Соловьева существенно отличался от принципов, заданных Фетом, едва ли этот творческий союз был бы возможен и, зная щепетильность Фета, мы вряд ли имели бы имя Соловьева на титуле «Энеиды» как равноправного, но другого переводчика. Между тем все части перевода органичны и выполнены упорно декларируемом Фетом так называемым «буквальным» методом, стремящимся к абсолютной передаче буквы и духа оригинала. Итак, при отсутствии научного сравнительного анализа двух переводов нет оснований ни для вычленения части Соловьева, ни для признания ее преимуществ над основным фетовским переводом «Энеиды».

Список литературы

1. Кулаковский Ю.А. К юбилею А.А. Фета. Киев: Т-во печ. дела и торговли И.Н. Кушнерев и К^о в Москве, Киевск. отд-ние, 1889. 10 с.

2. Незданный перевод Фета. Лукреций. О природе вещей / публ. Н.П. Генераловой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 3. К 200-летию Афанасия Афанасьевича Фета (1820–2020). СПб.: Росток, 2018. С. 264–339.
3. Фет А.А. Мои воспоминания. 1848–1889: в 2 ч. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1890. Ч. 1. 452 с.; М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1890. Ч. 2. 402 с.
4. Ювенал Д. Юний. Сатиры. В переводе и с объяснениями А. Фета. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1885. 245 с.
5. Асланова Г.Д. Письма А.А. Фета А.В. Олсуфьеву // Записки Отдела рукописей РГБ. М.: Изд-во Российской государственной библиотеки, 1995. Вып. 50. С. 214–246; М.: Пашков дом, 2000. Вып. 51. С. 251–279; М.: Пашков дом, 2004. Вып. 52. С. 106–134.
6. Переписка А.А. Фета с Д.И. Нагуевским (1887–1890) / публ. С.А. Ипатовой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. С. 365–449.
7. Письма Ю.А. Кулаковского к Фету (1887–1892) / публ. С.А. Ипатовой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 2. СПб.: Контраст, 2013. С. 428–520.
8. Ипатов С.А. «Как по крылам зашумят, тенетами рощу обступят...»: о фетовском прочтении одного стиха «Энеиды» Вергилия (Aen. IV, 121) // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 2. СПб.: Контраст, 2013. С. 108–126.
9. Переписка Фета с Вл.С. Соловьевым (1881–1892) / публ. Г.В. Петровой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 2. СПб.: Контраст, 2013. С. 359–427.
10. Письма Владимира Сергеевича Соловьева: в 4 т. / под ред. Э.Л. Радлова. Т. 1. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1908. 283 с.; Т. 2. СПб.: тип. «Общественная польза», 1909. 369 с.; Т. 3. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1911. 340 с.; Т. 4. СПб.: Изд. «Время», 1923. 244 с.
11. А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. (Литературное наследство. Т. 103). Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 992 с.; Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 1039 с.
12. Фет Афанасий. Стихотворения. Проза. Письма. М.: Советская Россия, 1988. 464 с.
13. Вергилий. Энеида. Перевод А. Фета. Со введением, объяснениями и проверкою текста Д.И. Нагуевского, ординарного профессора имп. Казанского университета. Часть первая. I–VI. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1888. XXIII, 201 с.; часть вторая. VII–XII. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1888. 196 с.
14. Соловьев В. Предисловие // Творения Платона / пер. с греч. Владимира Соловьева. Т. 1. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1899. 366 с.
15. Б. п. <Кулаковский Ю.А.>. Энеида Вергилия / пер. А.А. Фета... Часть первая. I–VI. Москва. 1888... // Русский вестник. 1888. Т. 194. № 1. Январь. С. 289–293 (Отдел «Новости литературы»).
16. Алексеев В.А. Новые книги // Пантеон литературы. Ежемесячный историко-литературный журнал. 1888. Т. 1. Январь–Апрель. С. 28–31 (отдел «Современная летопись»).
17. Петровский Ф.А. Русские переводы «Энеиды» и задачи нового ее перевода // Вопросы античной литературы и классической филологии. М.: Наука, 1966. С. 293–306.
18. Гаспаров М. Брюсов и буквализм (по неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Поэтика перевода: сб. статей / сост. С. Гончаренко, предисл. Е. Николовой. М.: Радуга, 1988. С. 29–62.
19. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990. 720 с.
20. Топпер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2001. 253 с.
21. Теперик Т.Ф. Владимир Соловьев: поэтика перевода (на материале перевода «Энеиды» Вергилия) // Владимир Соловьев и культура Серебряного века. К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. М.: Наука, 2005. С. 158–164.

References

1. Kulakovskiy, Yu.A. *K yubileyu A.A. Feta* [To the anniversary of A.A. Fet]. Kiev: Tovari-shchestvo pechatnogo dela i trgovli I.N. Kushnerev i Ko v Moskve, Kievskoye otdelenie, 1889. 10 p.
2. Generalova, N.P. Neizdannyy perevod Feta. Lukretsiy. O prirode veshchey [Unreleased translation of Fet. Lucretia. About the nature of things], in *A.A. Fet: Materialy i issledovaniya. Vyp. 3. K 200-letiyu Afanasiya Afanas'evicha Feta (1820–2020)* [A.A. Fet: Materials and research / ed. by N.P. Generalova, V.A. Lukin. Issue 3. To the 200th anniversary of Afanasy Afanasyevich Fet (1820-2020)]. Saint-Petersburg: Rostok, 2018, pp. 264–339.
3. Fet, A.A. *Moi vospominaniya. 1848–1889, v 2 ch.* [My memories. 1848–1889, in 2 part]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i Ko, 1890. Part 1. 452 p.; Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i Ko, 1890. Part 2. 402 p.
4. Yuvenal, D. *Yuniy. Satiry. V perevode i s ob'yasneniyami A. Feta* [Junius. Satire. In translation and with the explanations of A. Fet]. Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova, 1885. 245 p.
5. Aslanova, G.D. Pis'ma A.A. Feta A.V. Olsuf'evu [Letters A.A. Fet to A.V. Olsufiev], in *Zapiski Otdela rukopisey RGB* [Proceedings of the Department of manuscripts of the RSL.]. Moscow: Izdatel'stvo Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki, 1995, issue 50, pp. 214–246; Moscow: Pashkov dom, 2000, issue 51, pp. 251–279; Moscow: Pashkov dom, 2004, issue 52, pp. 106–134.
6. Ipatova, S.A. Perepiska A.A. Feta s D.I. Naguevskim (1887–1890) [Correspondence A.A. Fet with D.I. Naguevskij (1887–1890)], in *A.A. Fet: Materialy i issledovaniya. Vyp. 1* [A.A. Fet: Materials and research. Issue 1]. Moscow; Saint-Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2010, pp. 365–449.
7. Ipatova, S.A. Pis'ma Yu.A. Kulakovskogo k Fetu (1887–1892) [The Letters of Yu.A. Kulakovskiy to Fet (1887–1892)], in *A.A. Fet: Materialy i issledovaniya. Vyp. 2* [A.A. Fet: Materials and research. Issue 2]. Saint-Petersburg: Kontrast, 2013, pp. 428–520.
8. Ipatova, S.A. «Kak po krylam zashumyat, tenetami roshchu obstupyat...»: o fetovskom prochtenii odnogo stikha «Eneidy» Vergiliya (Aen. IV, 121) [“How the wings will make a noise, the grove will be surrounded by tenets...”], in *A.A. Fet: Materialy i issledovaniya. Vyp. 2* [A.A. Fet: Materials and research. Issue 2]. Saint-Petersburg: Kontrast, 2013, pp. 108–126.
9. Petrova, G.V. Perepiska Feta s Vl.S. Solov'evym (1881–1892) [Fet's correspondence with Vl.S. Solovyov], in *A.A. Fet: Materialy i issledovaniya. Vyp. 2* [A.A. Fet: Materials and research. Issue 2]. Saint-Petersburg: Kontrast, 2013, pp. 359–427.
10. *Pis'ma Vladimira Sergeevicha Solov'eva, v 4 t., t. 1* [Letters of Vladimir Sergeevich Solovyov, in 4 vol., vol. 1]. Saint-Petersburg: Tipografiya «Obshchestvennaya pol'za», 1908, vol. 1. 283 p.; Saint-Petersburg: Tipografiya «Obshchestvennaya pol'za», 1909, vol. 2. 369 p.; Saint-Petersburg: Tipografiya «Obshchestvennaya pol'za», 1911, vol. 3. 340 p.; Saint-Petersburg: Izdanie «Vremya», 1923, vol. 4. 244 p.
11. *A.A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie, v 2 kn.* (Literaturnoe nasledstvo. T. 103) [A.A. Fet and his literary environment: in 2 books. (Literary heritage, Vol. 103)]. Moscow: IMLI RAN, 2008, book 1. 992 p.; Moscow: IMLI RAN, 2011, book 2. 1039 p.
12. Fet, A.A. *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma* [Poems. Prose. Letters.]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1988. 464 p.
13. *Vergilij. Eneida* [Vergilij. Eneida]. Moscow: Tipografij A.I. Mamontova i K°, 1888. Part 1. I–VI. 201 p.; Moscow: Tipografij A.I. Mamontova i K°, 1888. Part 2. VII–XII. 196 p.
14. Solov'ev, V. Predislovie [Preface], in *Tvoreniya Platona. T. 1* [The works of Plato. Vol.1]. Moscow: Izdanie K.T. Soldatenkova, 1899. 366 p.
15. B. p. <Kulakovskiy, Yu.A.>. Eneida Vergiliya. Ch. 1. I–VI. Moskva. 1888... [Eneida of Vergilij], in *Russkiy vestnik*, 1888, vol. 194, no. 1, Yanvar', pp. 289–293.
16. Alekseev, V.A. Novye knigi [New books], in *Panteon literatury. Ezhemesyachnyy istoriko-literaturnyy zhurnal*, 1888, vol. 1, Yanvar'–Aprel', pp. 28–31.
17. Petrovskiy, F.A. Russkie perevody «Eneidy» i zadachi novogo ee perevoda [Russian translations of the Aeneid and tasks of the new its translation], in *Voprosy antichnoy literatury i klas-*

sicheskoy filologii [Questions of ancient literature and classical philology.]. Moscow: Nauka, 1966, pp. 293–306.

18. Gasparov, M. Bryusov i bukvalizm (po neizdannym materialam k perevodu «Eneidy») [Bryusov and literalism], in *Sbornik statey «Poetika perevoda»* [The Poetics of translation: collection of articles]. Moscow: Raduga, 1988, pp. 29–62.

19. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Solovyov and his Time]. Moscow: Progress, 1990. 720 p.

20. Topper, P.M. *Perevod v sisteme sravnitel'nogo literaturovedeniya* [Translation into the system of comparative literature studies]. Moscow: Nasledie, 2001. 253 p.

21. Teperik, T.F. Vladimir Solov'ev: poetika perevoda (na materiale perevoda «Eneidy» Vergiliya) [Vladimir Solovyov: Poetics of Translation], in *Vladimir Solov'ev i kul'tura Serebryanogo veka. K 150-letiyu Vl. Solov'eva i 110-letiyu A.F. Loseva* [Vladimir Solovyov and the culture of the Silver age. To the 150th anniversary of Vl. Solovyov and the 110th anniversary of A.F. Losev]. Moscow: Nauka, 2005, pp. 158–164.

ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82:27

ББК 83.3:87(2)

Евлампиев Игорь Иванович

Санкт-Петербургский государственный университет, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры русской философии и культуры Института философии, Россия, г. Санкт-Петербург, e-mail: yevlampiev@mail.ru

«Преступление и наказание»: мистический роман о спасении мира через любовь Иисуса Христа и Софии¹

Представлено продолжение интерпретации романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Предлагается детальный анализ центрального эпизода романа – визита Раскольникова к Соне Мармеладовой, в результате которого выявлено множество скрытых намеков на историю Иисуса Христа. Обращается внимание на двойственный смысл высказываний Раскольникова о необходимости обрести власть над миром: власть материальную, опирающуюся на законы злого мира (в подражание Наполеону), либо власть духовная, отменяющую законы «злого» мира (в подражание Христу) и включающую в себя служение людям и принятие страданий за всех. Доказывается, что все загадочные и непонятные детали повествования получают естественное объяснение, если поставить в основание символического плана романа гностический миф о спасении мира через любовное соединение (сизигию) Иисуса Христа и Софии, которое происходит в эпилоге романа, где символический план полностью преобладает над реалистическим, что позволяет объяснить изменение стиля повествования, на которое обращали внимание многие исследователи.

Ключевые слова: *гностический миф, Иисус Христос, София, духовная власть, преображение мира*

Evlampiev Igor Ivanovich

St. Petersburg State University, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Russian Philosophy and Culture, Russia, St. Petersburg, e-mail: yevlampiev@mail.ru

“Crime and Punishment”: A Mystical Novel about Saving the World through the Love of Jesus Christ and Sophia

This article is a continuation of the interpretation of F.M. Dostoevsky's novel “Crime and Punishment”. A detailed analysis of the central episode of the novel, Raskolnikov's visit to Sonya Marmeladova, is here offered, and, as a result, many hidden allusions to the story of Jesus Christ are revealed. Attention is drawn to the dual meaning of Raskolnikov's statements about the need to gain power over the world: this is either material power, based on the laws of the evil world (in imitation of Napoleon), or spiritual power, canceling the laws of the world (in imitation of Christ), which includes serving people and accepting suffering for everyone. It is proved that all the mysterious and incomprehensible details of the narration receive a natural explanation when the Gnostic myth of the salvation of the world

© Евлампиев И.И., 2020

Соловьёвские исследования, 2020, вып. 4, с. 136.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 18-011-90003.

through the love union (sizigiya) of Jesus Christ and Sophia is put at the basis of the symbolic plan of the novel. This connection takes place in the epilogue of the novel, where the symbolic plan completely prevails over the realistic, which allows to explain the change in the style of the narrative, which was paid attention to by many researchers.

Key words: *Gnostic myth, Jesus Christ, Sophia, spiritual authority, transformation of the world*

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.136-150

Необычность Раскольникова как преступника проявляется с первых же минут его возвращения в мир в качестве свободной личности. После того как он избавляется от власти злых сил, заставивших его осуществить свое намерение по спасению всех людей в форме вульгарного убийства, в нем снова просыпается подавленная божественная сущность, которая решительно требует от него совершения поступка, противоположного преступлению, отрицающему его смысл и как бы «компенсирующего» совершённое зло. Все «рациональные» обоснования преступления теперь отвергаются им, он не хочет даже посмотреть, сколько денег лежит в кошельке, взятом у старухи, и не раздумывая, хочет выбросить все ее вещи в Неву. Он настолько решительно настроен на покаяние и принятие страданий, что только цепь случайных обстоятельств не позволяет ему сделать этого тут же, на следующий же день после преступления.

Но по мифологическому сюжету романа он не должен делать этого пока не найдет Софию, соединение с которой должно обеспечить плодотворность его жертвы. Главные сцены, в которых проступает мистический и символически-мифологический план романа – это встречи Раскольникова и Сони Мармеладовой, т. е. Иисуса Христа и Софии.

Уже первая их встреча у тела умирающего Мармеладова изображена таким образом, что в ней символические и мистические элементы явно преобладают над реалистическими. В предыдущем фрагменте романа Раскольников еще раз приходит на квартиру убитой старухи и еще раз переживает событие убийства, при этом он окончательно понимает, что его прежняя жизнь закончилась и у него только два выхода: покончить с собой или пойти в полицейскую контору и признаться в убийстве; «всё было глухо и мертво, как камни, по которым он ступал, для него мертво, для него одного...»². В этот момент он становится свидетелем трагического происшествия, и это заставляет его снова включиться в жизнь и проявить свое сострадание к людям: Мармеладов попадает под карету, и Раскольников просит полицейского и собравшихся людей нести его на квартиру, обещая заплатить за вызов врача. Трагическая смерть Мармеладова становится мистическим событием спасения Раскольникова, поскольку

² См.: Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 6. С. 135 [1]. (Далее ссылки на этот источник даются в тексте в круглых скобках с указанием только страниц.)

именно на его квартире он видит Соню, с которой, как он тут же понимает, его связывает сама судьба.

Появление Сони в переполненной комнате, где лежит ее умирающий отец, описано с неожиданным подъемом, так, словно явилось существо иного мира: «Из толпы, неслышно и робко, протеснилась девушка, и странно было ее внезапное появление в этой комнате, среди нищеты, лохмотьев, смерти и отчаяния» (с. 143). В чем, собственно говоря, «странность» появления Сони не объясняется, наоборот, сказано, что она тоже была в «лохмотьях», в грошовом наряде, т. е. вполне соответствовала обстановке и тем людям, которые собрались в комнате. Впрочем, через несколько строк Достоевский дает объяснение «странности» появления этой девушки, упоминая о ее платье с длинным хвостом и о «смешной соломенной круглой шляпке с ярким огненного цвета пером» (с. 143). Здесь в очередной раз проявляется талант писателя так выстраивать текст, чтобы в зависимости от читательской установки его можно было понять либо реалистически, либо увидеть в нем некий мистический план происходящего.

Этот мистический план выступает более ясно в конце сцены, когда Раскольников, уходя из квартиры умершего Мармеладова, испытывает невероятный прилив жизненных сил, преодолевая ощущение конца жизни и господства смерти. «Он сходил тихо, не торопясь, весь в лихорадке и не сознавая того, полный одного, нового, необъятного ощущения вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни. Это ощущение могло походить на ощущение приговоренного к смертной казни, которому вдруг и неожиданно объявляют прощение» (с. 146). Очевидно, что резкая перемена состояния героя вызвана не смертью Мармеладова. Логично предположить, что причиной этого перелома является любовь к Соне, которая, вероятно, внезапно вспыхнула в душе Раскольникова. В самой сцене нет ни малейших намеков на это, хотя дальше мы узнаем, что любовь зародилась именно в этот момент. Раскольников таким образом характеризует свое состояние: «Довольно! – произнес он решительно и торжественно, – прочь миражи, прочь напускные страхи, прочь привидения!.. Есть жизнь! Разве я сейчас не жил? Не умерла еще моя жизнь вместе с старою старухой! Царство ей небесное и – довольно, матушка, пора на покой! Царство рассудка и света теперь и... и воли, и силы... и посмотрим теперь! Померяемся теперь! – прибавил он заносчиво, как бы обращаясь к какой-то темной силе и вызывая ее. <...> Сила, сила нужна: без силы ничего не возьмешь; а силу надо добывать силой же, вот этого-то они и не знают» (с. 147).

Показательно противопоставление во внутреннем монологе Раскольникова *Царства небесного* и *Царства рассудка и света*, в сопоставлении этих понятий находится ключ к разгадке рассматриваемого эпизода. Здесь ясно противопоставлены ключевые символы двух форм христианства, двух разных форм понимания Бога и религиозной веры. В ортодоксальном, церковном христианстве Царство небесное является главным понятием, обозначающим посмертное существование с Богом, в совершенном бытии, в «раю». Но с точки зрения ис-

тинного, гностического христианства это представление является ложным, это главный обман Демиурга, с помощью которого он успокаивает людей, заставляет их смиряться с разгулом зла и с бесконечными страданиями. Раскольников с явной иронией «отправляет» убитую им старуху в это фантастическое Царство, в которое он не верит, поскольку знает, что вся церковная религия есть ложь Демиурга. После встречи с Соней, с мистической Софией, заключающей в себе полноту божественной сущности, он знает о настоящем идеале бытия и жизни, который связан с ней, который она может открыть ему и всем людям. София есть Премудрость и Свет, поэтому ее совершенное Царство Раскольников определяет как *Царство рассудка и света*. И темная сила, которую он вызывает на поединок, это, конечно, Демиург, повелитель земного мира.

После встречи с Соней, осознав возможность иной жизни, не подчиненной законам злого мира, Раскольников чувствует необходимость общения с людьми, он идет к Разумихину и без всякого повода рассказывает ему о смерти Мармеладова, а потом говорит самое главное, ради чего пришел и затеял весь этот разговор: «...я там видел еще другое одно существо... с огненным пером» (с. 150). Можно восхититься талантом Достоевского так выстроить текст, что подразумеваемый в нем мистический смысл органично соединяется с реалистическим описанием и может быть принят невнимательным читателем за малозначительную деталь. Формально эта фраза продолжает описание облика Сони в сцене смерти Мармеладова, так как там была упомянута шляпка с «огненным пером», но вне этого контекста приведенные слова вряд ли применимы к женщине-проститутке и к ее шляпке; человек с развитой культурной памятью узнает здесь образ Софии, которая в иконописной традиции изображалась в виде ангела с огненными крыльями. Этот фрагмент встает в один ряд с множеством аналогичных загадочных и сознательно двусмысленных фрагментов романа, которые в сумме дают совершенно недвусмысленное описание Сони как гностической Софии.

Кульминацией романа является первый визит Раскольникова к Соне, которая живет в комнате, принадлежащей семье портного Капернаумова. Только в этой сцене они наконец по-настоящему узнают друг друга и между ними возникает любовь. Тем не менее в набросках к роману проводится мысль о том, что герои не должны явно демонстрировать свою любовь: их любовь – это не обычная земная привязанность, не страсть, а *мистическая, высшая* предназначенность друг другу, это единая судьба, необъяснимая законами земного мира. В записи под заголовком «Идея романа главная» Достоевский пишет: «К Мармеладовой он ходил вовсе не по любви, а как к Провидению»³.

Необычная фамилия портного, у которого живет Соня, явно намекает на символически-мифологический план романа, ведь Капернаум – это важнейший символ Иисуса Христа, это название города, где он начал свое мистическое и

³ См.: Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Рукописные редакции // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 7. С. 146 [2].

пророческое служение. Тот факт, что квартира Капернаутовых имеет не только реалистическое, но и символическое значение, отсылающее к евангелиям, настолько очевиден, что он уже был замечен исследователями. Заключение в этой фамилии символизм становится еще нагляднее, если вспомнить, как в романе описывается само это семейство. Как пишет Б.Н. Тихомиров, «не может не броситься в глаза чрезмерная, нарушающая художественную норму физическая ущербность всего семейства Капернаутовых: "...а Капернаумов хром и косноязычен, и всё многочисленнейшее семейство его тоже косноязычное. И жена его тоже косноязычная" (с. 18) <...> Капернаутовы, действительно, весьма напоминают тех косноязычных, "немых и хромых, которых приводили к Христу на исцеление", их описание "явно дано в каноне житийно-евангельских повествований"» (Тихомиров цитирует текст романа «Преступление и наказание» и работу М.С. Альгмана «Достоевский. По вехам имен»)⁴. Однако никто из исследователей, отметивших очевидный факт евангельской «маркировки» жилища Сони, не довел эту мысль до естественного вывода о том, что именно здесь, имея в виду символически-мифологический план романа, должно начаться высшее служение того, кто выступает в романе символическим двойником Христа.

Далее в тексте читателя ожидают сплошные загадки, которые никто из исследователей не пытается разгадать, несмотря на их очевидную заданность писателем. Диалог начинается со странного вопроса Раскольникова о времени:

«— Я поздно... Одиннадцать часов есть? — спросил он, все еще не подымая на нее глаз.

— Есть, — пробормотала Соня. — Ах да, есть! — заторопилась она вдруг, как будто в этом был для нее весь исход, — сейчас у хозяев часы пробили... и я сама слышала... Есть.

— Я к вам в последний раз пришел, — угрюмо продолжал Раскольников, хотя и теперь был только в первый, — я, может быть, вас не увижу больше...» (с. 242).

Вопрос о времени кажется ничего не значащим и случайным, но Соня воспринимает его удивительно серьезно, словно понимая, что за ним скрыт очень важный смысл, при этом в авторском комментарии использовано слово «исход», которое намекает на некий сакральный смысл ее ответа. Тем более что следующее соединение в одной фразе «первого и последнего» уже не может быть случайным и неважным, здесь дан очередной намек на Христа (в иконографии это словосочетание обозначается с помощью букв «альфа» и «омега»).

Разгадка вопроса о времени обнаруживается буквально через несколько фраз, когда Раскольников вспоминает первую встречу с Мармеладовым в трактире и историю о том, как Соня была вынуждена пойти на панель: «Мне ваш отец всё тогда рассказал. Он мне всё про вас рассказал... И про то, как вы в шесть часов пошли, а в девятом назад пришли, и про то, как Катерина Ивановна

⁴ См.: Тихомиров Б.Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. С. 77 [3]; Альгман М.С. Достоевский. По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. С. 56 [4].

у вашей постели на коленях стояла» (с. 243). В обозначении времени («в шесть часов пошли, а в девятом назад пришли») совершенно очевидно обнаруживаются параллели с хронологией распятия и мученической смерти Христа: «В шестом же часу настала тьма по всей земле и [продолжалась] до часа девятого. В девятом часу возопил Иисус громким голосом: Элои! Элои! ламма савахфани? – что значит: Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? Некоторые из стоявших тут, услышав, говорили: вот, Илию зовет. А один побежал, наполнил губку уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить, говоря: постойте, посмотрим, придет ли Илия снять Его. Иисус же, возгласив громко, испустил дух» (Мк. 15, 33–37). Аналогичный текст содержится в Евангелии от Матфея (Мф. 27, 45–50) и в Евангелии от Луки (Лк. 23, 44–46). Хотя указания евангелий не являются вполне однозначными, существует устойчивое мнение, что распятие свершилось в шестом иудейском часу, и сразу после этого наступила тьма на земле.

Поскольку иудейский отсчет времени начинался с рассвета, который весной наступает в 6 часов утра, *шестой час* евангелий соответствует промежутку с 11 до 12 часов утра по нашему времени. Это позволяет понять, почему Раскольников приходит к Соне в 11 часов вечера и почему придает такое принципиальное значение этому времени. Этот час, само число *одинадцать*, имеет для него сакральное значение, он понимает, что сейчас начинается его Голгофа, что в этой встрече с Соней заключен высший мистический смысл: он встает на путь преображения в Спасителя этого мира, в Мессию, повторяющего жертвенный подвиг Иисуса Христа.

Спасти Соню-Софию, а вместе с ней себя и весь земной мир Раскольников может, соединившись с ней в акте мистической любви. Но прежде он должен убедиться, что, несмотря на свое униженное положение, она действительно несет в себе божественную силу и способна сделать ее действенной и спасительной для всех. Лейтмотивом всей встречи Раскольникова с Соней является *проверка ее мистической сущности*, опознание в ней божественной силы, которую он чувствует в ней, но которую должен заставить проявиться хотя бы на мгновение.

В этой проверке Раскольников проявляет намеренную жестокость, он ставит перед Соней вопросы, на которые нет ответа и которые подводят ее к мысли об обреченности всех ее попыток спасти Катерину Ивановну и ее детей:

«– Катерина Ивановна в чахотке, в злой; она скоро умрет, – сказал Раскольников, помолчав и не ответив на вопрос.

– Ох, нет, нет, нет! – И Соня бессознательным жестом схватила его за обе руки, как бы упрашивая, чтобы нет.

– Да ведь это ж лучше, коль умрет.

– Нет, не лучше, не лучше, совсем не лучше! – испуганно и безотчетно повторяла она.

– А дети-то? Куда ж вы тогда возьмете их, коль не к вам?

– Ох, уж не знаю! – вскрикнула Соня почти в отчаянии и схватилась за голову. Видно было, что эта мысль уж много-много раз в ней самой мелькала, и он только испугнул опять эту мысль» (с. 245).

Наконец он задает самый страшный вопрос высказывает самую страшную мысль, которая должна показать Соне абсолютную безвыходность ее положения:

« – С Полечкой, наверно, то же самое будет, – сказал он вдруг.

– Нет! нет! Не может быть, нет! – как отчаянная, громко вскрикнула Соня, как будто ее вдруг ножом ранили. – Бог, Бог такого ужаса не допустит!..

– Других допускает же.

– Нет, нет! Ее Бог защитит, Бог!.. – повторяла она, не помня себя.

– Да, может, и Бога-то совсем нет, – с каким-то даже злорадством ответил Раскольников, засмеялся и посмотрел на нее» (с. 246).

В своей вере Раскольников не отвергает Бога, но он не признает того «общепринятого» Бога-Творца, к которому обращаются с молитвой все люди и которого почитают добрым и справедливым; этот Бог существует, но он не может спасти людей от зла и страданий, поскольку сам и является источником всего зла и всех страданий в нашем мире. Поэтому Раскольников и злорадствует над Сониной верой в этого Бога (Демиурга) и над надеждой на то, что он защитит Поленьку от той же страшной судьбы, что постигла Соню. Однако, внимательно всматриваясь в нее, он находит в ней не только бессмысленную веру в доброго Бога-Творца, но также глубоко скрытую от нее самой, но по-настоящему спасительную веру в настоящего высшего Бога-Отца, которого нельзя найти ни на «небе», ни где бы то ни было еще, который живет в глубине нас самих.

Раскольников задает себе вопрос о том, как можно продолжать жить в ее положении, сохраняя ясное и ответственное сознание, в то время как для нее кажется возможными только два пути: либо покончить с собой от безвыходности, либо отдаться стихии разврата, принять это как норму, забыв о Боге и его заповедях. Пытаясь найти объяснение ее жизненной стойкости, он подходит к окончательному пониманию Сони и ее отношения к миру и к Богу: «Что она, уж не чуда ли ждет? И наверно так. Разве все это не признаки помешательства?» (с. 248). И дальше он пытается проверить свою догадку, сам спрашивая о ее вере в Бога, над которой только что насмеялся:

« – Так ты очень молишься Богу-то, Соня? – спросил он ее.

Соня молчала, он стоял подле нее и ждал ответа.

– Что ж бы я без Бога-то была? – быстро, энергично прошептала она, мельком вскинув на него вдруг засверкавшими глазами, и крепко стиснула рукой его руку.

“Ну, так и есть!” – подумал он.

– А тебе Бог что за это делает? – спросил он, выпытывая дальше.

Соня долго молчала, как бы не могла отвечать. Слабенькая грудь ее вся колыхалась от волнения.

– Молчите! Не спрашивайте! Вы не стоите!.. – вскрикнула она вдруг, строго и гневно смотря на него.

“Так и есть! так и есть!” – повторял он настойчиво про себя.

– Всё делает! – быстро прошептала она, опять потупившись.

“Вот и исход! Вот и объяснение исхода!” – решил он про себя, с жадным любопытством рассматривая ее» (с. 248).

На вопрос Раскольников о том, молится ли она Богу, Соня не отвечает прямо, чуть позже она признается, что редко бывает в церкви, это означает, что тому Богу, которого почитают в церкви, она не молится, да и вряд ли считает настоящим Богом. Вместо ответа она восклицает: «Что ж бы я без Бога-то была?» В этом ее восклицании самым главным словом является «была»: она имеет в виду свое *бытие*, и это означает, что речь идет не о том далеком и «чужом» Боге, к которому нужно обращаться с молитвой, не зная дошла ли она и будет ли на нее ответ, а о том *настоящем* Боге, без которого невозможно *бытие* человека, которого Соня ощущает *как часть самой себя*.

Раскольников всё больше понимает, что Соня не простая женщина, что она несет в себе законы иного, божественного мира, хотя сама не знает об этом. Глядя на ее гневную реакцию, вызванную его вопросами и иронией по поводу ее веры, Раскольников угадывает в этом хрупком, маленьком теле невероятную энергию, ждущую освобождения: «...всё это казалось ему более и более странным, почти невозможным. “Юродивая! юродивая! – твердил он про себя”» (с. 248). Он осознает, что находится не в обычной комнате петербургского доходного дома, а в сакральном пространстве, где свершается событие, способное изменить судьбу всего земного мира: «Всё у Сони становилось для него как-то страннее и чудеснее, с каждой минутой» (с. 249).

Но окончательный смысл «странного и чудесного», происходящего в камерке Сони, проявляется при чтении истории воскрешения Лазаря из Евангелия от Иоанна. Раскольников понимает, что она ждет именно такого чуда, которое изображено в этой истории. И он показывает ей, что признает это чудо *своим чудом* – тем, к чему он готов.

Достоевский приводит в тексте романа почти весь фрагмент Евангелия от Иоанна, излагающий историю Лазаря, но при этом он разбивает его вставками, в которых дает описание состояния Сони, причем наиболее значимыми с содержательной точки зрения оказываются две вставки, которые отделяют от остального текста ответ Марфы на вопрос Христа, верит ли она его словам о вечной жизни. Марфа уклоняется от прямого ответа на вопрос Иисуса и говорит не о вере в вечную жизнь, а о своей вере в то, *что он является Христом, Сыном божьим*. Вырывая это высказывание из контекста и делая его высшей точкой рассказа Сони, обращенного к Раскольникову, Достоевский добивается неожиданного эффекта: *Соня, обращаясь к Раскольникову, именно его признает Христом, Сыном Божьим*. Именно здесь наиболее наглядно проявляется тот факт, что Достоевский сопоставляет Раскольникова с Христом не в косвенном и

метафорическом смысле (что уже было замечено в исследовательской литературе⁵), а в *буквальном* смысле.

«“Иисус сказал ей <Марфе>: *Я емь воскресение и жизнь*; верующий в меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в меня не умрет вовек. Веришь ли сему? Она говорит ему:

(и как бы с болью переведя дух, Соня отдельно и с силою прочла, точно сама во всеуслышание исповедовала:)

Так, Господи! Я верую, что ты Христос, сын божий, грядущий в мир”.

Она было остановилась, быстро подняла было на *него* глаза, но поскорей пересилила себя и стала читать далее» (с. 250).

В авторском замечании в скобках, предваряющем слова Марфы, Достоевский акцентирует внимание на то, что эти слова Соня говорит *от себя*, это *ее исповедание*, имеющее смысл здесь и сейчас, в этой нищенской каморке петербургского дома, и адресованы они не евангельскому Христу, а студенту Раскольникову. Но и этого мало, в комментарии, следующем за этой фразой, подчеркнута, что именно на *него* смотрит Соня, и именно *ему* обращает эти слова, чтобы через них он обрел веру. Достоевский выделяет курсивом слово «него», чтобы у нас не оставалось сомнения в подлинном смысле ее слов и ее исповедания: *именно его, Раскольникова, она признает Христом*. В символическом плане романа Соня-София всю жизнь ждет явления Христа, Спасителя, и в этой сцене она узнает его. Она призывает Раскольникова уверовать в свое предназначение, и он принимает ее призыв: «У меня теперь одна ты ... Пойдем вместе... Я пришел к тебе. Мы вместе прокляты, вместе и пойдем!» (с. 252).

На ее естественный вопрос «Куда идти?» он сначала отвечает совершенно неопределенно, но затем в его рассуждениях появляется ясная логика.

«— Надо же, наконец, рассудить серьезно и прямо, а не по-детски плакать и кричать, что Бог не допустит! Та не в уме и чахоточная, умрет скоро, а дети? Разве Полечка не погибнет? Неужели не видала ты здесь детей, по углам, которых матери милостыню высылают просить? Я узнавал, где живут эти матери и в какой обстановке. Там детям нельзя оставаться детьми. Там семилетний развратен и вор. А ведь дети — образ Христов: “Сих есть царствие божие”. Он велел их чтить и любить, они будущее человечество...

— Что же, что же делать? — истерически плача и ломая руки, повторяла Соня.

— Что делать? Сломать, что надо, раз навсегда, да и только: и страдание взять на себя! Что? Не понимаешь? После поймешь... Свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. Вот цель! Помни это! Это мое тебе напутствие! Может, я с тобой в последний раз говорю. Если не приду завтра, услышишь про всё сама, и тогда припомни эти тепереш-

⁵ См.: Касаткина Т.А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 12 [5].

ние слова. И когда-нибудь, потом, через годы, с жизнью, может, и поймешь, что они значили» (с. 252–253).

Объясняя Соне, что он имеет в виду, Раскольников прежде всего снова противопоставляет наивную веру в Бога-Творца, характерную для обычных, безвольных людей, и свое разумное и решительное отношение к миру. Он лаконично, но точно определяет главное зло этого мира и главный прием управляющих им сил, с помощью которого они держат в подчинении людей: они *зубят детей*, развращают их и тем самым лишают человечество будущего. Важно правильно понять, что говорит Раскольников: «Я узнавал, где живут эти матери и в какой обстановке. Там детям нельзя оставаться детьми». Его протест против зла, господствующего вокрут, – это не эмоциональный жест, остающийся без последствий, но часть хорошо продуманного плана, который основан на внимательном *познании* законов этого злого мира. И появление имени Христа в этом контексте чрезвычайно важно, учитывая тот факт, что содержательно это имя звучит *лишь в рассматриваемой сцене* (в других местах романа оно появляется еще трижды, но только в формальном выражении «ради Христа»). Раскольников тем самым задает единственное надежное основание для борьбы с властителями мира и демонстрирует, что он сам стоит именно на этом основании и выступает от имени Христа как его новое воплощение. Соня соглашается с ним и поэтому спрашивает, *что же нужно делать*.

Первая часть ответа Раскольникова озадачивает своей странной неясностью, но одновременно безусловной глубиной и серьезностью: «Сломать, что надо, раз навсегда, да и только: и страдание взять на себя! Что? Не понимаешь? После поймешь... Свободу и власть, а главное власть!». В контексте его предыдущих проникновенных слов о детях это высказывание можно понять как желание *сломать, отменить* сами законы, на которых строится этот мир и власть злого Демиурга над ним. Эта цель, безусловно, является мистической, сверхъестественной, она по силам только тем, кто обладает божественной сущностью. Утверждая, что он готов взять на себя страдания всего мира, Раскольников показывает, что идет по пути Христа и, значит, обладает, в потенции, в возможности, той же мистической властью над миром, что и Христос. Именно в этом смысле можно понять следующее высказывание о том, что Спасителем мира станет тот, кто сумеет обрести подлинную *свободу* от законов этого мира и *власть* над ним. Правда, далее раскрывается прямой смысл той «власти», которую хочет получить Раскольников, он говорит о власти в духе законов этого мира: «Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!..» Именно так властвует над миром Демиург и его подручные, от Наполеона до последней старушонки-процентщицы, подобной той, которую убил Раскольников.

В этом вновь проявляется двусмысленность жизни и поступков обитателей земного мира, даже тех, кто сумел раскрыть в себе божественную силу и понял свое высшее предназначение. Будучи по своей низшей, материальной природе творением Демиурга, они все свои деяния вынуждены совершать или хотя бы мыслить в форме, определенной законами этого мира. Раскольников,

имея в виду спасение мира и всех людей, вынужден представлять свое деяние одновременно и в мистической форме отмены всех законов мира, и в привычной для этого мира форме господства над его безропотными и слабыми обитателями, опирающегося на эти законы. Но, выдвигая на первый план готовность принять на себя страдания мира, он показывает, что в его словах о «власти» главным является первый смысл, определенный его подобием Христу, а не второй, связанный с подобием Демиургу и его земным подражателям, «наполеонам». Это подтверждается и подготовительными материалами к роману, где Соня во время второй встречи с Раскольниковым спрашивает его, вероятно, имея в виду сказанные ранее слова о власти: «Как же вы говорили вчера, как власть имеющий?» [2, с. 166]. Этот оборот речи явно отсылает к евангелиям, где точно так же о Христе спрашивали фарисеи, с удивлением угадывая в нем мистическую власть над людьми и над всем земным бытием.

Когда Раскольников в конце утверждает, что Соня должна будет когда-нибудь, «через годы», понять, что значили его слова, он тоже намекает на то, что, помимо явного и слишком очевидного смысла, они имеют глубокий мистический смысл и говорят о такой цели, которая достигается не мгновенно, а на всем протяжении земного существования. Но особенно явно мистический план повествования выступает в самом конце, когда Раскольников, прощаясь с Соней, обещает в следующий раз сказать ей, кто убил Лизавету, и добавляет при этом: «Я тебя давно выбрал, чтоб это сказать тебе, еще тогда, когда отец про тебя говорил и когда Лизавета была жива, я это подумал» (с. 253). Никакими «психологическими странностями» Раскольникова невозможно объяснить эти слова, которые означают, что он с самого начала знал о своей судьбе и о своем предназначении, – точно так же, как об этом знал Христос и сказал ученикам на тайной вечере.

Во время второй их встречи уже Соня подумала про себя, что она словно бы предчувствовала всё, что с ними произошло, и даже с жаром высказала эту мысль Раскольникову: «И зачем, зачем я тебя прежде не знала! Зачем ты прежде не приходил? О Господи!» (с. 316). Он же в самый момент признания Соне в том, что именно он – убийца, увидел в ее лице лицо убитой им Лизаветы: «...он смотрел на нее и вдруг, в ее лице, как бы увидел лицо Лизаветы» (с. 315). Всё это приметы той мистической системы отношений, которая охватывает героев романа и составляет его главное измерение, к сожалению не замечаемое подавляющим большинством читателей. В этом измерении Соня-София выражает сущность всех женщин и поэтому находится в отношениях «двойничества» с Лизаветой, с Дуней, с девушкой, которую Раскольников встречает на бульваре. С наибольшей художественной выразительностью это «двойничество» показано в отношениях Сони и Лизаветы. И тот факт, что Раскольников убивает Лизавету, хотя совсем не хочет этого, делает особенно ярким противоречивый характер его деяния, направленного против законов злого мира и всего его устройства, но губящего самое незащищенное и страдающее существо.

Помимо Сони, два других значимых героя романа – следователь Порфирий Петрович и Свидригайлов – обладают мистическим зрением и угадывают великое предназначение Раскольникова. Особенно явно об этом говорит Порфирий Петрович во время последней встречи с ним, когда предлагает ему явиться с повинной. «Еще Бога, может, надо благодарить; почему вы знаете: может, вас Бог для чего и бережет. А вы великое сердце имейте да поменьше бойтесь. Великого предстоящего исполнения-то струсили? <...> Что ж, что вас, может быть, слишком долго никто не увидит? Не во времени дело, а в вас самом. Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу прежде всего надо быть солнцем» (с. 351–352). Слова о том, что Раскольникова долго никто не увидит, заставляют вспомнить важный мотив, содержащийся в подготовительных материалах к роману: там говорится о «скрытом» Христе, который «непрерывно есть где-нибудь»⁶. Можно добавить, что солнце – это один из самых распространенных символов Христа, особенно часто встречающийся в святоотеческой литературе⁷. Наконец, в конце романа путь Раскольникова к полицейской конторе, к признанию и покаянию, выстроен таким образом, что намекает на голгофский путь Христа, это уже было замечено в исследовательской литературе⁸.

На протяжении всего романа мы видим столкновение двух начал личности Раскольникова: низшего, материального, встроенного в мир зла и подчиняющегося его законам, и высшего, божественного, ищущего правды и добра. Последний раз и очень остро это столкновение происходит в эпилоге, уже на каторге. Раскольников снова оправдывает свой поступок, настаивая на том, что он вполне соответствует основаниям и законам нашего мира, и констатируя, что он своим деянием только довел до ясного итога то, что в то или иной степени делает каждый. Его сон о моровой язве, заставившей людей предаться закону зоологического эгоизма и принять убийство нормой жизни, демонстрирует окончательное раскрытие злого начала – и во всем мире, и в нем самом. Но именно это и помогает герою окончательно преодолеть внутреннюю раздвоенность своей натуры.

На самых последних страницах романа изображено, как Раскольникова охватывает всепоглощающая любовь к Соне и для них начинается новая жизнь:

«Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени. В первое мгновение она ужасно испугалась, и все лицо ее помертвело. Она вскочила с места и, задрожав, смотрела на него. Но тотчас же, в тот же миг она все поняла. В глазах ее засветилось бесконечное счастье; она поняла, и для нее уже не было

⁶ См.: Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Рукописные редакции // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. С. 191.

⁷ Ср.: Тарасова Н.А. Христианская тема в «Преступлении и наказании» в контексте изучения и интерпретации религиозных воззрений писателя // Достоевский и мировая культура. Альманах № 32. СПб.: Серебряный век, 2014. С. 39 [6].

⁸ Там же. С. 36–37.

сомнения, что он любит, бесконечно любит ее и что настала же, наконец, эта минута...

Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого» (с. 421).

Можно увидеть явный диссонанс между этим финальным описанием невероятного (и не до конца ясного) чувства, охватившего героев, и предшествующим изложением. Ведь их любовь уже не раз описывалась ранее, мы не можем сомневаться в ней, поскольку она уже прошла испытание каторгой и связанными с ней трудностями. Происходящее на последних страницах мгновенное преобразование внутреннего состояния Раскольникова к «благостной» однозначности и определенности выглядит необоснованным и не укладывается в логику повествования, если его рассматривать с реалистической точки зрения. Этот диссонанс отмечал, например, М.М. Бахтин, который признал эпилог «монологическим» высказыванием, выглядящим искусственно и неорганично на фоне характерной для Достоевского «полифонии»⁹.

Можно заметить, что тот же Бахтин считал, что Достоевский использует в рассказах «Бобок» и «Сон смешного человека» жанр античной мениппеи или средневековой мистерии, в которых действие происходит «не только “здесь” и “теперь”, а во всем мире и в вечности: на земле, в преисподней и на небе»¹⁰. Но Бахтин почему-то не признавал наличие этого плана в больших романах Достоевского. На возможность понимания больших романов как мистерий прямо указывал только Л. Гроссман¹¹.

Догадка Гроссмана важна для правильного понимания творчества Достоевского, однако по-настоящему полно раскрыть символический, мистический план его романов до сих пор не удалось никому; в общем убеждении романы Достоевского считаются реалистическими произведениями, включающими только отдельные символические элементы. На деле Достоевский создал совершенно новый тип романа, в нем за *каждым* элементом, имеющим очевидное содержание, проступает *глубинный мистический смысл*, который с точки зрения общей композиции является *более важным*, чем поверхностный реалистический смысл, именно он определяет всё построение произведения.

В финале «Преступления и наказания» Достоевский более прямо, чем во всем предшествующем тексте, выражает именно символический, мистический смысл романа, всей рассказанной в нем истории. Гностический миф, положенный в основу романа, заканчивается соединением в мистическом акте любви

⁹ См.: Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч. В 7 т. М.: Русские словари, 1996–2012. Т. 7. С. 105 [7].

¹⁰ Там же. С. 165.

¹¹ См.: Гроссман Л. Путь Достоевского. Л.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1924. С. 10 [8].

(сизигии) Иисуса Христа, до конца понявшего свое призвание, и Софии, являющей благодаря этому акту свою божественную сущность, о которой она раньше не знала сама. Этот итог и изображен в эпилоге, при этом переход в символический план позволяет объяснить и оправдать изменение стиля повествования на самых последних страницах романа, в противном случае, оценивая их по критерию реалистической литературы, их нужно было бы признать очевидной неудачей Достоевского.

Соня предстает на этих последних страницах уже не в качестве жалкой, страдающей женщины, находящейся на грани гибели и вызывающей сочувствие, как это было раньше, а как женское воплощение божественной благодати и силы, вызывающее уважение и любовь даже у самых закоренелых преступников: «...когда она являлась на работах, приходя к Раскольникову, или встречалась с партией арестантов, идущих на работы, – все снимали шапки, все кланялись: “Магушка, Софья Семеновна, мать ты наша, нежная, болезная!” – говорили эти грубые, клейменные каторжные этому маленькому и худенькому созданию. Она улыбалась и откланивалась, и все они любили, когда она им улыбалась. Они любили даже ее походку, оборачивались посмотреть ей вслед, как она идет, и хвалили ее; хвалили ее даже за то, что она такая маленькая, даже уж не знали, за что похвалить. К ней даже ходили лечиться» (с. 419).

Ничего этого не было в Соне до встречи с Раскольниковым, резкое изменение ее сущности стало результатом их встречи и их любви – несмотря на остающееся отчуждение Раскольникова. Когда их соединение (мистическая сизигия) становится полным, их состояние вообще выходит за пределы всего реального. В гностическом мифе София, спасенная Иисусом, покидает земной мир и уходит в Плерому, в божественную сферу, где обретает окончательное совершенство (это подробно описано в известном гностическом тексте Пистис София, хорошо известном уже в эпоху Достоевского), точно так же и герои романа переходят в какую-то новую и загадочную реальность: «Но тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новою, доселе совершенно неведомою действительностью» (с. 422).

Однако этот прямой намек на финал гностического мифа сочетается в романе с пониманием того, что просто уйти из мира Демиурга, спастись только самим для героев романа невозможно. В той оригинальной, творчески переработанной версии мифа, которую использует Достоевский, Иисус и София, раскрыв свою божественную силу и возвысившись над миром зла, должны вернуться в него, чтобы попытаться переделать его, – ведь только ради этой цели и прожил свою романную жизнь Раскольников. В финале он обретает силы для этого мистического деяния – «великого подвига»; в будущем он, безусловно, должен будет попытаться совершить его, это и нужно считать *мистическим* итогом романа: «Он даже и не знал того, что новая жизнь не даром же ему достается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великим, будущим подвигом...» (с. 422).

Закончив на этом роман, Достоевский не мог оставить без разъяснения, что же за «великий подвиг» должен совершить новый Иисус Христос, прошедший земной путь испытаний и обретший свою божественную силу. В следующем романе он заставил его вернуться в земной мир, чтобы попытаться исправить его с помощью самой главной своей силы – любви.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1972–1990. 424 с.
2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Рукописные редакции // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 7. Л.: Наука, 1972–1990. 416 с.
3. Тихомиров Б.Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
4. Альтман М.С. Достоевский. По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. 318 с.
5. Касаткина Т.А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
6. Тарасова Н.А. Христианская тема в «Преступлении и наказании» в контексте изучения и интерпретации религиозных воззрений писателя // Достоевский и мировая культура. Альманах № 32. СПб.: Серебряный век, 2014. С. 21–46.
7. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч. В 7 т. Т. 7. М.: Русские словари, 1996–2012. С. 5–300.
8. Гроссман Л. Путь Достоевского. Л.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1924. 238 с.

References

1. Dostoevskiy, F.M. Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 6* [Complete Works in 30 vol., vol. 6]. Leningrad: Nauka, 1972–1990. 424 p. (in Russian).
2. Dostoevskiy, F.M. Prestuplenie i nakazanie. Rukopisnye redaktсии [Crime and Punishment. Handwritten Editions], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 7* [Complete Works in 30 vol., vol. 7]. Leningrad: Nauka, 1972–1990. 416 p. (in Russian).
3. Tikhomirov, B.N. «Lazar'! gryadi von». *Roman F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii: kniga-kommentariy* [“Lazarus! come out”. F.M. Dostoevsky's novel “Crime and Punishment” in the modern reading: commentary]. Saint-Petersburg: Serebryanyy vek, 2005. 472 p. (in Russian)
4. Altman, M.S. *Dostoevskiy. Po vekham imen* [Dostoevsky. By milestone names]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1975. 318 p. (in Russian).
5. Kasatkina, T.A. *Svyashchennoe v povsednevnom: dvusostavnyy obraz v proizvedeniyakh F.M. Dostoevskogo* [The sacred in everyday life: a two-part image in the works of F.M. Dostoevsky]. Moscow: IMLI RAN, 2015. 528 p. (in Russian).
6. Tarasova, N.A. Khristianskaya tema v «Prestuplenii i nakazanii» v kontekste izucheniya i interpretatsii religioznykh vozzreniy pisatelya [The Christian theme in “Crime and Punishment” in the context of the study and interpretation of the writer's religious views], in *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'manakh № 32* [Dostoevsky and world culture. Almanac No. 32]. Saint-Petersburg: Serebryanyy vek, 2014, pp. 21–46 (in Russian).
7. Bakhtin, M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics], in Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy v 7 t., t. 7* [Works in 7 vol., vol. 7]. Moscow: Russkie slovary, 1996–2012, pp. 5–300 (in Russian).
8. Grossman, L. *Put' Dostoevskogo* [The way of Dostoevsky]. Leningrad: Izdatel'stvo Brokgauz-Efron, 1924. 238 p. (in Russian).

УДК 7.01:82.0(470)

ББК 83.0

Филатов Антон Владимирович

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, научный сотрудник научной лаборатории «Rossica. Русская литература в мировом культурном контексте», Москва, Россия, e-mail: avphilatov@yandex.ru

Два подхода к анализу пространственно-временной организации произведения (М.М. Бахтин и В.М. Жирмунский)¹

Рассматриваются две концепции анализа художественного произведения. Первая разработана М.М. Бахтиным на основе широкого эстетико-философского подхода; вторая – В.М. Жирмунским на основе более специфического формально-поэтологического подхода. Данные концепции продемонстрированы обоими исследователями в работах 1920-х годов на примере разбора стихотворений А.С. Пушкина. Утверждается, что концепция Бахтина создавалась в полемике с основными положениями Жирмунского, который был близок к позиции представительшей формальной школы, а также учитывала достижения Л.В. Щербы в области лингвистического анализа поэтического текста. Излагаются принципиальные различия в методологических концепциях философа и литературоведа, касающиеся природы словесного творчества и понимания пространственно-временной организации произведения. На основе сопоставления двух анализов стихотворения «Для берегов отчизны дальней...» доказывається, что Жирмунский сводит пространственный и временной аспекты художественного произведения к композиционному расположению словесного и звукового материала, поскольку рассматривает словесное творчество как лингвистический феномен, тогда как Бахтин обращается к пространству и времени эстетической реальности, проводя различие между композиций и архитектуроникой произведения. Демонстрируется, что философ воспринимает произведение как поле диалога различных субъектов сознания (автора, героев, читателя), в то время как литературовед исходит из главенства автора как создателя системы художественных приемов, отводя читателю позицию пассивного восприятия. В заключение делается вывод, что обе методологии анализа органично дополняют друг друга, представляя собой разбор словесно-композиционного (Жирмунский) и предметно-архитектонического (Бахтин) уровней художественного произведения.

Ключевые слова: методология анализа поэтического текста, пространственно-временная организация, эстетика словесного творчества М.М. Бахтина, методология В.М. Жирмунского, лингвистический подход Л.В. Щербы, формальный метод в литературоведении, поэтика художественного произведения, ценностный анализ, словесно-композиционный уровень произведения, предметно-архитектонический уровень произведения, поэзия А.С. Пушкина

© Филатов А.В., 2020,

Соловьевские исследования, 2020, вып. 4, с. 151.

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект №17-18-01432-П).

Filatov Anton Vladimirovich

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
 Researcher at the Research Laboratory «Rossica: Russian Literature in the Context of World Culture»,
 Russia, Moscow, e-mail: avphilatov@yandex.ru

Two approaches to the analysis of spatial and temporal organizations of a literary work (M.M. Bakhtin and V.M. Zhirmunsky)

This article examines two methodologies for analyzing a literary work. The first one was developed by M.M. Bakhtin on the basis of a broad aesthetic and philosophical approach; the second one was developed by V.M. Zhirmunsky on the basis of a more specific formal and poetological approach. These methodologies were applied by both researchers to A.S. Pushkin's poems in the 1920s. It is argued that Bakhtin's methodology was worked out in opposition to the main provisions of Zhirmunsky, who was close to the position of Russian formalism, also taking into account L.V. Shcherba's achievements in the field of the linguistic analysis of a poetic text. This article describes the fundamental differences in the methodological conceptions of the philosopher and the literary critic concerning the nature of verbal creativity and understanding of the spatial and temporal organization of a literary work. The comparison of two analyses of Pushkin's poem "For the Shores of Distant Homeland...", shows that Zhirmunsky reduces the spatial and temporal aspects of a work of art to the compositional arrangement of verbal and sound material, since he considers verbal creativity as a linguistic phenomenon, while Bakhtin refers to the space and time of aesthetic reality, drawing a distinction between the composition and the architectonics of the literary work. It appears that the philosopher perceives the work as a field of dialogue between various subjects of consciousness (the author, the characters, the reader), while the literary critic proceeds from the author's primacy as creator of a system of artistic techniques, giving the reader a position of passive perception. It is concluded that both methods of analysis complement each other organically, Zhirmunsky analyzing the verbal-compositional dimensions of a literary work and Bakhtin its objective-architectonic dimension.

Key words: methodology of analysis of a poetic text, spatial and temporal organization, M.M. Bakhtin aesthetics of verbal creativity, V.M. Zhirmunsky's methodology, L.V. Shcherba's linguistic approach, formal method in literary studies, poetics of an artistic work, value analysis, verbal-compositional level of artistic work, subject-architectonic level of artistic work, A.S. Pushkin's poetry

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.151-161

Как известно, в своих ранних работах, написанных в 1920-е годы, М.М. Бахтин занимался разработкой эстетики словесного творчества, стремясь к широкому общегуманитарному и философскому осмыслению сущности художественной деятельности. Центральной в его теории была проблема взаимодействия автора и героя как двух ценностных центров художественной реальности. В качестве иллюстрации своих теоретических и методологических положений философ анализирует два стихотворения А.С. Пушкина – «Для берегов отчизны дальней...» (1830 г.), которое называет «Разлука», и «Воспоминание» (1828 г.). Выбор данных текстов является неслучайным и раскрывает полемическое отно-

шение Бахтина к двум другим разборам этих стихотворений, выполненным В.М. Жирмунским и Л.В. Щербой².

Философ анализирует «Разлуку» в работах «<К философии поступка>» и «<Автор и герой в эстетической деятельности>», а к «Воспоминанию» обращается в труде «К вопросам методологии эстетики словесного творчества». Комментаторы этих исследований отмечают, что все они «тесно, в том числе и текстуально, связаны между собой. От первой работы М.М.Б. почти сразу переходит ко второй, а затем оставляет вторую и пишет третью. При этом тексты этих работ настолько близки по времени создания, что материалы и темы предыдущего текста переходят в следующий» [1, с. 496].

В пользу того, что выбор для анализа «Разлуки» был инспирирован именно разбором Жирмунского, говорит тот факт, что в начале 1920-х гг. литературовед очень часто анализировал это стихотворение в печати и на публике. Это, в частности, зафиксировал К.И. Чуковский в своем дневнике 1922 года:

29 апреля <...> Видел вчера Сологуба <...>.

– Послушайте, – остановил он меня. – Знаете, какое – гнуснейшее стихотворение Пушкина? Самое мерзкое, фальшивое, надутое, мертвое...

– Какое? – «Для берегов Отчизны дальней». Оно теперь мне так омерзительно, что я пойду домой и вырву его из книги.

– Почему теперь? А прежде вы его любили?

– Любил! Прежде любил. Глуп был. Но теперь Жирмунский разобрал его по косточкам, и я вижу, что оно дрянь. Убил его окончательно.

Жирмунский уже года два в разных газетах, лекциях, докладах, книгах, кружках, брошюрах разбирает стихотворение Пушкина «Для берегов Отчизны дальней». Разбирает добросовестно, учено, всесторонне – и нудно... [2, с. 39–40].

Запись Чуковского подтверждается библиографическими фактами. В 1920-е годы Жирмунский опубликовал свой разбор «Разлуки» как минимум четырежды³. После первой публикации в газете «Жизнь искусства» разбор был включен в программную статью «Задачи поэтики». Факт знакомства Бахтина с этим текстом косвенно подтверждается упоминанием имени литературоведа в работе «К вопросам методологии эстетики...»: «Несмотря на бесспорную продуктивность и значительность вышедших за последние годы русских трудов по поэтике, занятая большинством этих работ общая научная позиция не может быть признана вполне верной и удовлетворительной, причем это касается в особенности работ представителей так называемого формального или морфологического метода, но распростра-

² Этой точки зрения придерживаются комментаторы ранних работ Бахтина. См.: Ляпунов В., Махлин В.Л., Николаев Н.И. Комментарии // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 496–497 [1].

³ См.: Жирмунский В.М. Как разбирать стихотворение? // Жизнь искусства. 1921. № 691–693. 12–15 марта. С. 1–2 [3]; Жирмунский В.М. Задачи поэтики // Начала: Журнал истории литературы и истории общественности. 1921. № 1. С. 72–80 [4]; Жирмунский В.М. Задачи поэтики // Задачи и методы изучения искусств. Пг.: Academia, 1924. С. 150–159 [5]; Жирмунский В.М. Задачи поэтики // Жирмунский В.М. Вопросы теории литературы. Л.: Academia, 1928. С. 58–73 [6].

няется также и на некоторые исследования, не принимающие этого метода вполне, но имеющие некоторые общие с ним предпосылки: таковы замечательные работы проф. *В.М. Жирмунского*» [7, с. 267].

Напомним, что и методологически, и мировоззренчески Бахтин противостоял формальной школе, сфокусированной на вопросах поэтики, понимаемой как исключительно техническая сторона искусства. И хотя Жирмунский не причислял себя к формалистам, он разделял многие положения, выдвинутые в работах В.Б. Шкловского, Ю.Н. Тынянова и Б.М. Эйхенбаума, включая тезис о приеме и материале как основных категориях литературоведческого анализа. Более того, как замечает Н.И. Николаев, указанная статья Жирмунского «до середины 1920-х гг. была единственной общетеоретической статьей среди работ формалистов»⁴ и поэтому воспринималась в филологической среде как научное обоснование формального метода. Именно в связи с этим Бахтин выбирает в качестве своего оппонента Жирмунского, а не Л.В. Щербу, статья которого «Опыты лингвистического истолкования стихотворений. I. “Воспоминание” Пушкина» (1923 г.), по-видимому, побудила философа обратиться к анализу того же стихотворения. Данный выбор объясняется тем, что, с одной стороны, Щерба анализирует текст исключительно с позиций лингвистики, а не литературоведения, а с другой – его работа, в отличие от статьи Жирмунского, не имеет развернутой теоретической преамбулы и представляет собой пример практического анализа поэтического текста с точки зрения науки о языке. Это подчеркивает сам автор: «Я чувствую, конечно, все несовершенство этих моих “опытов”; однако полагаю, что путь в них найден правильный – путь лингвистический ..., путь создания словаря, или, точнее, инвентаря, выразительных средств русского литературного языка» [9, с. 27].

Вероятно, для Бахтина расхождения между подходами двух филологов были не столь существенны, однако Щерба, будучи лингвистом, изначально не претендовал на литературоведческое значение собственной методики анализа (возможно, поэтому философ даже не упоминает его в своих ранних работах), тогда как в трудах Жирмунского, по словам Бахтина, «*поэтика прижимается вплотную к лингвистике*, боясь отступить от нее дальше чем на один шаг»⁵, что воспринимается теоретиком эстетики словесного творчества как методологически неверное решение.

Принципиальное различие в подходах философа и литературоведа заключалось во взглядах на природу художественного. Жирмунский выступает против потебнианской идеи образа как главного материала литературы, иллюстрируя ее несостоятельность на примерах из Пушкина: «Остановимся подробнее на поэтической образности пушкинского стихотворения. “Брожу ли я вдоль улиц шум-

⁴ См.: Николаев Н.И. Комментарии // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 729 [8].

⁵ См.: Бахтин М.М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 269.

ных...» – мы видим одинокого поэта на улице в толпе прохожих. Однако в каком городе происходит действие – в русском или иностранном? Какие в нем улицы – узкие или широкие? В какое время дня – утром или вечером? В дождь или в хорошую погоду? “Улицы шумные” – общее представление; словесное представление – всегда общее. В нашем воображении может возникнуть конкретное представление, индивидуальный случай, пример, образ, но опять – в зависимости от субъективных особенностей воспринимающего» [6, с. 25–26]. На основании этого Жирмунский выдвигает в качестве главного элемента литературного искусства не образ, а слово: словами поэт утверждает или отрицает некоторую ситуацию, «обозначает длительность действия, его повторность и т.п. <...> Все это – область слова, но <она> лежит за пределами наглядного представления – “образа”. С другой стороны, сюда относятся различные факты эмоциональной окраски слова, мыслительной и волевой оценки и т.д.» [6, с. 27].

Бахтин, на первый взгляд, был солидарен с подобной критикой психологической эстетики. Анализируя позицию Жирмунского, он почти дословно пересказывает ее, но уже на материале первых строк стихотворения «Воспоминание»: «... как, например, должны мы представлять себе “град” из указанного стихотворения Пушкина, как иностранный или как русский город, как большой или как маленький, как Москву или как Ленинград? Это предоставляется субъективному произволу каждого, произведение не дает нам никаких указаний, необходимых для построения единичного конкретного зрительного представления города; но если так, то художник вообще не имеет дела с предметом, а лишь со словом, в данном случае со словом “град”, не больше» [7, с. 306].

И все же такая позиция не устраивает Бахтина, поскольку специфика словесного искусства для него не сводится к лингвистической составляющей: «И поэт, в нашем примере, имеет дело с городом, с воспоминанием, с раскаянием, с прошлым и будущим – как с *этико-эстетическими ценностями* <...>. Компонентами эстетического объекта данного произведения являются, таким образом: “стогны града”, “ночи тень”, “свиток воспоминаний” и пр., но не *зрительные представления, не психические переживания вообще и не слова*. Причем художник (и созерцатель) имеет дело именно с “градом”: оттенок, выражаемый церковнославянскою формою слова, отнесен к *этико-эстетической ценности города*, придавая ей большую значительность, становится *характеристической конкретной ценностью* и как таковой входит в эстетический объект, т.е. *входит не лингвистическая форма, а ее ценностное значение* (психологистическая эстетика сказала бы – соответствующий этой форме эмоционально-волевой момент)» [7, с. 307]. Отметим, что последняя фраза обращена как будто бы именно в сторону Жирмунского, упоминавшего «факты эмоциональной окраски слова, мыслительной и волевой оценки» (курсив наш. – А.Ф.). Согласно Бахтину, слово является только материальным носителем эстетического компонента в словесном искусстве, поэтому не может быть главным объектом анализа художественного произведения. Таковым следует признать все элементы художественного мира, понятые как ценности в отношении автора и героев.

Такое коренное различие в подходах предопределяет и различие в анализе пространственно-временной организации стихотворения А.С. Пушкина «Разлука». Поскольку образный уровень, по Жирмунскому, субъективен, то пространственный и темпоральный аспекты произведения сводятся к композиционному расположению звукового и словесного материала. В соответствии с этим, литературовед начинает анализ с разбора ритмики, строфики и синтаксиса: «Стихотворение распадается на три больших строфы по восемь стихов. Каждая большая строфа состоит из двух малых по четыре стиха с обычным построением: два периода по два стиха (9 + 8 слогов) с метрическими ударениями на четных слогах связаны перекрестными рифмами. <...> Обстоятельственные слова и дополнения вынесены в большинстве случаев в первый, нечетный стих соответствующего периода, подлежащее и сказуемое поставлены во втором, четном стихе; придаточные предложения обстоятельственные стоят впереди главного. Эта почти последовательно произведенная “инверсия” создает своеобразный параллелизм в композиционном построении стихотворения» [6, с. 59–60]. Далее исследователь обращает внимание на поэтическое словоупотребление, противопоставляя его практическому языку: «Слово “берег” употреблено здесь в ином смысле, чем в разговорной речи (ср.: “Я стою на берегу реки”). Мы не сказали бы в практическом языке “покидала для берегов...”, но для “страны”, для самой “отчизны”. В метонимическом употреблении (как синекдоха) слово “берег” заменяет “страну” (часть вместо целого)» [6, с. 60–61]. Разбору в таком ключе подвергается каждое слово и словосочетание, в которых Жирмунский обнаруживает различные приемы, понимаемые им как усложнение практического языка.

В отличие от него, Бахтин почти не интересуется внешним композиционным построением стихотворения, как и различиями поэтического и прозаического языка. В центре его внимания – пространственно-временная организация эстетического объекта, т.е. не текста, а художественного мира, который создается в сознании автора и читателя посредством этого текста. Чтобы акцентировать эту направленность своего анализа, философ различает внешнюю композицию и внутреннюю, используя для последней термин «архитектоника»⁶, понимаемый как ценностная модель художественного мира. В противоположность Жирмунскому, Бахтин изначально не претендует на то, чтобы дать образец целостного анализа, заявляя, что намерен «выделять лишь те моменты, которые нам здесь нужны, и отвлекаться от всего остального, иногда хотя бы и в высшей степени существенного для целого художественного впечатления ... этот специальный и иногда даже приблизительно не исчерпывающий художественного целого характер нашего анализа я прошу иметь в виду»⁷.

⁶ См.: Бахтин М.М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. С. 276–279.

⁷ См.: Бахтин М.М. <Автор и герой в эстетической деятельности> // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 71 [10].

Внимание Бахтина настолько отвлечено от рассмотрения формальной композиции, что философ даже нарушает строфическое членение стихотворения: вместо деления текста на три строфы по 8 стихов он воспроизводит его в астрофическом виде, а при анализе разделяет на четверостишия (это вероятное следствие цитирования текста по памяти все же ярко свидетельствует о фокусе вынимания автора). Свой анализ он начинает с установления субъектов произведения (лирических героя и героини), каждый из которых формирует свой ценностный контекст – систему оценок всех элементов эстетического мира, причем «оба этих контекста в свою очередь объемлются единым ценностно-утверждающим эстетическим контекстом автора-художника, находящегося вне архитектоники видения мира произведения (не автор герой, член этой архитектоники), и созерцателя»⁸. Другими словами, для Бахтина эстетический объект создается на пересечении контекстов (ценностных установок, мировоззрений, сознаний) героев, автора и читателя; уже в ранних работах для философа важен диалог различных точек зрения и их интерференция в художественном мире, поскольку такой диалог – не признак, а обязательное условие художественного. Напротив, Жирмунский, анализирующий техническую сторону произведения, уверен, что «не читатель, а поэт создает произведение искусства»⁹, читатель же только пассивно воспринимает уже созданное, продуцируя в своем сознании индивидуальные образы. Поэтому одни и те же компоненты художественного пространства и времени стихотворения названные исследователи рассматривают с различных точек зрения. Это можно продемонстрировать уже на примере первых стихов пушкинского текста: «Для берегов отчизны дальней / Ты покидала край чужой». Бахтин стремится рассмотреть названные образы в соответствии с аксиологическими установками субъектов стихотворения. Здесь в речи героя передается ценностный контекст героини: «“Берега отчизны” лежат в ценностном пространственно-временном контексте жизни героини, для нее, в ее эмоционально-волевом тоне возможный пространственный кругозор становится *отчизною*: это момент события ее жизни. Также в соотношении с нею некоторое пространственное целое – как момент ее судьбы – становится “краем чужим”. Движение ее в отчизну – “ты покидала” – больше тонируется в направлении к герою, в контексте *его судьбы*: в направлении к ней лучше было бы сказать “возвращалась”, ведь она едет на родину. В судьбе его и ее ценностно уплотняется даль – эпитет “дальной” – они будут далеки друг от друга» [10, с. 73]. Бахтин показывает, что в ранней редакции стихотворения («Для берегов чужбины дальней / Ты покидала край родной») распределение ценностных контекстов было иным: здесь оба локуса «ценностно определены по отношению к герою»¹⁰. По мысли философа, в итоговом варианте Пушкин созна-

⁸ См.: Бахтин М.М. <К философии поступка> // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 60 [11].

⁹ См.: Жирмунский В.М. Задачи поэтики // Жирмунский В.М. Вопросы теории литературы. С. 25.

¹⁰ См.: Бахтин М.М. <Автор и герой в эстетической деятельности> // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. С. 73.

тельно диалогизирует художественное пространство, усиливая взаимопроникновение контекстов героя и героини и делая эстетический объект более совершенным художественно.

Жирмунский приходит к похожим результатам, но интерпретирует их в другом ключе: «*Отчизны дальной*». – В соединении существительного и эпитета характерно контрастное противопоставление: “родная”, т.е. “близкая” и вместе с тем “далекая”, страна (так наз. “оксиморон”). Такой же оксиморон представляет сочетание “горькое лобзанье”. Пушкин сознательно стремился к этому контрасту: в черновой редакции мы читаем “чужбины дальной”; это – тавтология, гораздо менее выразительная. Другой контраст образуют сочетания “отчизны дальной” и “край чужой”, поставленные на самом заметном месте стиха, в рифме. Эти контрасты словесных построений связаны с основным тематическим контрастом всего стихотворения: разлуки и свидания, любви и смерти» [6, с. 61]. Анализируя лексику, литературовед не соотносит ее с поляризацией художественного пространства, чувствами и ценностями различных субъектов сознания, а раскрывает функцию пушкинского приема контраста как реализации авторской установки на выразительность и соотносит его с тематикой произведения, обнаруживая проявление центральной семантической оппозиции на различных уровнях текста.

Примечательно, что оба исследователя анализируют данную оппозицию с учетом фактов биографии Пушкина, в частности с тем, что вероятным прототипом героини этого стихотворения была Амалия Ризнич – итальянка по материнской линии, в которую поэт был влюблен в Одессе. В мае 1924 года она уехала из Одессы в Италию, где вскоре умерла от чахотки. В самом стихотворении данный биографический контекст не эксплицирован: «отчизна дальняя» и «край чужой» не конкретизированы как Италия и Россия, однако и Жирмунский, и Бахтин идентифицируют их именно так. Впрочем, каждый из них по своему ограничивает роль биографических фактов анализа произведения. «Здесь мы и не имеем в виду устанавливать этот действительный прозаический контекст, для этого пришлось бы учесть биографическое событие (этическое) одесской любви Пушкина и ее отзвуки в последующее время» [10, с. 78–79], – пишет Бахтин, отмечая при этом не только разницу между эстетическим (художественным) и этическим (реальным) событиями, но и влияние биографии поэта на его творчество. В схожем ключе – замечание Жирмунского о том, что «“Россия” и “Италия” <...> нигде не названы: ведь это только малосущественные биографические подробности. Поэт заменяет эти точные слова метонимической перифразой: “отчизна дальняя” и т.п.» [6, с. 65]. Однако здесь литературовед фокусируется исключительно на разграничении творчества и действительности, вновь подчеркивая не жизнеподобие, а техническую сторону искусства – арсенал использованных Пушкиным приемов: «Поэт пользуется здесь условно-поэтическим языком поэзии “высокого стиля”. <...> В практическом языке мы сказали бы более ясно и точно: “Она уезжала в Италию и покидала Россию”. Поэт избегает такого прямого называния ...» [6, с. 61–62].

Анализ Жирмунского не является имманентным, но все же в нем ученый не выходит за пределы собственно литературного контекста, даже когда соотносит приемы с поэтической традицией пушкинской эпохи. И хотя для литературоведа стихотворение не представляется моносубъектным, он не акцентирует внимания на пересечении точек зрения субъектов сознания, как это делает Бахтин. Так, по поводу метонимии в стихах «Мои хладеющие руки / Тебя старались удержать» он пишет: «Взамен более отвлеченного целого поэт пользуется одним конкретным признаком: словно руками цепляется он за платье уходящей возлюбленной, словно все дело только в том, чтобы не дать ей уйти, удержать ее здесь ...» [6, с. 63]. Очевидно, что в данном высказывании Жирмунский не различает инстанции автора, внеположного художественному миру, и героя, активно в нем участвующего (одно из ключевых положений бахтинской эстетики). Иногда в работе актуализируется позиция читателя. Так, в связи с выразительностью метафор в строках «Но ты от горького лобзанья / Свои уста оторвала» исследователь замечает: «Мы почти ощущаем физическую горечь этого лобзанья» [6, с. 64]. В то же время литературовед не ставит перед собой задачи установить, чьи ценности (автора, героя, читателя) передаются тем или иным приемом: говоря, что повторение слова «час» «как бы подчеркивает эмоциональное волнение, создает эмоциональное ударение на повторяющихся словах»¹¹, автор работы не уточняет, кто является носителем этой эмоции.

В рамках анализа пушкинской «Разлуки» Жирмунский выступает как адепт лингвистической теории поэзии. Согласно его концепции, «каждой главе науки о языке должна соответствовать особая глава теоретической поэтики»¹². Однако он включает в поэтику и два нелингвистических раздела – композицию (с которой оказываются отождествлены пространственный и временной аспекты) и тематику, высказывая компромиссное утверждение, что «существуют такие элементы поэтического произведения, которые, осуществляясь в материале слова, не могут быть исчерпаны словесно-стилистическим анализом»¹³. В эстетико-философской концепции Бахтина соотношение ценностных контекстов автора и героев анализируются в таких аспектах, как внутреннее пространство, внутреннее время, ритм, интонация и тематика. Философ стремится раскрыть универсальные грани художественного, показав большую зависимость поэтики от общей эстетики, а не от языковой составляющей.

Столь различные методологии Бахтина и Жирмунского, тем не менее, органично дополняют друг друга как два уровня анализа литературного произведения – *словесно-композиционный* и *предметно-архитектонический*, являющихся важной частью на пути к целостному рассмотрению художественного творчества.

¹¹ См.: Жирмунский В.М. Задачи поэтики // Жирмунский В.М. Вопросы теории литературы. С. 62.

¹² Там же. С. 39.

¹³ Там же. С. 45.

Список литературы

1. Ляпунов В., Махлин В.Л., Николаев Н.И. Комментарии // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 492–706.
2. Чуковский К.И. 1922 год // Чуковский К.И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 12. Дневник (1922–1935). М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2013. С. 5–67.
3. Жирмунский В.М. Как разбирать стихотворение? // Жизнь искусства. 1921. № 691–693 (12–15 марта). С. 1–2.
4. Жирмунский В.М. Задачи поэтики // Начала: Журнал истории литературы и истории общественности. 1921. № 1. С. 51–81.
5. Жирмунский В.М. Задачи поэтики // Задачи и методы изучения искусств. Пг.: Academia, 1924. С. 123–167.
6. Жирмунский В.М. Задачи поэтики // Жирмунский В.М. Вопросы теории литературы. Л.: Academia, 1928. С. 17–88.
7. Бахтин М.М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 265–325.
8. Николаев Н.И. Комментарии // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 705–867.
9. Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. I. «Воспоминание» Пушкина // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 26–44.
10. Бахтин М.М. <Автор и герой в эстетической деятельности> // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 69–264.
11. Бахтин М.М. <К философии поступка> // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 7–68.

References

1. Lyapunov, V., Makhlin, V.L., Nikolayev, N.I. Kommentarii [Commentary], in Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy v 7 t., t. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected works in 7 vol., vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s]. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003, pp. 492–706.
2. Chukovskiy, K.I. 1922 god [Year 1922], in Chukovskiy, K.I. *Sobranie sochineniy v 15 t., t. 12. Dnevnik (1922–1935)* [Collected works in 15 vol., vol. 12. Diary (1922–1935)]. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub, 2013, pp. 5–67.
3. Zhirmunskiy, V.M. Kak razbirat' stikhotvorenie? [How to analyze a poem], in *Zhizn' iskusstva*, 1921, no. 691–693, March 12–15, pp. 1–2.
4. Zhirmunskiy, V.M. Zadachi poetiki [The task of poetics], in *Nachala: Zhurnal istorii literatury i istorii obshchestvennosti*, 1921, no. 1, pp. 51–81.
5. Zhirmunskiy, V.M. Zadachi poetiki [The task of poetics], in *Zadachi i metody izucheniya iskusstv* [Tasks and methods of studying the arts]. Petrograd: Academia, 1924, pp. 123–167.
6. Zhirmunskiy, V.M. Zadachi poetiki [The task of poetics], in Zhirmunskiy, V.M. *Voprosy teorii literatury* [Questions of literary theory]. Leningrad: Academia, 1928, pp. 17–88.
7. Bakhtin, M.M. K voprosam metodologii estetiki slovesnogo tvorchestva [To questions of methodology of aesthetics of verbal creativity], in Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy v 7 t., t. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected works in 7 vol., vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s]. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003, pp. 265–325.

8. Nikolaev, N.I. Kommentarii [Commentary], in Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy v 7 t., t. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected works in 7 vol., vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s]. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003, pp. 705–867.

9. Shcherba, L.V. Opyty lingvisticheskogo tolkovaniya stikhotvoreniy. I. «Vospominanie» Pushkina [Experience in the linguistic interpretation of poems. I. Pushkin's "Remembrance"], in Shcherba, L.V. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz, 1957, pp. 26–44.

10. Bakhtin, M.M. <Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti> [Author and character in aesthetic activity], in Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy v 7 t., t. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected works in 7 vol., vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s]. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003, pp. 69–264.

11. Bakhtin, M.M. <K filosofii postupka> [To the philosophy of action], in Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy v 7 t., t. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected works in 7 vol., vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s]. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003, pp. 7–68.

УДК 82.09; 115; 7.01
ББК 83.0:87

Захарова Елизавета Михайловна

Институт Мировой литературы имени М. Горького РАН, младший научный сотрудник,
Россия, Москва, e-mail: elizakharova2019@gmail.com

Хронотоп литературно-критического высказывания (на материале книг И.И. Виноградова)¹

Феномен неопределенного статуса литературной критики приводит к отсутствию ясности в ее терминологическом аппарате. В частности, нет единства в вопросе о том, что считать сюжетом литературно-критического высказывания, как определить его мотивную структуру или выявить совокупность семантических полей. Предметом исследования является литературоведческая категория хронотопа, используемая для анализа поэтики критического текста. Исследование проведено на материале сборников И.И. Виноградова (1930–2015 гг.) «Как хлеб и вода. Искусство в нашей жизни» (1963 г.), «Искусство. Истина. Реализм» (1975 г.), «По живому следу. Духовные искания русской классики» (1987 г.) с привлечением фактов текстологии, биографических данных и свидетельств об историческом контексте. Несмотря на искусственность разделения хронотопа как объединяющей тексты доминанты, для наиболее целостного представления последовательно характеризуется каждая из ее частей. Под пространством, не в физическом, но в текстовом отношении, понимается совокупность скрепляющих статьи факторов на формальном уровне (жанровый формат, заголовочные комплексы, полиграфическое оформление). Образ автора рассматривается как полифункциональный: выстраивание внутренней связи и сюжетной линии. Демонстрируются функции хронологического аспекта: ответственность за историко-культурный и биографический контексты, датирование, содержательную трансформацию статей. Делается вывод о возможности применения комплексного взгляда на совокупность хронотопических характеристик суждения и методологических предпочтениях критика в целом.

Ключевые слова: литературная критика, хронотоп, поэтика, сюжет, философская критика, книга литературно-критических статей, имплицитные компоненты, эксплицитные компоненты, жанр, структурно-семантическое единство

Zakharova Elizaveta Mikhailovna

Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, junior researcher,
Russia, Moscow, e-mail: elizakharova2019@gmail.com

Chronotope of literary-critical judgement (based on books of I.I. Vinogradov)

The phenomenon of the undefined status of literary criticism leads to a lack of clarity in its terminological apparatus. In particular, there is no unity on the issue of what to consider as the plot of a liter-

© Захарова Е.М., 2020

Соловьёвские исследования, 2020, вып. 4, с. 162.

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432-П). This research was conducted at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support of the Russian Science Foundation (RSF, the project No. 17-18-01432-P).

ary-critical utterance, as well as how to determine its motivational structure, or to identify a set of semantic fields. The subject of this research is the literary category of the chronotope, which is used to analyze the poetics of a critical text. This study was carried out on the basis of the collections of I.I. Vinogradov (1930-2015) "Like bread and water. Art in Our Life" (1963), "Art. True. Realism" (1975), "On a living track. Spiritual Searches of Russian Classics" (1987) with the involvement of textual criticism, biographical data and evidence of the historical context. Despite the artificiality of dividing the chronotope as dominant uniting texts, each of its parts is consistently characterized in order to accomplish the most complete presentation. Space, not in physical, but in textual terms, is understood as a set of factors that bind articles together at a formal level (genre format, heading complexes, typography design). The author's image is viewed as multifunctional: it builds an internal connection and a storyline. The functions of the chronological aspect are also shown: responsibility for the historical, cultural and biographical contexts, dating, meaningful transformation of articles. The conclusion deals with the possibility of using a complex view of the totality of chronotopic characteristics of judgment and the methodological preferences of the critic as a whole.

Key words: literary criticism, chronotope, poetics, plot, philosophical criticism, book of literary critical articles, implicit components, explicit components, genre, structural and semantic unity

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.162-176

Хронотоп как термин литературной критики

Содержание введенного А.А. Ухтомским² понятия «хронотоп» в современном литературоведении является общепринятым. В поэтике термин обозначает «взаимосвязь и взаимообусловленность (при доминировании временного начала) временных и пространственных образов и характеристик мира персонажей литературного произведения»³. Пространственные и временные характеристики, образуя подчинительные отношения, представляют целостность: «время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым, пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории»⁴. Залогом такого слияния или точкой пересечения разнородных явлений является герой как носитель определенного кругозора и систем ценностей. Теория пространства-времени изложена М.М. Бахтиным с опорой на жанр романа. Однако, если иметь в виду широкое распространение категорий пространства и времени в гуманитарной сфере, психологии, литературоведении, культурологии, а также их повсеместную универсализацию как «единства пространственных и временных параметров, направленного на выражение определенного (культурного, художественного) смысла»⁵, допустимо предположить обоснованность их использования в теории литературной критики.

² См.: Летина Н.Н. Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII–XX вв.) Ярославль: Изд-во ГОУ ВПО «ЯГПУ им. К.Д. Ушинского», 2009. С. 7 [1].

³ См.: Тamarченко Н.Д. Хронотоп // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тamarченко. М.: Изда-во Кулагиной, 2008. С. 287 [2].

⁴ Там же. С. 288.

⁵ См.: Ирза Н.Д. Хронотоп // Культурология XX век. Энциклопедия/ Т 2 М-Я / гл. ред., сост. и авт. проекта С.Я. Левит / отв. ред. Л.Т. Мильская. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 909 [3].

Неопределенность статуса литературной критики как феномена приводит к отсутствию ясности и в ее терминологическом аппарате. В частности, нет единства в вопросе о том, что считать сюжетом литературно-критического высказывания, как определить его мотивную структуру или выявить совокупность семантических полей. В нашем исследовании обосновывается приемлемость использования литературоведческой категории хронотопа для анализа поэтики критического текста. С опорой на общепринятое в литературоведении утверждение о том, что личность автора определяет как структуру, так и семантику критического рассуждения, закономерно руководствоваться положением об определяющей роли авторского сознания в формировании хронотопа⁶ и воздействия на данную категорию аксиологии, воображения, памяти, восприятия.

Структурно-семантический подход с привлечением фактов текстологии, биографических данных и свидетельств об историческом контексте на материале книг И.И. Виноградова (1930–2015) «Как хлеб и вода. Искусство в нашей жизни» (1963 г.), «Искусство. Истина. Реализм» (1975 г.), «По живому следу. Духовные искания русской классики» (1987 г.) позволяет рассмотреть компоненты, способствующие формированию структурно-семантических единств. Несмотря на искусственность разделения хронотопа как объединяющей тексты доминанты, для наиболее целостного представления последовательно рассматривается каждая из ее частей. Внутренняя связность образуется благодаря выстраиванию образа автора как центральной фигуры, отвечающей за сюжетную линию. Кроме того, имплицитному объединению способствует хронологический аспект (историко-культурный и биографический контексты, датирование), а также содержательная трансформация статей. Под пространством, не в физическом, но в текстовом отношении, следует понимать совокупность скрепляющих факторов на формальном уровне (жанровый формат, заголовочные комплексы, полиграфическое оформление). Поэтика и дизайн коррелятивны именно топосу, моделирующему хронотоп, благодаря тому, что стилистические особенности отражают специфику мысли автора на образном уровне. Так, заголовочный текст нередко задумывается автором «как неразвернутая общая идея сочинения, в котором написанное слово тесно связано с жизнью, ею определяется»⁷. Совокупность содержательных и формальных характеристик позволяет делать выводы не только о хронотопической организации текстов (критик как писатель), но и о методологических предпочтениях автора (критик как философ).

⁶ См.: Левина Л.А. Взаимодействие точек зрения и хронотопа на материале романа Хилари Мантел «An Experiment in Love» // Альманах современной науки и образования. № 6 (73) 2013. С. 95 [4].

⁷ См.: Едошина И.А. Смысл и функции заголовочного текста книги «Столп и утверждение истины» свящ. П.А. Флоренского // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 4(52). С. 146 [5].

Временная организация литературно-критического текста

Многие понятия, используемые в теории литературной критики, в настоящее время предельно уязвимы из-за отсутствия однозначного их толкования: интерпретация их значений полностью зависит от позиции исследователя. Нет, например, единственно верного ответа на вопрос, что есть «сюжет литературно-критического сочинения»⁸ или как наиболее точно определить его мотивную структуру и выявить совокупность семантических полей. Этот ряд можно было бы продолжить, но в нашем исследовании акцент ставится на специфике одной из наиболее дискуссионных категорий, а именно понятия хронотопа. Среди немногочисленных попыток истолкования понятия наиболее обоснованной представляется позиция Ю.В. Зверевой, защитившей диссертацию по философской критике 90-х годов XIX века⁹. В работе Ю.В. Зверевой дается следующее определение времени литературно-критического текста философского направления: «Для философской критики предметом художественного изображения является человек с точки зрения его родовой, вневременной (субстанциальной) сущности, и время также характеризуется стремлением к обобщенности, универсальности, ... рамки конкретной исторической эпохи ... раздвигаются до обобщенного, универсального» [7, с. 115–116]. На материале статей приверженца философского направления в литературной критике Ю.Н. Говорухи-Отрока в работе дается следующая характеристика временной организации: «в цикле критических статей постоянно соотносятся современность и религиозное представление о времени, которое в концепции критика универсально, потому что охватывает прошлое, настоящее и будущее»; «обращение к образам и стихам Евангелия помогает ... аргументировать свое понимание природы человека. Для критика предмет изображения в литературе – вечное, субстанциональное начало человеческой души, поэтому параллели с Евангелием подчеркивают именно вневременной, общечеловеческий аспект рассматриваемых произведений» [7, с. 125–126].

Фокус нашего внимания направлен на три книги И.И. Виноградова – представителя философской критики более позднего периода.

Историко-культурный и биографический контексты

Как литературный критик Виноградов известен с 1957 года. Статьи публиковались в основном на страницах «Нового мира». Одна из первых монографий была выпущена в 1963 году, но издательская судьба препятствовала тому, чтобы с ней ознакомился широкий читатель¹⁰. Переиздана она не была,

⁸ См.: Штейнгольд А. М. Анатомия литературной критики. Природа. Структура, Поэтика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 117 [6].

⁹ Зверева Ю.В. Философская критика 90-х годов XIX века: На материале статей Ю.Н. Говорухи-Отрока и А.Л. Волынского: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 171 с. [7].

¹⁰ См.: Хализев В.Е. В кругу филологов. М.: Прогресс-Плеяда, 2011. С. 69–70 [8].

поэтому и сегодня сохранившиеся экземпляры являются библиографической редкостью.

Спустя более чем двадцать лет в издательстве «Советский писатель» была напечатана уже седьмая по счету книга литературного критика «По живому следу. Духовные искания русской классики». И если первое из рассматриваемых самостоятельных выступлений в жанре крупной формы вобрало в себя высказывания критика относительно общеэстетических и теоретических проблем искусствознания, то издание 1987 года явилось своеобразным подведением итогов практической деятельности критика, ибо под одной обложкой появились написанные в разное время работы о Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском, М.А. Булгакове и других писателях и мыслителях XIX–XX вв. Важно сказать о том, что к вопросам сугубо теоретико-методологического характера критик возвращался неоднократно. Так, в 1975 году появилась книга «Искусство. Истина. Реализм». Вошедшие в нее очерки опровергают модернистскую эстетику. Рассуждая о задачах искусства в целом, автор утверждает собственную концепцию существования художественных миров. И здесь главным принципом оказывается невозможность принять идею автономности искусства. И хотя появление названных работ отделяют десятилетия, а между собой они имеют больше различий, чем сходств, при рассмотрении их структурно-семантического единства и построения типологии представляется несомненным условие их изучения в совокупности, как взаимодополнительных явлений. Более того, объединенные статьи о русских классиках следует рассматривать как практическое воплощение своеобразных манифестов 1963 и 1975 годов.

Рост самостоятельных публикаций в жанре отдельных книг, как отмечает С.И. Чупринин, среди литературных критиков наблюдался ярче всего в 60–80-е годы XX века. Исследователь обосновывает усиление персонализации и писательско-художественного направления в литературной критике, а также приобретение ее главными действующими лицами особенного статуса в общественной и культурной жизни страны. Именно в это время наблюдался «расцвет авторских индивидуальностей», нередко соперничавших с писателями: «критик заботился о передаче собственного (духовного, литературного, гражданского опыта), насыщая свои работы исповедальными, автобиографическими мотивами, подчеркивая глубоко личный, частный характер своих суждений и оценок»¹¹.

В книге «Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки»¹² также утверждается: «В советские времена, помимо ежемесячных журналов и некоторых еженедельных газет, особенно “Литера-

¹¹ См.: Чупринин С.И. Творческая индивидуальность критики и литературный процесс 1960–1980-х годов: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 1993. С. 24 [9].

¹² Менцель Б. Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки. СПб.: Академический проект, 2006. 400 с. [10].

турной газеты”, важнейшим видом публикации была книга. В этом смысле книга в России, стояла по сравнению с Западом, необычайно высоко. У всякого мало-мальски уважаемого критика за годы профессиональной деятельности обычно был напечатан целый ряд книг. До перестройки в списках публикаций известных критиков насчитывалось не менее десятка книг. Литературная критика в форме книги – это сборники прежде опубликованных статей и монографические исследования творчества отдельных авторов или – правда, гораздо реже, – проблем литературы. Несмотря на актуальность авторских подходов, монографии обычно претендовали на научность и были по большей части выражением институционального сращения литературы, критики и литературоведения» [10, с. 129–130].

Можно предположить, что стремление литературных критиков выступить в жанре книги – это, с одной стороны, следствие интереса к наследию символизма, когда стремление к циклизации наблюдалось во многих отраслях литературы. А с другой стороны, публикация статей в книжном формате являлась одним из условий вступления литературного критика в Союз писателей. Работы, составлявшие сборники, создавались авторами в разное время и первоначально публиковались преимущественно на страницах литературно-художественных журналов. Благодаря такому подходу изначально остро актуальные тексты обретали вторую жизнь, а их авторы предлагали собственное видение пути искусства. Ни одна из рассматриваемых книг И.И. Виноградова не стала исключением. Все они имеют схожую творческую судьбу: появление статей и очерков на страницах литературно-художественных журналов, внесение в них авторских и редакторских исправлений, повторная публикация – включение доработанного текста в состав самостоятельной книги литературного критика.

Неотъемлемой частью поэтики каждой из статей является дата первой публикации. И в связи с этим нельзя не обратить внимание на обращение критика к той или иной теме в определенный момент времени. В статьях внимание критика направлено на творчество авторов-классиков (Д.И. Писарев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой), однако при исследовании вопроса о том, чем вызвано обращение критика к определенной теме, становится очевидным, что написание текстов о писателях-классиках было определено актуальными событиями. Таким образом, волновавшие литераторов в XIX веке проблемы получают новое современное звучание.

На время как на непосредственный момент диалога автора с читателем о современных или классических произведениях накладывается духовный, а значит, исторически и биографически обусловленный опыт самого критика. Подтверждение сказанному – творческая история работы «Философский роман Лермонтова». Категория времени в литературно-критическом творчестве Виноградова приобретает дополнительный объем. В 1964 г. в раздел литературной критики десятого номера журнала «Новый мир» была помещена двадцатидвухстраничная статья. Текст, переживший более чем полувековую ис-

торию благодаря трехкратному переизданию (1964 г., 1987 г., 2005 г.), стал новаторским как в лермонтоведении, так и в литературной критике.

В докторской диссертации Н. Биуль-Зедгинидзе¹³, единственном монографическом исследовании, где анализируется литературная критика Виноградова, отмечается рубежный характер даты выхода статьи. Исследовательница выделяет два периода в творчестве Виноградова: первый – «приблизительно до 1964–1965 гг. – отмечен близостью к идеологии революционно-демократического типа (на уровне платформы «социализма с человеческим лицом»), опорой на традиции критики В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, а также на марксизм» [11, с. 159]. Тогда как второй определяется вниманием к «философии “существования”, “эпохе безвременья”, “критическим” общественным ситуациям – и позиции свободной, суверенной личности в экстраординарных условиях. Это ... начало философских штудий, поиск ответов, ... на “самые проклятые вопросы” современности – вопросы “бытийно-психологического” и “экзистенциально-философского” характера» [11, с. 205]. Именно на данном этапе Виноградов обращается к русской литературе золотого века: опубликованы сходные по тематике и подходу статьи и книги – «Завещание Мастера», «“Вопрос жизни” и мытарства “разумной веры” Льва Толстого», «Диалог Белинского и Достоевского: философская алгебра и социальная арифметика», «Духовные искания русской классики».

Появление статьи о философском романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» в середине шестидесятых годов было созвучно духу эпохи. В это время все ярче обнаруживаются сомнения в запретах и предписаниях, налагаемых на литературу и критику партией. Тенденцией стали отказ от нормативного метода и погружение в коренные вопросы жизни. Атмосфера искусственно созданного, насаждаемого сверху «нравственного вакуума», в которой оказался Печорин, утративший веру в возможность социальных перемен, соотносится с «периодом перехода от одного социального тренда к другому»¹⁴. В образе Печорина был явлен пример того, к чему приводит сознательный уход от ожиданий.

Несмотря на то, что тексты, вошедшие в состав каждой из книг, написаны и опубликованы в разные периоды, временную принадлежность вернее всего рассматривать относительно публикации книги в целом. Интерес представляет движение каждого текста во времени: трансформации, добавления, исправления под воздействием исторических и сугубо личных обстоятельств жизни автора стали неотъемлемой чертой поэтики всех работ Виноградова. Связана данная особенность прежде всего с тем, что редакции отделялись друг от друга переменами в мировоззрении Виноградова, для которого соб-

¹³ Биуль-Зедгинидзе Н. Литературная критика журнала «Новый мир» А.Т. Твардовского (1958–1970 гг.). М.: Культурно-просветительский центр «Первопечатник», 1996. 439 с. [11].

¹⁴ Сойфер В.Н. Жизнь и судьба Игоря Виноградова [Электронный ресурс] URL:<http://novymirjournal.ru/index.php/projects/preprints/179-soifer-vinogradov> (Дата обращения: 12.03.2020) [12].

ственная, даже опубликованная статья не переставала быть единым живым текстом, куда не только допустимо, но и необходимо при малейших внутренних или внешних изменениях в соответствии с «сегодняшним взглядом на вещи»¹⁵ вносить правки.

Пространство как условие структурно-семантического единства: оформление, заголовочный комплекс

Несмотря на тот факт, что ни одна из взятых для анализа книг не сопровождается иллюстрациями, что в целом характерно для литературно-критических книг как жанра, нельзя не обратить внимание на оформление обложек. Так, в одной из самых ранних монографий Виноградова «Как хлеб и вода. Искусство в нашей жизни» стиль заголовочного комплекса приближается к игровому. Вызывающе яркий цвет прописных букв заголовочного комплекса соответствует и смелости поднимаемой темы. Впоследствии акцент на цветовом решении заглавия будет использован и в книге «Искусство. Истина. Реализм». Здесь каждая из составляющих название частей выдержана в собственной палитре, что косвенным образом предупреждает читателя о том, что общность не исключает самостоятельности отдельных компонентов. Полиграфическое оформление, следовательно, демонстрирует критика как литератора, который стремится к автономии собственных произведений в целях объединить под одной обложкой преодолевшее дискретность высказывание.

Заголовочный комплекс, включающий в себя эпиграфы, комментарии, примечания, послесловия, а также оглавление, в работах Виноградова предстает настолько самостоятельным компонентом, что появляется возможность рассматривать данный компонент поэтики изолированно, в аспекте самостоятельного текста. В работах Виноградова заголовочные комплексы действуют сразу в трех направлениях. Во-первых, начало текста служит косвенным указанием на методологию критика. Вторая функция заглавного элемента может быть обозначена как способ выстраивания диалога с участниками литературного процесса (читателями, писателями, оппонентами). И еще одна, но оттого не менее важная роль данного текстового элемента – конструирование собственного критического сюжета. Полифункциональность заглавия, таким образом, позволяет сделать вывод о выполнении в контексте книги литературно-критических статей единого задания.

В этом структурировании критик проявляет себя и как художник, поскольку здесь представлен результат осмысления написанного ранее, идейная обработка вошедших в состав книги статей. Можно говорить о художественном начале благодаря фрагментарно используемой игре слов. Для более целостного взгляда на номинативную часть книги необходимо предложить типологию заглавий, а также их характеристику.

¹⁵ См.: Виноградов И.И. Духовные искания русской литературы. М.: Русский путь, 2005. С.12 [13].

1. *Цитатные заглавия* («Нет никакого нищезанятия?»; «Совокупность разрушений»; «Чисто эстетический мир»). Заимствованные заголовочные комплексы не исчерпываются «чужим словом», ибо критик, до конца в нем не растворяясь, привносит нечто свое. И в таком подходе нельзя не разглядеть элемент сотворчества.

2. *Полемические, или вопросные, заглавия* («Кто же прав?»; «При чем или ни при чем интуиция Бергсона?»; «Нет никакого нищезанятия?»). Вопросы создают риторический эффект, ибо максимально обобщенные вопросы не дают информации о предмете последующего критического рассуждения.

3. *Комбинированные заглавия*. В данной группе заглавия сочетают в себе как слово критика, так и взятую им из рассматриваемого произведения цитату. Такой симбиоз («Дьявол Адриана Леверкюна и “дьявол” нацизма»; «Легенда о “старых мастерах”»; «Высшая эстетическая форма “человеческого присутствия”»; «Диктат действительности и свобода искусства») тоже отчасти приближает литературного критика к автору художественного произведения.

4. *Метафорические заглавия* («Сказка о свече и погребу»; «Реальные судьбы идей»; «Прекрасные судьбы идей»). Заглавия этой группы затемняют смысл последующего текста, не дают представления о содержании статьи, однако в наибольшей мере демонстрируют литературного критика с позиции литератора и художника.

5. *Заглавия, задающие жанровую принадлежность* («К вопросу о черни и тысячелетней истории тирании»; «Некоторые выводы»; «Аргументы»). Данная группа демонстрирует литературного критика в амплуа логичного и строго мыслителя. В формальном отношении тексты приближаются к суждениям философского характера. А стремление к структурированности выводов и посылок обнаруживается и в расположении текстов в числовой последовательности. Следует оговорить, что нумерация присуща оглавлению в целом. Зеркальная трехчастная композиция, семь и восемь пунктов в каждой из частей, может сравниться с гегелевской триадой: тезис – антитезис – синтез.

Аналитическое рассмотрение заголовочного комплекса книги как единого текста позволяет говорить об авторе как об исполнителе одновременно нескольких ролей: литературный критик предстает и как писатель, воспринимающая собственную деятельность как художественное творчество, и как философ-мыслитель, представляя на суд читателя жанры в формате эссе и философских размышлений, и как литературовед, академический ученый, оформивший свои суждения с опорой на требования к строгости изложения и организации материала. Именно заглавие в работах Виноградова нередко занимает центральное положение, несмотря на, казалось бы, второстепенную роль данного компонента, принадлежащего рамочному тексту. Заглавие становится тем элементом, который организует композицию и придает ей единство. Знаковость и значимость этого компонента проявляется в том, что заглавие из

формальной для критического текста необходимости перерастает в сущностный индикатор особенностей критической системы Виноградова. Дешифровка такого скрепляющего звена одной цепи суждений в книге позволяет увидеть не только внешнее единство суждений, но и их идейно-семантическую близость.

Сюжет как скрепляющий фактор

В вопросе о хронотопической организации сборников Виноградова как залого целостности литературно-критической книги не менее важно, что главным скрепляющим фактором становится наличие сюжета. Из перечисления смысловых частей книги («Философский роман Лермонтова»; «Испытание Писаревым»; «Диалог Белинского и Достоевского»; «Вопросы и ответы Льва Толстого»; «Реализм в высшем смысле»; «Завещание Мастера») становится очевидно, что в каждой из них в центре оказывается личность. Виноградов дает портретную характеристику внутреннего облика писателя, критика, литературного персонажа. И можно видеть, что при расположении статей критик руководствовался отнюдь не хронологическим принципом.

Книга «По живому следу. Духовные искания русской классики» насыщена евангельскими образами и мотивами, вследствие чего представляется возможным выделить в ее смысловой структуре основополагающий мотив, или семантическое поле, «вера/неверие»: «каких только ярлыков ... не удостоивался Писарев, лишь бы не быть причисленным к лику революционно-демократических святых нашего отечественного Пантеона!»; «самая юная и страстная пора исповедания и проповеди»; «Крещение, которое принимало тогдашнее традиционное интеллигентское сознание ...»; «Писарев оказался пророчески прав...»; «Благими намерениями вымощена дорога ...»; «... любая ирония над “святым горением” здесь вряд ли уместна»¹⁶). И на уровне отдельных статей можно обнаружить такое построение статьи, при котором связь разрозненных тезисов становится очевидной. Примером может выступить высказывание о Писареве. Интенция Виноградова определяется задачей убедить в том, что мировоззрение Писарева определяется отсутствием духовности.

В обеих книгах, имеющих как практическую, так и теоретическую значимость, критик разворачивает два сюжета. Первый посвящен проблеме, каким должно быть искусство. Второй же относится к духовной жизни писателей и критиков, ибо, с точки зрения Виноградова, нельзя проводить строгую границу между искусством и действительностью. Вследствие такого подхода, для критика аксиомой является убеждение в том, что образ мышления писателя непосредственно отображается на его литературной деятельности.

¹⁶ См.: Виноградов И.И. По живому следу: Духовные искания русской классики: Литературно-критические статьи. М.: Сов. писатель, 1987. С. 59–68 [14].

При рассмотрении книги как структурно-семантического единства нельзя не отметить значимость художественной (литературной) составляющей. На данном этапе наших рассуждений акцент будет сделан на описании форм авторского присутствия в тексте. Стремление к логичности и продуманности композиции, а также придание статьям единообразного вида, желание соблюсти в стилистике статей единообразие говорят о критике как о литераторе, демонстрируют художественную сторону литературно-критических книг. Образ автора в литературно-критических статьях Виноградова варьируется в зависимости от предмета размышлений и в соответствии с характером подобранного ракурса. Однако можно выделить несколько наиболее частотных позиций, с высоты которых критик предпочитает строить диалог с аудиторией читателей.

В первую очередь эмоциональность, темпераментность, в наибольшей степени проявляется в корпусе публицистических работ критика. И.И. Виноградов выступает в роли оратора, декламатора, основной целью которого становится убеждение. Работам присуща глубокая личная вовлеченность автора в рассматриваемый круг проблем, что в немалой степени отражается на особенностях стиля. Автор предстает и как оратор, и как литератор, наделяя тексты эпиграфами, и как ритор-публицист.

Дневниковость не характерна для работ Виноградова: над желанием откровенно продемонстрировать характер собственных взглядов и предпочтений доминирует потребность объективно изложить сущность рассматриваемой проблемы. Можно говорить о том, что критик, по своей манере изложения, более близок к объективному стилю изложения. В то же время не только избранный угол зрения, но и круг поднимаемых тем демонстрируют сугубо индивидуальную позицию критика, его личную заинтересованность в тех вопросах, которые оказываются в фокусе внимания.

Так, например, крайняя вовлеченность в отображение духовно-биографического пути Писарева, а также в пережитую им трагедию и тот факт, что творчество критика так и не получило должного, с точки зрения Виноградова, осмысления, вероятно, обуславливается тем, что Виноградов на личном опыте пережил подобную мировоззренческую коллизию. И поэтому можно говорить о том, что выбор для анализа того или литературного факта в немалой степени продиктован глубинными личностными и мировоззренческими факторами.

Виноградов как литературный критик второй половины XX века ведет полемическую дискуссию одновременно с В.Г. Короленко, С.А. Венгеровым, Н.К. Михайловским, Р.В. Ивановым-Разумником, а также с Г.В. Плехановым, В.И. Лениным, А.В. Луначарским. Несмотря на кажущееся многоголосие, в статьях не образуется хаотичного хора голосов, ибо диалог с каждым мыслителем встраивается в логичную и непротиворечивую композицию текста, а также непринужденно встраивается в общий ход рассуждений и концепцию статьи.

Вне зависимости от рассматриваемого материала критик исследует особенности мировоззрения, а также ситуации, при которых уклонение от истинной веры губительным образом воздействует не только на биографию того или иного художника, но и на его творчество. Значимость для критика вопроса о духовности отображается в мотивной структуре. Неоднократно Виноградов поднимает вопрос о духовности в поисках наиболее точного её определения: одно из возможных постулируется им как осознание духовного состояния другого и единства с ним и с Абсолютом.

Фактор скрепления статей в некое единство – возникновение связей на идейном уровне.

Можно с достаточной степенью определенности утверждать, что центральный вопрос для Виноградова – взгляд на наследие того или иного литератора с точки зрения «мировоззренческого портретирования»¹⁷.

Идейную (философскую) программу Виноградова возможно реконструировать, так как книги образуют единый метасюжет. Методика Виноградова отличается тем, что во многих работах, в частности цикле статей о Толстом, критик отказывается от анализа художественных свойств текстов писателя, вместо этого делая акцент на интерпретации историософии. Благодаря такому подходу, критик создает рисунок духовной жизни писателя сквозь призму написанных им в разные периоды текстов. Граница между творцом художественного произведения и автором в значении действительного биографического лица, таким образом, стирается. Так, например, в цикле статей о Толстом статья о романе «Семейное счастье» является точкой отсчета. Интерес критика лежит в плоскости душевной и духовной биографии Толстого. Но если принять во внимание другие работы Виноградова, то станет заметно, что автор руководствуется тем же подходом. В статьях о Писареве, Белинском оценке и критическому анализу подвергается не совокупность творческого наследия, а идейный уровень написанного литераторами в целях выявить внутренние условия, ставшие причиной той или иной концепции.

Если задаться вопросом о скрепляющем все книги звене, то станет очевидной необходимость более детально рассмотреть образ автора в текстах. Связь книг, которые разделяют два десятка лет, легко обнаружить в предисловии к сборнику 1987 года, где Виноградов говорит о единой цели статей: «сугубая актуальность для наших дней той духовной проблематики, что была рождена ситуацией религиозного кризиса ...» [14, с. 5].

Методологические воззрения автора в хронотопическом отражении

Категория хронотопа в теории литературной критики приобретает свою специфику. Использование данного понятия при рассмотрении поэтики тако-

¹⁷ См.: Виноградов И.И. По живому следу: Духовные искания русской классики: Литературно-критические статьи. С. 4 [14].

го жанра, как книга литературно-критических статей, обоснованно, потому что автор выступает здесь и как литератор, и как автор манифеста, в котором подводится промежуточный итог профессиональной деятельности. Образуется единство внешнее и внутреннее, что является сущностью центрального понятия.

В случае с книгами Виноградова можно говорить не только о структурно-семантических единствах, но и о форме, присущей возрождающемуся в 1960-е году философскому методу в литературной критике. Главный вопрос для Виноградова – поиск истоков религиозного кризиса, или «ситуации открытого сознания». Общий упадок культуры связывается критиком с отступлением от религиозного мировоззрения (Л.Н. Толстой, Д.И. Писарев, В.Г. Белинский), по этой причине этический подход доминирует над эстетическим взглядом. На уровне отдельных высказываний критик нередко выступает как автор афоризмов, граничащих с философскими аксиомами, в целях предложить некое назидание для современников. Центральной для критика задачей становится извлечение нравственных уроков из опыта писателей и критиков.

Как философская, так и публицистическая составляющая присутствуют в каждой работе. Однако в данной книге их наличие проявляется наиболее ярко, ибо критик оторван от связанных с сугубо литературной жизнью вопросов. Благодаря развернутым суждениям о природе эстетического характера, можно говорить о том, что в книге утверждается эстетика Виноградова.

Работы Виноградова отличает чрезвычайная идейная концентрация. Однако лейтмотивом, или центральной проблемой, большинства работ становится духовная проблематика, ибо его в первую очередь интересует духовное состояние писателя или критика. В связи с этим сферу интересов Виноградова можно определить как погружение в исследование духовной биографии русских писателей и мыслителей. Виноградов разрабатывает вопрос о том, как мировоззренческий опыт писателя воздействует на область его литературного творчества, а также посредством углубления в смысловую структуру произведений прошлого стремится продемонстрировать значимые для современного общества в целом тенденции в духовной жизни. В связи со всем сказанным выше можно сделать вывод о том, что связывающим пространственно-временную организацию критического суждения Виноградова компонентом является авторское сознание, которое выступает гарантом целостности дискретных на первый взгляд текстов. А литературный критик предстает в роли духовного биографа русских писателей-классиков, ибо в фокусе его внимания находится «духовное становление писателя».

Список литературы

- 1.Летина Н.Н. Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII–XX вв.). Ярославль: Изд-во ГОУВПО «ЯГПУ им. К.Д. Ушинского», 2009. 257 с.
- 2.Тамарченко Н.Д. Хронотоп // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной, 2008. С. 287–288.

3. Ирза Н.Д. Хронотоп // Культурология XX век. Энциклопедия. В 2 т. Т. 2 / гл. ред., сост. и авт. проекта С.Я. Левит; отв. ред. Л.Т. Мильская. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 909–910.
4. Левина Л.А. Взаимодействие точек зрения и хронотопа на материале романа Хилари Мантел «An Experiment in Love» // Альманах современной науки и образования. 2013. № 6(73). С. 95–98.
5. Едошина И.А. Смысл и функции заголовочного текста книги «Столп и утверждение истины» свящ. П.А. Флоренского // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 4(52). С. 135–149.
6. Штейнгольд А.М. Анатомия литературной критики (природа, структура, поэтика). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 200 с.
7. Зверева Ю.В. Философская критика 90-х годов XIX века: на материале статей Ю.Н. Говорухи-Отрока и А.Л. Волынского: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 171 с.
8. Хализев В.Е. В кругу филологов. М.: Прогресс-Плеяда, 2011. 360 с.
9. Чупринин С.И. Творческая индивидуальность критики и литературный процесс 1960–1980-х годов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993. 37 с.
10. Менцель Б. Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки. СПб.: Академический проект, 2006. 400 с.
11. Биуль-Зедгинидзе Н. Литературная критика журнала «Новый мир» А.Т. Твардовского (1958–1970 гг.). М.: Культурно-просветительский центр «Первопечатник», 1996. 439 с.
12. Соيفер В.Н. Жизнь и судьба Игоря Виноградова [Электронный ресурс]. URL: <http://novymirjournal.ru/index.php/projects/preprints/179-soifer-vinogradov> (Дата обращения: 12.03.2020).
13. Виноградов И.И. Духовные искания русской литературы. М.: Русский путь, 2005. 672 с.
14. Виноградов И.И. По живому следу: Духовные искания русской классики: Литературно-критические статьи. М.: Сов. писатель, 1987. 384 с.

References

1. Letina, N.N. *Rossiyskiy khronotop v kul'turnom opyte rubezhey (XVIII–XX vv.)* [The Russian Chronotope in the Cultural Experience of Frontiers (XVIII–XX Centuries)]. Yaroslavl': Izdatel'stvo GOUVPO «YaGPU im. K.D. Ushinskogo», 2009. 257 p.
2. Tamarchenko, N.D. Khronotop [Chronotope], in *Pojetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij* [Poetics: a dictionary of relevant terms and concepts]. Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoy, 2008, pp. 287–288.
3. Irza, N.D. Khronotop [Chronotope], in *Kul'turologiya XX vek. Entsiklopediya. V 2 t., t. 2* [Culturology XX century.]. Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga, 1998, pp. 909–910.
4. Levina, L.A. Vzaimodeystvie toчек zreniya i khronotopa na materiale romana Khilari Mantel «An Experiment in Love» [The interaction of points of view and chronotope on the material of the novel by Hilary Mantel “An Experiment in Love”], in *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 2013, no. 6(73), pp. 95–98.
5. Edoshina, I.A. Smysl i funktsii zagolovochnogo teksta knigi «Stolp i utverzhenie istiny» svyashch. P.A. Florenskogo [Sense and functions of the heading text in book “Pillar and statement of the truth” by priest P.A. Florensky], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2016, issue 4(52), pp. 135–149.
6. Shteyngol'd, A.M. *Anatomiya literaturnoy kritiki (priroda, struktura, poetika)* [Anatomy of literary criticism (Nature, Structure, Poetics)]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2003. 200 p.
7. Zvereva, Yu.V. *Filosofskaya kritika 90-kh godov XIX veka: na materiale statey Yu.N. Govorukhi-Otroka i A.L. Volynskogo*. Diss. ... kand. filol. nauk [Philosophical criticism of the 90s of the XIX century: Based on articles by Yu.N. Govorukhi-Otroka and A.L. Volynsky. Cand. philol. sci. diss.]. Perm', 2006. 171 p.
8. Khalizev, V.E. *V krugu filologov* [In the circle of philologists.]. Moscow: Progress-Pleyada, 2011. 360 p.

9. Chuprinin, S.I. *Tvorcheskaya individual'nost' kritiki i literaturnyy protsess 1960–1980-kh godov*. Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk [Creative individuality of criticism and the literary process of the 1960–1980s. Abstr. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 1993. 37 p.

10. Mentsel', B. *Grazhdanskaya voyna slov. Rossiyskaya literaturnaya kritika perioda perestroiki* [Civil War of Words. Russian literary criticism of the perestroika period]. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 2006. 400 p.

11. Biul'-Zedginidze, N. *Literaturnaya kritika zhurnala «Novyy mir» A.T. Tvardovskogo (1958–1970 gg.)* [Literary criticism of the magazine “New World” by A.T. Twardowski]. Moscow: Kul'turno-prosvetitel'skiy tsentr «Pervopechatnik», 1996. 439 p.

12. Soyfer, V.N. *Zhizn' i sud'ba Igorya Vinogradova* [Life and fate of Igor Vinogradov]. Available at: <http://novymirjournal.ru/index.php/projects/preprints/179-soifer-vinogradov> (Data obrashheniya: 12.03.2020).

13. Vinogradov, I.I. *Dukhovnye iskaniya russkoy literatury* [Spiritual Searches of Russian Literature]. Moscow: Russkiy put', 2005. 672 p.

14. Vinogradov, I.I. *Po zhivomu sledu: Dukhovnye iskaniya russkoy klassiki: Literaturno-kriticheskie stat'i* [Following the Living Trail: The Spiritual Searches of Russian Classics: Literary and Critical Articles]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1987. 384 p.

УДК 82(47)
ББК 83.0(2)

Фетисенко Ольга Леонидовна

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новой русской литературы,
Россия, Санкт-Петербург, e-mail: betsy98@mail.ru

Переписка П.П. Перцова и Б.В. Никольского (1896 – 1900)¹

Часть 3

Подготовка текста и примечания О.Л. Фетисенко

Fetisenko Olga Leonidovna

Institute of Russian Literature (Pushkin House), RAS, Advanced PhD (Philology), Chief Scientist Researcher of the Department of New Russian Literature, Russia, St. Petersburg, e-mail: betsy98@mail.ru

Correspondence of P.P. Pertsov and B.V. Nikolsky (1896–1900)

Part 3

Text origination and notes by O.L. Fetisenko

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.177-187

17

*П.П. Перцов – Б.В. Никольскому
4 (16) декабря 1897 г., Рим*

1897 г. 4/16 dec. *Рим*. Hôtel de Russie¹. № 58.

Вы правы, многоуважаемый Борис Владимирович, в Вашем предположении, что значительная часть моего письма уже испарилась из моей головы, да это и не удивительно в положении человека, имеющего больше «постоянных корреспондентов», чем иная газета (у меня их 10 счетов)².

Тем не менее восстанавливаю по Вашему письму фрагменты моей аргументации и отзвуки моих укоризн, и при этом встречаю весьма значительную, почти непреодолимую трудность в попытках переместиться на Вашу точку зре-

© Фетисенко О.Л., 2020

Соловьёвские исследования, 2020, вып. 4, с. 177.

¹ Часть 1 см.: Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 2(66). С. 123 – 136; Часть 2 см.: Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 3(67). С. 180–194. Текст писем публикуется с сохранением орфографии и пунктуации источника.

ния. Такое перемещение, очевидно, необходимо для продолжения разговора на эту тему, но – повторяю – оно настолько затруднительно для меня, что граничит с невозможностью. Именно невозможным представляется мне это пренебрежительно-презрительное отношение как к самому М<ережковско>му, так и ко всему «нашему» времени, в к<ото>рое – по Вашему мнению – история прекратила течение свое³ и настало так, какое-то междометие, не имеющее ни связи с предыдущим, ни отношения к последующему. Если в статье Вашей Вы спустились к М<ережковском>у «с высоты»⁴, то здесь уже прямо плаваете над нашим «смутным временем» на парашюте.

Для меня М<ережковско>й, конечно, остается и «скитальцем» (пользуюсь более термином Д<остоевского>, нежели его мыслью) и далеко не столь безнадежно неоригинальным и безразлично ничтожным явлением русской культуры и жизни. Мне всё сдается, впрочем, что мы спорим собственно не о М<ережковском>, а о вещах более коренных и о таких, о к<ото>рых собственно нельзя спорить, п<отому> ч<то> нельзя ни убедить, ни убедиться. Я думаю, что и Вы то же думаете.

Поэтому оставим. Замечу лишь, что Страхов, Афон и пр. у меня были, конечно, более всего бутафорскими принадлежностями. Но я, действительно, статью Вашу понял не с той точки зрения, с какой Вы – по словам Вашего письма – ее писали (т. е. в смысле противоположения двух культур, а не в смысле лишь древнего «познай самого себя»⁵). Но смею настаивать, что без этого комментария иначе нельзя понять.

Но перейдем к Вл. Сол<овьеву>. Спасибо за брошюру⁶, к числу экземпляров к<ото>рой я, как «книжник», не остался равнодушен⁷, что Вы, вероятно, легко себе представляете. Но «по существу», к сожалению, не могу принять Вашу сторону. Т.е. я не на стороне Соловьёва, конечно, – это едва ли и требуется оговаривать. Но собственно Ваша аргументация почти ни в чем не кажется мне убедительной. Например, вся роль Керн в творчестве П<ушкина> Вами, на мой взгляд, безмерно преувеличена: не говорю уже о Марине, к<ото>рая, очевидно, не внушена эпизодом с К<ерн> (от сластолюбия последней к честолюбию первой – дистанция огромна), но и Клеопатру П<ушкин> мог создать и создал бы и безо всякой Керн⁸. Поэтому «разложение» последней на составные части, из к<ото>рых одной у К<ерн> не было, а другая слишком вездесуща, представляется мне не существовавшим в действительности. Равным образом аналогия между пустяковым увлечением А<лександра> С<ергеевича> Анной Петровной (?) и сложной и яркой психологией героев «Египет<ских> ночей» уже и вовсе натянута. Конечно, без любви П<ушкин> бы не встряхнулся, но личность-то милейшей А<нны> П<етровны> тут вовсе не причем, а ведь в ней всё дело. Наконец уже фактически неверно Ваше утверждение, будто П<ушкин> не указывает «темноты жизни», наставшей после «чудного мгновения» и вплоть до нового чуда (стр. 31)⁹. Это опровергается средним куплетом стих<отворения>, цитированным Вами же на 9 стр.¹⁰

Вообще, к<ак> хотите, а освещение этого эпизода у Сол<овьева> вернее¹¹. И точно есть о чем говорить? Точно не ясна эта шальная вспышка страсти, в к<ото>рой не то что через несколько месяцев, но даже через несколько минут А<лександр> С<ергеевич> мог титуловать свою АП и божеством и блудницей и опять божеством и vice versa¹². И мог он прекрасно помнить, что она и кто она, и болтать и писать одновременно (и чувствовать, конечно) о чудном мгновении и чистой красоте¹³ и т. д. Все это – жизнь, как жизнь, и у Соловьева несносно только, когда эта юридическая душа немедленно вынимает из кармана свой Corpus iuris moralis¹⁴ и начинает «анализировать», подводить статьи и писать глоссы¹⁵. А Вы – чем бы устремиться на это его свойство – зачем-то хотите, так сказать, реабилитировать АП в ее роли в жизни Пушкина.

То же и о дуэли. Опять-таки, по мне, фактическая правда на стороне Сол<овьева> и опять-таки неверна лишь его оценка, и в ту же сторону¹⁶. Слова Вяземского «ему нужен был кровавый исход»¹⁷ – помимо того, что они сказаны Вяземским, т. е. вполне в данном случае компетентным лицом, – подтверждаютя и всеми вообще описаниями, воспоминаниями и пр. и, по-моему, лучшее определение роли П<ушкина>. Ваше утверждение, будто он выказывал здесь лишь презрение к противникам, не ожидая вызова¹⁸ и т. д. – простите – также голословно, к<ак> утверждение, что чуждая страсти, честолюбивая Марина создана под впечатлением от насковозь страстной г-жи Керн. – О нарушении слова Вы правы, также о последнем выстреле, т. е. что он не убил рикошетом Пушкина¹⁹. В этом-то Соловьев просто что называется «дал рюху»²⁰, к<ак> иной подьячий или адвокат, сам завравшийся среди собственного вранья. И опять-таки вот здесь бы его шлепнуть и сдернуть с него эту хламиду «судьи чести», в к<ото>рую он наряжается наподобие английских судей, к<ото>рые прежде чем разбирать новое дело должны надеть старые наряды.

И затем снова – неприятно действует эта сплошная бомбардировка Соловьева «нехорошими словами»²¹. Ведь у Вас ее больше, чем аргументации. Конечно, я понимаю, что его нельзя не ругать, но est modus...²²

Вы можете обратить последние слова и ко мне. В самом деле, я – неприличен. Человек прислал мне письмо, брошюру (да еще «одну из немногих»), а я его «по-приятельски» на двух листах ругаю походя. В качестве смягчающего обстоятельства могу указать на широко²³, к<ото>рое, к<ак> Вам известно, энервирует нервные натуры (правда, к числу последних меня довольно затруднительно отнести).

Об Ухтомском и его похождениях не имею ни малейшего понятия. Но, послушайте, – за что его так анафематствовать? – ведь уж наверное вся компания «Петерб<ургских> Вед<омостей>» не предосудительнее «Нов<ого> Вр<емени>» или «Гражданина». Где у нас на «газетном поле» нет навоза?

Писать Вам о Риме? Ей-Богу страшно! Ведь Вы – «романист», почище Боборыкина, к<ото>рый ныне обитает здесь²⁴, имея в виду прибавить к тому же титулу своему те же ковычки. Ведь от Вас не отделаешься сообщением, что папа

живет в Ватикане и что все древности в развалинах. Уж простите, батенька, – «до следующ<его> раза». Авось ветер переменится. – Будьте здоровы и пишите.

Ваш П. Перцов

Передайте поклон мой многоуважаемой Екатерине Сергеевне, к<ото>рой пришлось не мало потрудиться над этим моим, т.е. Вашим письмом.

Примечания

¹ Ср. у Страхова: «Меня привезли в огромный отель (Hôtel de Russie), который занимает место, достойное дворца, прилегая к Monte Pincio и к Piazza del popolo» (см.: *Страхов Н.Н.* Воспоминания и отрывки. СПб., 1892. С. 88).

² Помимо родных, Перцов в это время переписывался с Розановым, Мережковским.

³ Крылатые слова из «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина.

⁴ Перцов снова обыгрывает выражение из письма Никольского от 25 марта 1897 г.

⁵ Надпись на фронтоне храма Аполлона в Дельфах.

⁶ Речь идет о статье Никольского «Суд над Пушкиным».

⁷ Брошюра была отпечатана в 25 экземплярах.

⁸ Никольский полагал, что восприятие Пушкиным А.П. Керн отразилось в образах Марины Мнишек в «Борисе Годунове» и царицы Клеопатры в «Египетских ночах» (см.: *Никольский Б.В.* Суд над Пушкиным. СПб., 1897. С. 27; переизд.: *Никольский Б.В.* Сокрушить крамолу. М., 2009. С. 328).

⁹ Никольский, отталкиваясь от употребленного Соловьевым в его статье «Судьба Пушкина» выражения «темные дни» («рядом пустых и темных дней»; гл. III), замечал, что в стихотворении «Я помню чудное мгновенье...» «нет ни слова о “разлуке”, “ряде пустых и темных (sic!) дней”» (Там же. С. 331).

¹⁰ На этой странице брошюры цитировалась строфа «В глуши, во мраке заточенья...» из послания к А. П. Керн.

¹¹ В статье Вл. Соловьева «Судьба Пушкина» о стихотворении «Я помню чудное мгновенье...» в шутку говорилось, что это «сообщение заведомо ложных сведений». Соловьев, намекнув на скандальную репутацию Керн и приведя известный отзыв Пушкина о ней как о «вавилонской блуднице», рассуждал далее: «...он сильно преувеличивал ... апокалиптический образ несколько не характеричен для этой доброй женщины», но если бы она и была «чудовищем безнравственности», «от этого поэтическое произведение ничего не потеряло бы не только с точки зрения поэзии, но и с точки зрения личного и жизненного достоинства самого поэта». «Знакомая поэта ... была “просто приятною дамою” или даже, может быть, “дамою приятною во всех отношениях”» (Соловьев Вл. С. Собр. соч. 2-е изд. СПб., 1913. Т. IX. С. 39; гл. III).

¹² Наоборот (*лат.*). Перцов подразумевает вопрос из письма Пушкина к А.Н. Вульфу от 7 мая 1826 г. «...что делает Вавилонская блудница Анна Петровна?» (см.: *Никольский Б.В.* Сокрушить крамолу. С. 321–322).

¹³ Цитаты из стихотворения «Я помню чудное мгновенье...»

¹⁴ Свод нравственного права (*лат.*).

¹⁵ *Глоссы* – толкования к иноязычным или непонятным словам.

¹⁶ Соловьев рассматривал дуэль Пушкина с Дантесом как духовную катастрофу, следствие «внутренней бури», отдалившую поэта от Христа.

¹⁷ Слова из письма кн. Вяземского Соловьев приводил в гл. XII своей статьи.

¹⁸ Ср. в статье Никольского: «Вот образ действий Пушкина, дышащий глубоким убеждением в правоте его дела, строжайшей корректностью, но, вместе с тем, и полным презрением к его противникам»; «...Пушкин принимает вызов и идет на дуэль из презрения. Это холодное сознание своей правоты не покидает его и на поединке. <...> ...ледяное презрение – и только» (см.: *Никольский Б.В.* Сокрушить крамолу. С. 336, 337).

¹⁹ Ответ Соловьеву на его трактовку «нарушения слова, данного Императору» и последнего выстрела Пушкина см.: Там же. С. 337–340. Никольский откликнулся на афоризм Соловьева:

«Пушкин убит не пулею Геккерна, а своим собственным выстрелом в Геккерна». Позднее в статье «Смерть Пушкина» Перцов, вспоминая статью Соловьева, выгодно отличавшуюся от «юбилейной» пушкинианы, напишет именно об этом фрагменте: «...читая юбилейную литературу, я оценил знаменитое сальто-мортале г. Владимира Соловьева – его “Судьбу Пушкина”. Нет, как хотите, это было оригинально – этот Пушкин, который “пошел бы на Афон” замаливать убийство Дантеса, если б ему удалось-таки его подстрелить, – и этот великолепный выстрел, направленный “материально” в Дантеса, но убивший “духовным рикошетом” самого поэта, – это было оригинально» (см.: Мир искусства. 1899. Т. II. № 21/22).

²⁰ *Дать рюху* – промазать.

²¹ Аллюзия на роман Гончарова «Обломов» («жалкие слова», выражение Захара об упреках его барина (ч. I, гл. I, VIII).

²² Есть способ (*лат.*).

²³ *Широкко* (сирокко) – ветер из Африки, приносящий изнурительную духоту.

²⁴ «Здесь пребывающего Боборыкина» Перцов вспоминает и в письме к Розанову от 3 (15) декабря («Когда присоединят Рим к России?». С. 83). О пребывании в Риме П.Д. Боборыкина Перцову 27 октября 1897 г. сообщил Мережковский, предлагал снабдить его адресом и рекомендательным письмом, что и подтвердил в письме от 6 ноября (Русская литература. 1991. № 2. С. 171, 172). Письмо было послано 21 ноября со следующим пояснением: «Не отвечаю за то, как он Вас примет, а думаю, что хорошо. Человек он, в сущности, не умный, не тонкий и скучноватый. Но на безрыбьи и рак рыба» (Там же. С. 173). О задержке в получении этого письма – в ответе Мережковского от 1 декабря. Здесь же о самом Боборыкине: «...он шут гороховый и больше ничего. Вполне понимаю Вас, что идти к нему мало радости» (Там же. С. 174). 10 (22) декабря Перцов сообщил отцу: «Я был у него <у Боборыкина. – О.Ф.> и он у меня. Смешной человек. Здесь он – “особа” в полном смысле слова. В газетах о нем пишут под рубрикой “знаменитые гости”, с кардиналами он в дружбе и даже будет скоро принят папой. Очень курьезно при этом вспоминать его репутацию у нас в России. Вот уж поистине “нет пророка в своем отечестве”. Положим, он у нас очень и очень известен, печатается в лучших журналах, титулуется “наш маститый” и т. д. Но к нему издавна установилось какое-то смешливое отношение. Никогда почти не говорят о нем серьезно – зовут его, вм<есто> Боборыкин, Пьер Бобо; говорят, что он не пишет, а “боборыкает” свои романы (он их печет как блины), Буренин уверяет, что он ходит в лазурных брюках. Иногда у него находились защитники, но и они всегда в конце концов начинали хохотать. Я и раньше понимал причину такого отношения по его писаниям, но теперь, узнав его лично, вполне понимаю. Прежде всего, это – невозможная трещотка, чистый человек-фонограф, к<ото>рый болтает как заведенная машина, так что с ним невозможно разговаривать, а можно только его слушать. И потом во всей болтовне удивительно поверхностный и пустяковый человек. А в то же время – представьте себе – один из самых образованных людей не только в России, но и в Европе. Знает множество языков, имеет дипломы чуть ли не со всех факультетов, считается специалистом и по беллетристике, и по философии, и по театру, и по критике, и по чему угодно. Удивительное явление природы» (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 75).

18

Б.В. Никольский – П.П. Перцову
6 января 1898 г., Петербург

СПб. Слоновая 64
6 января 1898 г.

Многоуважаемый
Петр Петрович,

Немного – и даже много – запоздал ответом; но будьте снисходительны к увечному. Кроме того, в виду наступившего нового года, желаю Вам от себя и от жены всего хорошего.

Ваши возражения на мою статью о Соловьёве меня очень удивили. По природе и по привычке мне вовсе не свойственно ожидать, чтобы каждое мое мнение было встречено согласием читателей; и тем не менее, Ваши возражения были для меня полною неожиданностью. Так например, я совершенно не понимаю, что значат Ваши слова: «Марина очевидно (?) *не* внушена эпизодом с Керн: от сластолюбия последней до честолюбия первой дистанция огромная». Напротив, Марина *очевидно* внушена А.П. Керн: во-первых, под влиянием своего увлечения Пушкин отступил от своей первоначальной мысли о «трагедии без любви»¹; во-вторых, не понимаю, откуда Вы почерпнули сведение, будто К<ерн> была *только* сластолюбива? Из стихотв<орения> «желание славы»² несомненно ясно, что Керн была очень честолюбива (или тщеславна, если хотите): по крайней мере Пушкин желал своею *славою* мстить той, которая отвергла его любовь, *равнодушную к молве*³, – это то же душевное движение, которое составляет драматический смысл сцены у фонтана, – т. е. той сцены, ради которой Пушкин отступил от своего плана и включил в Бориса Годунова эпизод с Мариной. Что дистанция между Мариной и К<ерн> огромна, это я, пожалуй, и своим бы умишком понял (ср. стр. 27 строка 2 сверху и д<але>е)⁴. Одно дело равенство треугольников, а другое – подобие. Что Марина и К<ерн> одно – это, конечно, вздор; но что К<ерн> внушила Пушкину Марину (т. е. его понимание Марины) это несомненно и биографически, и психологически. Готов согласиться, что Пушкин мог создать и Клеопатру и Марину без всякой Керн; но тем-то и отличается моя статья от статьи Соловьёва, что Соловьёв говорит о том, что было бы и могло быть, а я о том, что было. Далее, никогда не имел я в виду сказать, будто *Пушкин* разлагал К<ерн> на Клеоп<атру> и Марину: в его настроенной к высоким вдохновениям душе ничтожный образ повадливой светской красавицы сам собою разложился на титанические создания; анатомия тут принадлежит мне, а не Пушкину; иначе пришлось бы удивляться дарованиям хрустальной призмы, разлагающей солнечный луч на краски спектра. «Сложной и яркой психологии героев *египетских* ночей» я не только не сблизил с увлечением Пушкина Керн, а напротив, на стр. 20 старался показать, почему невозможность этого сближения не опровергает моего взгляда⁵. Не могу наконец признать «пустяковым» увлечение Пушкина: прочтите его подлинные письма, припомните его шальные замыслы, его приглашение Керн оставить мужа и приехать к нему в Михайловское⁶ и т. д. Напротив, мне кажется, что именно серьезности увлечения Пушкина струсил Керн. Наконец, мое указание насчет темных дней⁷ и пр. верно и фактически и теоретически. Если Вы прочтете всё стихотв<орение> подряд, не разрывая на куплеты, как сделано мною для удобства изложения, то надеюсь, Вы сами возьмете назад свои слова. Пушкин говорит не о темноте жизни, а о мраке заточения, в котором он (будто бы) находился: неужели это одно и то же? При том, весь этот куплет (в глуши, во мраке заточенья) описывает состояние Пушкина во время *второго* пришествия, а вовсе не время после чудного мгновенья, т<ак> как после чудного мгновенья было нечто совсем другое, а именно, мятежный порыв бурь, который не имел и

не мог иметь ничего общего ни с глушью, ни с мраком заточенья, ни с грустно тянущимися днями. Вот ответ на Ваши фактические возражения: они все возникли при беглом и невнимательном чтении. Сошлюсь на Вас: Вы сами говорите, что без любви Пушкин бы не встряхнулся, и тем не менее прибавляете, что личность Керн тут не при чем. Т. е. как же это не при чем? Ведь этак, пожалуй, и личность Пушкина не при чем, ибо если Пушкин и мог бы влюбиться с равным успехом в кого-нибудь другого кроме Керн, то ведь и К<ерн> могла покорить кого-нибудь другого кроме Пушкина: обе возможности одинаково не имеют ровно никакого значения при оценке того, что на самом деле было. Далее, как, каким образом освещение эпизода с К<ерн> верно у Соловьева, когда результатом этого «освещения» является тезис: Пушкин лгал в своих лучших вдохновениях? Заключаете Вы свою полемику словами, что Соловьев, будто бы, доктринерски критикует Пушкина, а я, будто бы, чем устремиться на это его свойство («юридическая душа»), хочу реабилитировать А<нну> П<етровну> в жизни Пушкина. Во-первых – о, если бы у Соловьева была юридическая душа! Быть может, при его способностях тогда из него и человек бы вышел. Вся беда именно в том, что способности-то у него действительно не совсем недостойные сносно среднего юриста, но душа при этом цыплячья, да еще с примесью хлестаковщины. Во-2-х, основное правило спора – вести его на почве противника. Я, может быть, и считаю приемы Соловьева глупыми методологически; но раз вступил с ним в спор, обязан его сбить с позиции, которые им самим выбраны. В-3-х, ни о какой реабилитации А<нны> П<етровны> у меня и речи нет: см. 27 стр., где говорится, что в этом романе ничего не было идеального, кроме наружности К<ерн> и душевных движений Пушкина⁸. Относительно дуэли, я в сущности не понимаю, каким это образом Вы со мною не согласны: о нарушении слова Вы согласны, о последнем выстреле тоже, а потребность (апокрифическая или достоверная – в данном случае все равно) в «кровавом исходе» не имеет ровно никакого отношения к тому, что я говорю. Возможно, что Пушкин думал найти такой исход, делая первый вызов; но после того, как Дантес струсил и даже сделал предложение свояченице Пушкина⁹, только бы не стреляться (может ли трусость идти дальше – это по секрету от моей жены), Пушкин не мог не убедиться, что ищет кровавого исхода в совершенно неподходящем месте. Если бы Пушкину был действительно нужен кровавый исход, то все его поведение на этой дуэли верх нелепости: или он желал убить, – но тогда чего же он ждал у барьера выстрела Дантеса? Или он желал быть убит, – но тогда какой смысл в его последнем выстреле? С точки зрения «кровавого исхода» это, конечно, только взрыв злой страсти, как утверждает Соловьев. К этому прибавлю, что как ни душно было Пушкину, в последнее время его жизни, однако, по моему убеждению, он вовсе не думал о кровавом исходе, легенду о котором уже задним числом пустили добрые друзья Пушкина вроде Вяземского. Ни самоубийство, ни убийство не вяжутся с мыслью о Пушкине, и глупое предположение Соловьева о пострижении¹⁰ все-таки поэтичнее и достойнее Пушкина, чем пошлая выдумка Вяземского. Мысль о само-

убийстве, сколько я помню, вовсе не встречается в произведениях Пушкина, а представить себе Пушкина убийцей хотя бы и неудавшимся, мне также трудно, как было Пушкину представить себе убийцею создателя Ватикана¹¹. Итак, возвращаюсь «на первое»¹²: не вижу, каким образом Вы не согласны со мною относительно дуэли, даже если поверить в легенду о кровавом исходе. – Относительно же ругательств Вы, должно быть, правы, п<отому> что все то же говорят. В свое оправдание могу сказать одно: от чистого сердца писано и с полным убеждением. Я, так сказать, не обругать хотел, а охарактеризовать. Не знаю, моя ли вина, что все кричат «легче!»).

Вот Вам подробный отчет. Я убежден, что если он внушит Вам желание перечитать мою брошюрку (но перечитать *внимательно* – хотя бы с $\frac{1}{10}$ того внимания, с которым я ее писал) и без желанья держаться непременно своих прежних мнений, то Вы со мною согласитесь. Если же нет, то дайте новых аргументов.

Письмо и так вышло длинно; а у меня есть еще к Вам вопрос: будете ли Вы в Пизе¹³ и будете ли там проездом, или с остановкой, и если с остановкой, то продолжительной или нет?

Будьте здоровы.

Ваш *Б.Н.*

Примечания

¹ Слова о «трагедии без любви» из наброска предисловия Пушкина к его трагедии (1829) дважды цитируются Никольским (см.: *Никольский Б.В.* Сокрушить крамолу. С. 317, 327).

² Никольский цитировал стихотворение «Желание славы» («Когда любовью и негой упоенный...»), 1825 (Там же. С. 325–326).

³ В тексте Пушкина: «Ты знаешь: удален от ветреного света, / Скучая суетным прозванием поэта, / Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал / Жужжанью дальнему упреков и похвал. <...> Я новым для себя желанием томим: / Желая славы я, чтоб именем моим / Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною / Окружена была, чтоб громкою молвою / Все, все вокруг тебя звучало обо мне...»

⁴ «...Он разложил на Клеопатру и Марину простую смертную...» (Там же. С. 328).

⁵ Ср.: «...было бы насмешкой над здравым смыслом утверждать, что Клеопатра – поэтическое изображение той, которая являлась Пушкину как гений чистой красоты, хотя и не имела никакого права так ему являться по приговору его нравственного суда; но можно угадывать по письмам Пушкина, как действительность могла подсказать ему образ Клеопатры...» (Там же. С. 323)

⁶ Об этом речь идет в письме Пушкина от 28 августа 1825 г.

⁷ «...рядом пустых и темных дней» – слова из статьи Соловьёва (гл. III), опровергаемые Никольским (Там же. С. 329, 330).

⁸ Ср.: «...любовь поэта не осталась без взаимности, и хоть это не могло сделать ее более идеальной, но тем глубже охватила его внезапная и восторженная страсть» (Там же. С. 320). Выше о первой встрече с Керн в 1819 г., отразившейся в первых строках стихотворения «Я помню чудное мгновенье...», говорится: «Ни о какой любви тут нет и речи, даже о самой мимолетной. Поэт рассказывает только, что сохранил чудное внешнее впечатление, взволновавшее его воображение, но и забывшееся без следа» (Там же. С. 318).

⁹ Женой Ж. Дантеса 10 января 1837 г. стала Екатерина Николаевна Гончарова (1809–1843).

¹⁰ Ср. в гл. V у Соловьёва: «Он понял ..., что красота есть только осязательная форма добра и истины. / Если бы Пушкин жил в средние века, то, достигнув этого понимания, он мог

бы пойти в монастырь, чтобы связать свое художническое призвание с прямым культом того, что абсолютно достойно. Ему легко было бы удалиться от мира, в исправление и перерождение которого он, как мы знаем, не верил» (Соловьев Вл. С. Собр. соч. Т. IX. С. 43). И в гл. XII: «Для примирения с собою Пушкин мог отречься от мира, пойти куда-нибудь на Афон, или он мог избрать более трудный путь невидимого смирения, чтобы искупить свой грех в той же среде, в которой его совершил и против которой был виноват своею нравственною немощью Но так или иначе ... Пушкин после катастрофы жил бы только для дела личного душеспасения, а не для прежнего служения чистой поэзии» (Там же. С. 58).

¹¹ Реминисценция из «маленькой трагедии» «Моцарт и Сальери».

¹² «На первое возвратимся» – выражение из «Жития прототопопа Аввакума».

¹³ Ответ на этот вопрос см. в п. 19.

19

П.П. Перцов – Б.В. Никольскому

2 (14) февраля 1898 г., Рим

Рим. 2/14 фев<аля> 98 г.

«Долг платежом красен», многоуважаемый Борис Владимирович, – и, как видите, и я тоже не очень поторопился с моим ответом. Правда, Вы имеете своим извинением Ваш «спазм», но почти то же оправдание навертывается и мне: истинно от обилия всякого писания ощущаю также в правой руке какое-то неопределенное трясение или нытье. Впрочем, не столько это последнее, сколько иные обстоятельства, о к<ото>рых долго и безынтересно распространяться, замедлили мой ответ. Если Вы не желаете отплатить мне тою же монетой, то адресуйте письмо в *Палермо*, р<oste> r<estante>. На днях являются сюда Мережковские, и мы направляемся в Сицилию¹, где после различных авантур – буде уцелеем от пленения местными бандитами – рассчитываем поселиться в оном городе (приблизительно во второй нашего февраля половине).

Содержание письма Вашего распадается на две весьма неравные части: в первой, размером в 8 страниц мелкого шрифта Вы обороняете Ваше нападение на Вл. Соловьева; во второй, размером в 4 строки, Вы справляетесь о посещении мною города Пизы и, очевидно, намереваетесь навести через меня некие там справки юридического, без сомнения, характера. (Если не ошибаюсь, в этом именно городе случилось печальное событие нахождения Пандект², замурованных каким-то предусмотрительным субъектом древности в стену – «тут, дескать, уж наверное не найдут!» Ан, и тут нашли.)

Признаюсь, мне легче ответить на эту последнюю часть: «материалы», требуемые ответом на первую, в значительной мере испарились уже из моей головы, а новый сбор их представляется мне трудом весьма затруднительным. Итак, сообщая: в Пизе я уже был, и вряд ли вновь буду; буде же да, то лишь несколько часов (2–3) – более чего не требуется для тамошнего Campo Santo, собора и падающей башни³ – предметов, едва ли затрогивающих Ваше внимание.

Однако и о первой части замечу «вкратце»⁴, что г-жа Керн отнюдь не представляется мне честолюбивой (и стих<отворение> в этом смысле П<ушкина> относится на мой взгляд безусловно лишь к его психологии, в этом

случае *общемужской*, так сказать); увлечение его К<ерн>, судя по выдержкам из писем П<ушкина> в Вашей брошюре (подлинного П<ушкина> здесь не имею), <было> именно «пустяковым» (сами же Вы г<ово>рите, что оно заняло в его жизнь всего около 2 месяц<ев>⁵); «гнев» П<ушкина> на Дантеса несомненным; способность П<ушкина> быть убийцей и самоубийцей бесспорной (вспомните всех убийц – гениев истории, также и Гете-Вертера – дело в том, что не всякое убийство – «злодейство»), и наконец ругань Вашу на Сол<овьева> – чрезмерной. Извините догматичность этих изречений, но, думаю, и сами Вы уже не очень склонны возвращаться к оной археологии.

Спасибо за оттиск и отзыв о «Фил<ософских> Теч<ениях>»⁶. Сей последний столь же типичен, сколь и безличен. Начиная чтение, уже заранее ожидаешь поклонов в сторону генерала от философии Вл. Сол<овьева> и окрика в направлении «юнцов». Оно конечно, статьи мои в «Теч<ениях>» весьма мало философичны, а больше отзываются «любовительством», но зато решительно настаиваю, что «истинно-философский анализ» Вл. Сол<овьевым> Тютчева – как статья о Тютчеве – ни к чорту не годен⁷.

Ваш разбор вопроса о конвенции⁸ в *выводах*, пожалуй, принимаю вполне, но лишь в выводах, а не в мотивах. Дело в том, что современная иностранная литература в большинстве есть, действительно, хлам и шваль, лишь засоряющая наши читательские мозги, так что некая против нее плотина (хотя бы и в образе конвенции) желательна. Но наше с Вами «принципиальное различие» в том, что для меня «просветительные» соображения идут всегда впереди юридических. Мы – не римляне, и со времен их *aequitas*⁹ мир слышал уже много новых заветов.

В скобках замечу, что Ваша ссылка на Байрона и порицание им ограбления Акрополя¹⁰ – *недопустима*: разве Байрон протестовал с юридической точки зрения, т. е. зачем, дескать, посягнули на священное право собственности города Афин? Нет, он – совсем не Вашего лагеря.

Однако мы с Вами всё «полемизируем». Авось либо настанут когда-нибудь более мирные времена, а в ожидании оных заканчиваю мое послание. Передайте, пожалуйста, поклон мой многоуважаемой Екатерине Сергеевне. Жму Вашу руку.

Ваш П. Перцов

Примечания

¹ Мережковские приехали в Рим в феврале 1898 г., остановились в той же гостинице, что и Перцов, и вскоре вместе с ним отправились на Сицилию.

² *Пандекты* (Дигесты) – извлечения из свода римского гражданского права, составленные в царствование византийского имп. Юстиниана. В Пизе в средние века хранился древнейший список VI – нач. VII вв. (Littera Pisana). После завоевание города Флорентийской республикой в 1406 г. рукопись была перевезена во Флоренцию, отсюда ее второе название – *Codex Florentinus*. Ср. в дневниковой записи Никольского от 23 апреля 1899 г.: «Предшествующие дни все занимался дигестами. Неисчерпаемый кладёзь размышления» (Дневник. Т. 1. С. 297).

³ Упомянуты средневековое (XIII в.) монументальное кладбище в северной части главной площади Пизы, собор во имя Успения Пресвятой Богородицы (1064–1112) и колокольня («падающая башня», 1173).

⁴ Перцов откликается на стилистическую игру в письме Никольского, используя слово, часто употребляемое протопопом Аввакумом.

⁵ См.: Никольский Б.В. Сокрушить крамолу. С. 321.

⁶ К письму Никольского был приложен отгиск его статьи «Литературная конвенция» (Исторический вестник. 1897. Дек. С. 991–1004) и неуставленная рецензия на сборник «Философские течения русской поэзии».

⁷ Имеется в виду статья Соловьева в сборнике «Философские течения...».

⁸ Статья Никольского была посвящена разбору вопроса о необходимости заключения литературной конвенции между Россией и Францией. Авторское право Никольский называет «уродливым юридическим заблуждением» (Там же. С. 992), «мнимой собственностью», «перенесением в область духовного творчества феодальных хозяйственных понятий» (Там же. С. 992–993), но считает непреложным уважение «чужих прав» и в этом вопросе.

⁹ Равенство перед законом (лат.) – основа римского права.

¹⁰ Перцов имеет в виду слова из статьи Никольского «Литературная конвенция»: «Если мы даже войною не извиняем нарушения частных прав, то можем ли оправдывать его потребностями культуры? Припомните, как язвительно клеймил Байрон лорда Эльджина, который с самими “культурными” целями ограбил развалины Акрополя для лондонских музеев» (Там же. С. 996). Этот аргумент Никольский использовал против тех, кто считает возможным плагиат и т. п. якобы для «просветительских» целей.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Информационное письмо № 1

Глубокоуважаемые коллеги!
Приглашаем вас принять участие

**в Осенней сессии Соловьёвского семинара,
посвященной 20-летию журнала «Соловьёвские исследования»**

Время проведения: 29 сентября – 2 октября 2021 г.

Место проведения:

Ивановский государственный энергетический университет
имени В.И. Ленина,
г. Иваново, Российская Федерация

Организаторы:

Межрегиональный научно-образовательный центр исследований
наследия В.С. Соловьёва – Соловьёвский семинар,
журнал «Соловьёвские исследования»
(Ивановский государственный энергетический университет
имени В.И. Ленина)

Партнеры:

кафедра истории русской философии философского факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова;
сектор истории русской философии Института философии РАН;
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН;
философский факультет Российского государственного гуманитарного
университета;
Международный центр изучения русской философии
Социологического института РАН;
«Дом А.Ф. Лосева» – научная библиотека и мемориальный музей
La Maison d'Édition YMCA-Press (Издательский Дом ИМКА-Пресс);
Институт славистики Майнцского государственного университета
имени Иоганна Гутенберга;
философский факультет Папского университета Иоанна Павла II в Кракове;
факультет философии, теологии и религиоведения Неймегенского
университета имени Радбода;
Институт исследования обществ и знаний Болгарской Академии наук;
Институт философии Зеленогурского университета

В РАМКАХ СЕССИИ СОСТОЯТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ:

29–30 сентября 2021 г.

Международная научная конференция
**«Несобранный и неизданный Соловьев:
проблемы публикации и интерпретации наследия Вл.С. Соловьева»**

На обсуждение участников конференции выносятся темы, раскрывающие философское, публицистическое и литературное наследие Вл.С. Соловьева и его восприятие в отечественной и зарубежной мысли XIX–XXI вв., проблемы публикации и интерпретации наследия философа, вопросы развития научной коммуникации в профессиональном сообществе исследователей русской философии и культуры.

Заявки (аннотация доклада до 1000 знаков и Анкета участника) принимаются до 30 марта 2021 г.

Тексты докладов (статей) для публикации в журнале «Соловьевские исследования» необходимо представить до 15 мая 2021 г. Правила оформления статей см. на сайте журнала <http://ispu.ru/node/6625>

Заявки и тексты докладов направляются в Оргкомитет по адресу: mvmaximov@yandex.ru или maximov@philosophy.ispu.ru

Оргкомитет оставляет за собой право отбора заявок без объяснения причин их отклонения.

Приглашения участникам конференции будут высланы в период с 20 по 31 мая 2021 г.

Регламент конференции

1. Доклады на пленарном заседании – 30 мин.
2. Доклады на утреннем и вечернем заседаниях – 20 мин.

Языки конференции – русский и английский.

Командировочные расходы за счет направляющей организации.

1–2 октября 2021 г.

Международная научная конференция
«Данте и Соловьев: к 700-летию смерти Данте Алигьери»

На обсуждение участников конференции выносятся темы, раскрывающие восприятие наследия Данте Вл.С. Соловьевым; приветствуются темы, обращенные к исследованию философских и эстетических оснований мировоззрения Данте, его политических взглядов, влияния Данте на мировую литературу и искус-

ство последующих столетий, интерпретации метафизического, эзотерического и литературного наследия Данте в русской и европейской философии и культуре XIX–XXI вв.

Заявки (аннотация доклада до 1000 знаков и Анкета участника) принимаются до 30 марта 2021 г.

Тексты докладов (статей) для публикации в журнале «Соловьёвские исследования» необходимо представить до 15 мая 2021 г. Правила оформления статей см. на сайте журнала <http://ispu.ru/node/6625>

Заявки и тексты докладов направляются в Оргкомитет по адресу: mvmaximov@yandex.ru или maximov@philosophy.ispu.ru

Оргкомитет оставляет за собой право отбора заявок без объяснения причин их отклонения.

Приглашения участникам конференции будут высланы в период с 20 по 31 мая 2021 г.

Регламент конференции

1. Доклады на пленарном заседании – 30 мин.
2. Доклады на утреннем и вечернем заседаниях – 20 мин.

Языки конференции – русский и английский.

Командировочные расходы за счет направляющей организации.

В РАМКАХ СЕССИИ СОСТОЯТСЯ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ:

Книжные выставки и презентации
**российских и зарубежных изданий сочинений В.С. Соловьёва
и исследовательской литературы**

Фотовыставка
«20 лет журналу “Соловьёвские исследования”»

Концертная программа
**«Только имя мое назовешь...»:
Вокальные сочинения на стихи В.С. Соловьёва**

Просмотр фильма
«В.С. Соловьёв в русском изобразительном искусстве»

АНКЕТА УЧАСТНИКА

Фамилия, имя, отчество (на языке Вашей страны и по-русски)	
Тема доклада	
Аннотация доклада (не более 1000 знаков)	
Электронный адрес E-mail	
Контактный телефон	
Ученая степень, звание (на языке Вашей страны и по-русски)	
Должность (на языке Вашей страны и по-русски)	
Место работы (на языке Вашей страны и по-русски)	
Адрес места работы с индексом (на языке Вашей страны и по-русски)	
Домашний адрес с индексом (на языке Вашей страны и по-русски)	
<i>Следующие ниже пункты анкеты заполняются только иностранными участниками, нуждающимися в получении визового приглашения:</i>	
Гражданство (указывается на языке Вашей страны)	
День, месяц, год рождения	
Дата выдачи паспорта и срок его действия	
Название города, e-mail и fax российского посольства/консульства, в котором будете получать визу	
Желательные даты пребывания в Иванове	
Копия (скан) первой страницы паспорта! (для иностранных участников, нуждающихся в визовой поддержке, выслать	

Примечание. Всем проживающим вне Шенгенской зоны иностранным гражданам необходимо иметь в виду, что визовое приглашение оформляется в течение месяца + время на получение самой визы. Во избежание недоразумений следует своевременно высылать заявки.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ:

Максимов Михаил Викторович (председатель Оргкомитета) – доктор философских наук, профессор, руководитель Межрегионального научно-образовательного центра исследований наследия В.С. Соловьева – Соловьёвского семинара, главный редактор журнала «Соловьёвские исследования», профессор кафедры истории, философии и права «Ивановского государственного энергетического университета имени В.И. Ленина» (г. Иваново, Российская Федерация)

Тарарыкин Сергей Вячеславович – доктор технических наук, профессор, ректор «Ивановского государственного энергетического университета имени В.И. Ленина» (г. Иваново, Российская Федерация)

Викторова Татьяна – доктор филологических наук, профессор Страсбургского университета, директор Культурного центра ИМКА-Пресс, главный редактор журнала «Вестник РХД» (г. Париж, Франция)

Гарциано Светлана – доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков, директор Дома языков Лионского Университета имени Жана Мулена (г. Лион, Франция)

Гачева Анастасия Георгиевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН, зав. отделом Библиотеки № 180 имени Н.Ф. Федорова, член редколлегии журнала «Соловьёвские исследования» (г. Москва, Российская Федерация)

Гольдт Райнер – доктор филологических наук, профессор Института славистики Майнцского государственного университета имени Иоганна Гутенберга, член редколлегии журнала «Соловьёвские исследования» (г. Майнц, Германия)

Димитрова Нина Иванова – доктор философских наук, профессор сектора Истории философских и научных идей Института исследования обществ и знаний Болгарской Академии наук, член редколлегии журнала «Соловьёвские исследования» (г. София, Болгария)

Дэвидсон Памела – доктор филологических наук, профессор русской литературы Университетского колледжа Лондона, член редколлегии журнала «Соловьёвские исследования» (г. Лондон, Великобритания)

Евлампиев Игорь Иванович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета, член редколлегии журнала «Соловьёвские исследования» (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Едошина Ирина Анатольевна – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры истории Костромского государственного университета, член редколлегии журнала «Соловьёвские исследования» (г. Кострома, Российская Федерация)

Звейрде Эварт ван дер – доктор философских наук, профессор социальной и политической философии факультета философии, теологии и религиоведения Неймегенского университета имени Радбода, член редколлегии журнала «Соловьевские исследования» (г. Неймеген, Нидерланды)

Кнейзик Лилианна – доктор философских наук, профессор, директор Института философии (2005–2017 гг.), заведующая кафедрой истории философии Зеленогурского университета (г. Зелена Гура, Польша),

Красицки Ян – доктор философии, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии Института философии Вроцлавского университета, член редколлегии журнала «Соловьевские исследования» (г. Вроцлав, Польша)

Максимова Лариса Михайловна (секретарь Оргкомитета) – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Ивановского государственного энергетического университета имени В.И. Ленина, ответственный секретарь редколлегии журнала «Соловьевские исследования» (г. Иваново, Российская Федерация)

Малинов Алексей Валерьевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Маршадье Бернар – доктор славяноведения, член редколлегии журнала «Соловьевские исследования» (г. Париж, Франция)

Маслин Михаил Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Российская Федерация)

Межуев Борис Вадимович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории русской философии МГУ имени М.В. Ломоносова, член редколлегии журнала «Соловьевские исследования» (г. Москва, Российская Федерация)

Немет Томас – доктор философских наук, профессор, член редколлегии журнала «Соловьевские исследования» (г. Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки)

с. Оболевич Тереза – доктор философии, профессор, заведующая кафедрой русской и византийской философии Папского университета Иоанна Павла II в Кракове (Польша)

Оппо Андреа – доктор философии, профессор теоретической философии Папского факультета теологии Сардинии, член редколлегии журнала «Соловьевские исследования» (г. Кальяри, Италия)

Рычков Александр Леонидович – приглашенный член Шекспировской комиссии при Научном совете «История мировой культуры» РАН (г. Москва, Российская Федерация)

Сербиненко Вячеслав Владимирович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории отечественной философии Российского государственного гуманитарного университета, руководитель Общества

историков русской философии имени В.В. Зеньковского, член редколлегии журнала «Соловьёвские исследования» (г. Москва, Российская Федерация)

Черняев Анатолий Владимирович – кандидат философских наук, заместитель директора Института философии РАН по научной работе, руководитель сектора истории русской философии ИФ РАН (г. Москва, Российская Федерация)

Тахо-Годи Елена Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН имени А.М. Горького, заведующая научным отделом научной библиотеки и мемориального музея «Дом А.Ф. Лосева», член редколлегии журнала «Соловьёвские исследования», г. Москва, Российская Федерация,

Титаренко Светлана Дмитриевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, член редколлегии журнала «Соловьёвские исследования» (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

АДРЕС ОРГКОМИТЕТА КОНФЕРЕНЦИИ:

ул. Рабфаковская, д. 34, ИГЭУ, Соловьёвский семинар, г. Иваново,
153003, Российская Федерация
т. (4932) 26-97-70; факс: (4932) 38-57-01, 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru, mvmaximov@yandex.ru

О ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»
“Solov’evskie issledovaniya” (ISSN 2076-9210)

Журнал «Соловьёвские исследования» является научным изданием, освещающим актуальные вопросы отраслей гуманитарного знания – философии, филологии, культурологии. На страницах журнала публикуются результаты исследований российских и зарубежных учёных. Материалы принимаются на русском, английском, немецком и французском языках.

Журнал издаётся с 2001 г., в состав его редколлегии входят специалисты философских и научных центров России, Германии, Франции, Великобритании, Нидерландов, Польши, Болгарии, Украины, Соединённых Штатов Америки, Италии.

Периодичность журнала – 4 выпуска в год: март, июнь, сентябрь, декабрь.

Информация о журнале представлена на сайте <http://solovyov-studies.ispu.ru> и на сайте Ивановского государственного энергетического университета: <http://www.ispu.ru/node/8026>

Полнотекстовые электронные версии всех номеров журнала с 2001 г. доступны по адресам:

<http://solovyov-studies.ispu.ru/ru/archive>

<http://www.ispu.ru/node/6623>

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.01 – Онтология и теория познания (философские науки)

09.00.03 – История философии (философские науки)

09.00.04 – Эстетика (философские науки)

09.00.05 – Этика (философские науки,

09.00.11 – Социальная философия (философские науки)

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские науки)

09.00.14 – Философия религии и религиоведение (философские науки)

10.01.01 – Русская литература (филологические науки)

10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием страны) (филологические науки)

10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки)

24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

Адрес редакции:

153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, д. 34, ИГЭУ,
Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия
В.С. Соловьёва – Соловьёвский семинар
т. (4932) 26-97-70, 26-98-57
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
koroleva@ispu.ru

Сайт Соловьёвского семинара: <http://solovyov-studies.ispu.ru>

Информацию о текущей деятельности Соловьёвского семинара смотрите также
на: <http://www.ispu.ru/taxonomy/term/1071>

Главный редактор:

Максимов Михаил Викторович, д-р филос. наук, профессор
т. (4932) 26-97-70
факс: т. (4932) 38-57-01; 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru; mvmaksimov@yandex.ru

О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Подписка на ежеквартальный научный журнал «Соловьёвские исследования» осуществляется в любом почтовом отделении Российской Федерации.

Условия подписки – в «Каталоге Агентства Роспечать» (раздел «Журналы России»).

Индекс для подписчиков в «Каталоге Агентства Роспечать» – 37240.

Копию квитанции необходимо высылать на адрес редколлегии: 153003, Россия, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34, ИГЭУ, Максимову М.В., или по E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru; mvmaximov@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Соловьёвские исследования» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Для публикации в «Соловьёвских исследованиях» принимаются научные статьи, обзоры, рецензии и другие материалы, соответствующие тематике журнала и научным направлениям – философия, филология, культурология.

Плата за публикацию статьи в журнале не взимается.

Аспиранты, магистранты и студенты предоставляют на присылаемые статьи отзыв научного руководителя.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПУБЛИКУЕМЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

1. Объем статьи – до 1 п.л. (40000 знаков с пробелами, включая аннотацию, список литературы и References), рецензий – до 0,5 п.л. Текст предоставляется на электронном носителе в редакторе WORD либо по электронной почте maximov@philosophy.ispu.ru (файлы с материалами должны быть названы по фамилии автора). Шрифт Times New Roman, формат страницы А4. Поля: верхнее – 1,5 см; нижнее, правое и левое – 2 см. Размер бумаги: ширина – 16,5 см; высота – 23,5 см.

2. Структура статьи должна быть следующей:

- в верхнем левом углу проставляются УДК и ББК;
- через 1.0 интервал ФИО автора/авторов полностью (на русском языке); полное название места работы, звания, занимаемая должность, страна, город, (на русском языке) и адрес электронной почты автора, кегль 9;
- через 1.0 интервал печатается название статьи по центру, строчными буквами, шрифт полужирный, кегль 13, перенос запрещен (на русском языке);
- через 1.0 интервал печатается аннотация (от 200 до 250 слов (1500–1800 знаков без пробелов)), кегль 9, курсивом (на русском языке);
- через 1.0 интервал печатаются ключевые слова (от 10 до 15 слов), кегль 9, курсивом (на русском языке).

Далее все эти же сведения даются на английском языке.

- через 1.0 интервал печатается текст статьи, кегль 11, межстрочный интервал по всему тексту – одинарный, отступ абзаца – 1 см (5 знаков), автоматический перенос

слов включён, кавычки по всему тексту *только* угловые, *внутри цитаты* использовать кавычки другого вида: «”.....”»;

– через 1.0 интервал печатается библиографический список на русском языке (название «Список литературы») и список литературы на латинице (название References) (включают использованную литературу; в библиографическом описании указываются все авторы).

3. Содержание и структура аннотации.

Аннотация должна отражать основное смысловое содержание статьи и её характеристику. Структура аннотации должна включать следующие разделы: состояние вопроса (степень изученности вопроса в науке и литературе, обоснование актуальности выбранной темы); материалы и методы (на каком материале и с помощью каких методов рассматривается обозначенная проблема); результаты проведенного исследования (с использованием глагольных форм и словосочетаний следующего типа: рассматриваются..., излагаются..., утверждается..., предлагается..., обосновывается...; используются методы..., обосновываются положения (концепции, идеи) ..., дается обзор ...; рассмотрены..., изложены..., выявлены..., предложены...; дан анализ..., изложена теория (концепция)... и т. п.); выводы.

В связи с подготовкой журнала к индексированию в Международной информационной аналитической системе Sciverse Scopus редколлегия журнала просит уделять особое внимание составлению аннотации в соответствии с особенностями этого жанра.

Аннотация на английском языке должна составляться с соблюдением грамматики и стилистики английского языка, с использованием принятой в англоязычных изданиях специальной терминологии; не должна выполняться при помощи автоматических переводчиков (не обязательно должна быть дословным переводом аннотации на русском языке).

В соответствии с требованиями Scopus, не допускается вынесение развернутых комментариев в сноски; необходимый комментарий следует давать в тексте статьи либо в скобках внутри текста.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи; определять предметную область исследования; встречаться в тексте статьи (имена собственные, общие понятия и общенаучные термины ключевыми словами не являются).

4. Требования к оформлению разделов «Список литературы» и References.

После статьи отдельными разделами оформляются «Список литературы» и References (шрифт Times New Roman, кегль 9). В списке литературы должно быть не менее 20 позиций. Рекомендуется, чтобы не менее 30 % источников, включенных в библиографический список, составляли работы, опубликованные на английском и других иностранных языках. Нумерация *Списка литературы* и ссылки на нее в тексте выполняются **без применения автоматической расстановки ссылок**.

Согласно требованиям Scopus, раздел References должен иметь следующую структуру:

- ссылки на статьи в научных журналах (Articles from Scientific Journals);
- ссылки на статьи в сборниках научных трудов (Articles from Proceedings and Collections of Research Papers);
- ссылки на монографии (Monographs);
- ссылки на диссертации и авторефераты (Thesis and Thesis Abstracts).

В библиографическом описании в разделе References заглавия статей из журналов и сборников опускаются (при сохранении заглавий статей необходимо включать в описание их перевод на английский язык); оригинальные названия книжных источников (монографии, сборники, материалы конференций), изданных на кириллице, даются

в транслитерации (курсивом) и на английском языке (в квадратных скобках); выходные данные (город (для книжных изданий), том (vol.), номер (no.), страницы (pp., p.)) переводятся на английский язык. Обязательные выходные данные: для статей из журналов – год, том, номер, страницы; для книжных изданий – место издания, год, количество страниц. Место издания, включая Moscow и Saint-Petersburg, пишется полностью.

Применяется одна система транслитерации, которая доступна по адресу <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке «Варианты» выбираем вариант BGN). Примеры оформления библиографических описаний в разделах «Список литературы» и References размещены на сайте журнала: <http://solovyov-studies.ispu.ru> и на странице журнала на сайте ИГЭУ: <http://www.ispu.ru/node/6623>

В текстах, набранных *латиницей*, используется вариант кавычек “...”.

5. *Оформление ссылок.* Ссылки на цитируемую литературу при использовании *прямого цитирования* (если цитата представляет собой развернутое, законченное высказывание с указанием автора и источника цитаты) оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: В работе «Диалектика мифа» (1930 г.) А.Ф. Лосев пишет: «Текст цитаты» [1, с. 15] (первая цифра обозначает порядковый номер в Списке литературы, вторая – страницу цитируемого источника). Если используются приемы *непрямого цитирования* или *частичное цитирование* (т.е. отдельные слова, словосочетания, обороты речи), то ссылка оформляется как подстрочная (в тексте – верхним индексом; внизу страницы дается библиографическое описание цитируемого источника – под сплошной чертой, отделяющей основной текст, шрифт Times New Roman, кегль 9). Например: ¹См.: Игошева Т.В. Ранняя лирика А.А. Блока (1898–1904): поэтика религиозного символизма. М.: Глобал Ком, 2013. С. 15–25 [1]. Так же, как подстрочная ссылка (верхним индексом), оформляются и *авторские примечания*.

При повторной ссылке в постраничной сноске используется сокращенный вариант библиографического описания источника (допускается сокращение длинных названий источников; опускаются выходные данные). Если повторная ссылка идет сразу ниже ссылки с библиографическим описанием источника, то используется следующая запись: Там же. С. ...

Ссылки на электронные ресурсы допускаются только при отсутствии их «бумажных» аналогов, с правильным указанием адреса веб-страницы и даты обращения к ней.

6. Авторы статей, публикуемых на языке оригинала (английском, немецком, французском), дополнительно предоставляют реферат статьи объемом 4500 знаков без учета пробелов (700 слов) на русском языке.

7. Отдельным файлом предоставляется Авторская справка по следующей форме: – ФИО полностью;

- ученая степень и ученое звание;
- должность, название кафедры, отдела, сектора и др.;
- название организации (полное) / места работы;
- почтовый индекс и адрес организации / места работы;
- почтовый индекс и адрес для переписки;
- телефон;
- E-mail.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей.

При отклонении материалов рукописи не возвращаются.

Гл. редактор, профессор Михаил Викторович Максимов
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru; mvmaximov@yandex.ru

Главный редактор
МАКСИМОВ Михаил Викторович

СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
2020. Вып. 4(68)

Редактор С.М. Коткова
Компьютерная верстка и макетирование
М.А. Баркова

Обложка А. Лебедев

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-64667 от 22.01.16 г.

Подписано в печать 30.11.2020. Дата выхода в свет 15.12.2020.
Формат 70x100 1/16. Печать плоская. Усл. печ. л. 16,25. Уч.-изд. л. 16,92.
Тираж 100 экз. Цена свободная. Заказ №

Адрес редакции и издателя:
ФГБОУВО «Ивановский государственный энергетический
университет имени В.И. Ленина»,
153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34.

Типография «ПресСто»,
153025, г. Иваново, ул. Дзержинского, 39, строение 8